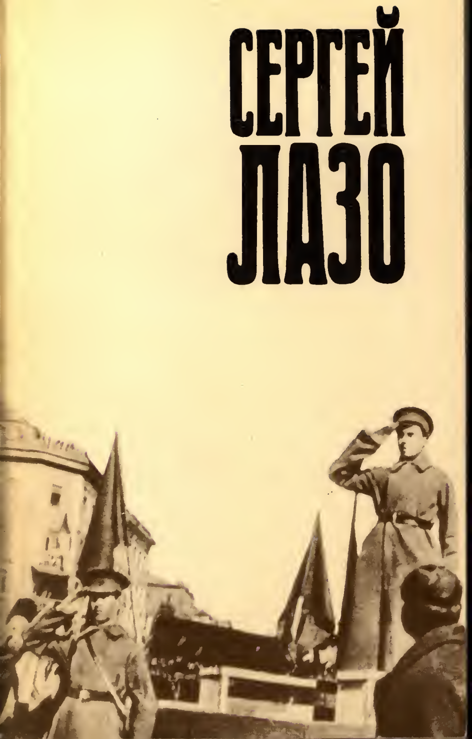
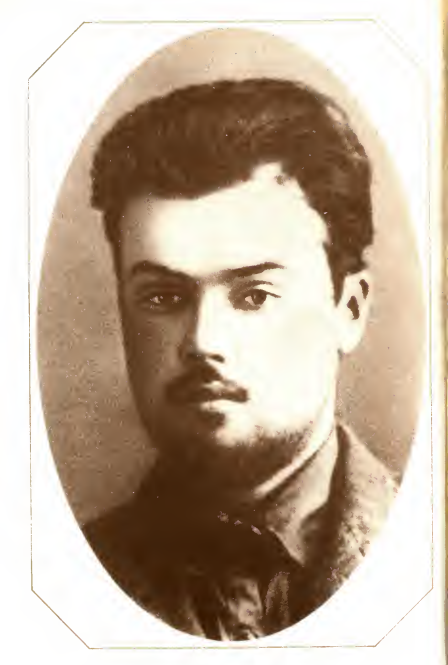
СЕРГЕЙ ЛАЗО

СЕРГЕЙ ЛАЗО

ВОСПОМИНАНИЯ
И ДОКУМЕНТЫ

Издание второе

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

63.3(2)712.8
Л17

Составители сборника:
доктор исторических наук Г. Е. РЕЙХБЕРГ,
доктор исторических наук профессор А. П. ШУРЫГИН,
А. С. ЛАЗО.

Л17 Сергей Лазо: Воспоминания и документы/Сост.: Г. Е. Рейхберг, А. П. Шурыгин, А. С. Лазо.— 2-е изд.— М.: Политиздат, 1985.— 207 с., ил.

Эта книга посвящена жизни и деятельности героя гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке Сергея Георгиевича Лазо, который героически погиб в 1920 году. Воспоминания его друзей и соратников рисуют образ мужественного и гуманного человека, «человека высокой рыцарской чести и благородства», как говорил о Сергее Лазо замечательный писатель Александр Фадеев.

С $\frac{0505030102-333}{079(02)-85}$ 118—86

63.3(2)712.8
9(С)22

Читатель, у тебя в руках книга о герое гражданской войны Сергее Лазо. Герои рождаются из слияния исторических обстоятельств и личных качеств человека.

Эту книгу о Сергее Лазо написали замечательные люди, участники гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, о них газета «Правда» 11 ноября 1936 года писала: «Большевики Дальнего Востока вписали в историю пролетарской революции одну из наиболее ярких, наиболее героических страниц. Тайга стала крепостью обороны. Она родила партизан, «штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни». Рядом с именами Чапаева и Щорса имя Лазо огненными буквами вписано в историю социалистических побед».

Сергею Лазо, когда грянула революция, было двадцать три года, а в двадцать шесть лет его жизнь оборвалась. Но разве дело в сроках? Да, его жизнь коротка, но по силе и щедрости деяний, мыслей и чувств ее хватило бы на десятилетия. И память о нем живет и живет, потому что он отдал свою жизнь служению революции.

«И, вспоминая его преждевременную гибель, мы не будем прославлять его, как героя, и жалеть о его преждевременной утрате. Нет, этого вождям пролетариата не надо. Он исполнил свой долг и стоял на своем посту до конца» — это слова самого Сергея Лазо, и посвящены они памяти председателя Владивостокского Совета Константина Суханова, погибшего от рук интервентов в 1918 году; это отношение его к смерти.

Сергей Лазо сознавал возможность гибели и был готов отдать свою жизнь за дело революции. О его храбрости, о поведении в бою вы прочтете в этой книге, и перед вами, дорогой читатель, встанет обаятельный образ мужественного, смелого, гуманного человека, который еще в отро-

честве понял, что не сможет жить спокойно, видя рядом с собой страдания и нищету народа в царской России. Лазо, вспоминая раннюю юность, писал: «...пылкое воображение уже нарисовало светлыми красками картину коммунистической жизни городов и деревень. Этим мыслям я отдавался со страстью и иногда часами раздумывал над мелочами этого лучшего строя».

На одном из привалов после тяжелого перехода молодой партизан, чтобы воодушевить товарищей, стал читать поэму Н. Некрасова «Русские женщины». Его чтение потрясло партизан, оно стоило дюжины политических речей. Я рассказал Сергею Лазо о чтении поэмы, вспоминает один из организаторов партизанского движения в Сучанском районе Н. Ильюхов, Сергей слушал меня с большим вниманием и не сводил с меня больших черных глаз до конца рассказа. Когда я кончил, Сергей встал, походил по комнате, затем остановился против меня и сказал: «Знаешь что? Если Булыга прочитал поэму Некрасова так, как ты мне рассказал, значит, он сам имеет поэтические задатки».

Лазо не ошибся: Булыга стал большим, прекрасным советским писателем Александром Фадеевым.

Часто бывает так, что люди с обостренным чувством совести невольно группируют вокруг себя людей по необъяснимым законам человеческого тяготения. Так притягивал к себе Сергей Лазо.

Александр Фадеев с юных лет и через всю жизнь пронес трогательную любовь к нему, и это вы почувствуете в его воспоминаниях. «Я думаю,— писал А. Фадеев,— не будет преувеличением сказать, что С. Лазо принадлежал к очень незаурядным людям. Если бы он остался жив, он был бы сейчас очень крупным работником — и политическим и военным... Он был прежде всего пролетарским революционером, революционером до последней капли крови, и человеком, лично одаренным, всесторонне талантливым. Он обладал исключительным трудолюбием и работоспособностью, любой вопрос изучал всесторонне и до конца. Он был на редкость скромен и лишен ложного само-

любия. Это был человек высокой рыцарской чести и благородства».

А вот как отзывался о Лазо бывший царский генерал В. Г. Болдырев, сделавший запись о встрече с ним в своем дневнике 4 марта 1920 года. «Лазо — 26-летний молодой человек, олицетворение физической силы, полон энергии и завидного вкуса к жизни. Малороссийский выговор, слегка картавит, не без некоторой самоуверенности... Самый уход его в сопки уже нешуточное дело, за ним охотились с 1918 года». И немолодой генерал невольно подпадает под обаяние личности Сергея Лазо. «Все в нем было хорошо,— пишет он,— и плотная фигура, и хохлатый упрямый чуб, и лукаво смеющиеся глаза, и короткий мягкий говор, и задор суждений. Такие типы чаще среди коммунистов...»

Недоброй памяти атаман Семенов писал впоследствии, что, если бы у него были такие офицеры, как Лазо, он конечно бы победил.

Отечественная война 1941—1945 годов дала тысячи героев, и они сознавали свою духовную связь с борцами за революцию. Во время войны в тылу у гитлеровцев создавались партизанские отряды, полки, бригады. В начале 1942 года организовался партизанский отряд на Смоленщине, потом он вырос в полк. И когда встал вопрос о его названии, партизаны дружно поддержали предложение своего командира, бывшего учителя и директора школы В. В. Казубского, присвоить полку имя Сергея Лазо.

23 июня 1942 года в сообщении Совинформбюро говорилось: «Партизанский отряд имени Лазо, действующий в оккупированных немцами районах Смоленской области, в течение 10 дней вел упорные бои с немецко-фашистскими частями. Партизаны уничтожили до 2000 немецких солдат и офицеров, 7 танков, 7 бронемашин и 16 автомашин». А приказом по Западному фронту от 10 июля 1942 года многие партизаны полка имени Сергея Лазо были награждены орденами и медалями Советского Союза.

В мае 1945 года победоносно закончилась война с гитлеровцами.

А в августе во Владивостоке был открыт памятник Сергею Лазо. На пьедестале памятника высечены слова, сказанные им в одном из последних выступлений: «Вот за эту русскую землю, на которой я сейчас стою, мы умрем, но не отдадим ее никому». Эти слова как завет будущим поколениям: беречь и любить свою страну, свою землю, свой народ.

Проходят годы, но снова и снова память возвращается к прошлому. В 1949 году, находясь во Франции, А. Фадеев, выступая на собрании интеллигенции в Париже, говорил: «Я познал лучшие стороны народа, из которого я вышел. В течение трех лет вместе с ним я прошел тысячи километров дорог, спал под одной шинелью и ел из одного солдатского котла. Я впервые познал, что за люди идут во главе народа. И я понял, что такие же люди, как и все, но это лучшие сыновья и дочери народа. Если бы народ не нашел их в своей среде, он навсегда остался бы прозябать в нищете и бесправии. Любимый руководитель дальневосточных партизан Сергей Лазо был схвачен японцами и заживо сожжен в топке паровоза. Вместе с ним был схвачен и сожжен мой старший двоюродный брат, Всеволод Сибирцев. Это была моя «путевка в жизнь», как гласит название одного из ранних советских кинофильмов. Я понял значение партии для судьбы народа и горжусь, что был принят в ее среду».

Проходят дни и годы, и гражданская война становится уже историей, литературой, наукой. Но сколько бы ни прошло лет, время не может отгородить от современности живое дыхание революции. И эта необходимость создания традиции уважения к памяти героев возникла с первых дней победы Октября в тяжелое время голода и разрухи. Советское правительство намечает смелые планы монументальной пропаганды. Декрет «О памятниках Республики» предусматривал установку памятников революционерам и общественным деятелям. В. И. Ленин в день первой годовщины Советской власти в 1918 году на открытии мемориальной доски на Кремлевской стене сказал: «Почтим же

память октябрьских борцов тем, что... дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму».

Вошло в обычай называть именами героев города, улицы, заводы, колхозы, корабли. В 1926 году в газете «Известия» впервые было напечатано стихотворение В. Маяковского «Товарищу Нетте — пароходу и человеку». О героях революции он говорил:

В наших жилах —
кровь, а не водица.
Мы идем
сквозь револьверный лай,
чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

Три корабля носят имя Сергея Лазо. Туристский пассажирский теплоход «Сергей Лазо» ходит по Волге, грузовой рефрижератор бороздит моря и океаны, возит грузы на Кубу, в Италию, Индию и другие страны.

На владивостокском рейде стоят мощные промысловые суда: «Константин Суханов», «Сергей Лазо», «Василий Блюхер», «Иероним Уборевич». Стоят суда, делающие нужное мирное дело, напоминая о тех, кто подготовил и совершил революцию, кто отстоял ее в годы гражданской войны,— они начинали будущее, наш сегодняшний день. И в наших победах и свершениях есть частица жизни и подвига героев тех лет.

* * *

В данном сборнике помещены воспоминания о Сергее Георгиевиче Лазо, его дневниковые записи и одно из последних выступлений. Часть воспоминаний публиковалась в 1938 году в книге «Сергей Лазо». Но с тех пор прошло более 45 лет, и книга стала библиографической редкостью.

Сборник мы адресуем всем, кто интересуется историей нашей Родины, ее героическим прошлым.

А. ПОМЕРАНЦЕВА

В Красноярске

В конце 1916 года Лазо попадает в Красноярск и здесь сразу приступает к поискам революционных связей.

Десятки лет непрерывным потоком через Красноярск, через его пересыльную тюрьму, шли политические в ссылку и на каторгу. Большие железнодорожные мастерские были пролетарским центром Красноярска. Местная организация большевиков объединяла в своих рядах в 1917 году опытных организаторов, пропагандистов и крепких пролетариев — участников боевых схваток с царизмом в 1905 году. Красноярск стал оплотом большевизма в Сибири и рассылал своих агитаторов в другие города, чтобы отвоевать рабочие и солдатские массы у эсеров и меньшевиков. Каждый искренний революционер находил здесь себе место.

Таким честным революционером был Сергей Лазо, двадцатидвухлетний юноша-интеллигент, рвавшийся в бой за торжество революции, но еще недостаточно вооруженный революционной теорией.

Лазо в эту пору еще находился под влиянием мелкобуржуазной идеологии. Однако он не идет к видным красноярским эсерам, работавшим в кооперации и в других легальных общественных организациях. Он ищет связей с подпольем, он хочет вести настоящую революционную работу.

В 1916 году царское правительство рискнуло призвать в армию политических ссыльных, предусмотрительно разместив их по одному в ротах, чтобы оградить солдат от революционного влияния. Но солдатская масса, взволнованная ужасами затянувшейся империалистической бойни, вестями о поражениях и генеральских предательствах, напряженно прислушивалась к каждому революционному слову. Красноярская подпольная большевистская организация воспользовалась пребыванием политических ссыльных среди солдат — установила связи, усилила свою работу и, образовав несколько солдатских кружков, посылала туда агитаторов и снабжала их листовками. Нелегальная литература против войны и ее виновников, издававшаяся в Томске военно-социалистическим союзом, доставлялась

оттуда в другие города. В Красноярске эту литературу размножали на ротаторе и распределяли по полкам.

Лазо очень скоро начал нелегально работать среди солдат. Он встретил Николая Мазурина, в то время эсера-интернационалиста, разделявшего пораженческую позицию большевиков в оценке империалистической войны и вместе с большевиками проводившего агитационную работу среди солдат.

При первых же известиях в Красноярске о свержении царизма вооруженные солдаты присоединились к рабочим и приступили к выборам депутатов в Совет.

Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов 3 марта 1917 года открыл свое первое заседание. Не было еще настоящей спокойной уверенности в окончательной победе над черными силами — цепи рабства разбиты, но их звон еще стоит в ушах. И вот Сергей Лазо, возбужденный и радостный, выводит свою войсковую часть из казармы, является с ней в Совет и отдает себя в его распоряжение. Это было политическим шагом, положившим начало крепкой связи Лазо с большевиками.

Солдаты выбрали Лазо в полковой комитет, а когда в мае при Красноярском Совете была образована комиссия «для разрешения вопросов, касающихся солдатского быта», Лазо вошел и в состав этой комиссии.

Горячо поддерживая большевиков по вопросу о войне и разделяя их отношение к Временному правительству, Лазо не сразу освободился от своих народнических настроений. Он вошел в группу эсеров-интернационалистов и крепко сдружился с Николаем Мазуриным и Адой Лебедевой, которые вели эту группу за собой.

Со всей юношеской восторженностью Сергей любил Аду Лебедеву. Ада была человеком сильной воли, настоящим бойцом революции, и вместе с этим в ее наружности было что-то детское, нежное, только острым огоньком вспыхивали глаза да чуть насмешливой была улыбка... Николай Мазурин, Ада Лебедева и Сергей Лазо — все трое в 1918 году вступили в ряды Коммунистической партии и все трое пали жертвами белогвардейцев-палачей.

Они умело и метко били красноярских правых эсеров, помогая большевикам раскрыть перед рабочими и солдатами контрреволюционную сущность эсеровской политики.

Особенно бурными стали митинги и собрания в июне 1917 года, когда Керенский, выполняя приказ англо-французских империалистов, старался воспламенить армию призывами к наступлению. В эти дни красноярские эсеры,

почуяв, что вместе с наступлением на фронте идет наступление на революцию, превратили свой клуб в центр оголтелой контрреволюционной агитации. Эсеры спешно связались с гарнизонным начальством и казачьим офицерством, чтобы подготовить расправу с Красноярским Советом. Известия из Петрограда об июльских событиях, об аресте большевиков и разгроме «Правды» разнуздали эсеров: они повели погромные речи против «анархо-большевизма» и требовали расстрела бегущих с фронта солдат. Тогда Сергей Лазо и Ада Лебедева, участвовавшие вместе с большевиками в июльской демонстрации, выступили в эсеровском клубе в последний раз: они заклеймили правых эсеров как погромщиков и предателей, заявили о своем решительном разрыве с ними и ушли с их собрания...

В начале августа 1917 года Красноярский Совет ввиду острого недостатка рабочих рук в деревне и угрозы гибели богатого урожая приступил к отпуску части солдат на полевые работы.

Это распоряжение Совета начальник красноярского гарнизона полковник Толстов вместе с реакционным офицерством и с эсерами избрал поводом для бешеной травли Красноярского Совета. В Иркутский военный округ посылались клеветнические доносы.

Иркутский военный округ, возглавляемый эсерами, только и ждал повода для похода против непокорного Красноярского Совета, который не подчинился приказу военного министра об отправке членов исполнительных комитетов Советов на германский фронт.

Организаторы контрреволюционного выступления заранее уже разбили Красноярск на боевые участки, ходили по ротам и требовали выдачи оружия, а своим приверженцам раздавали ручные гранаты. И хотя большинство солдат в ротах разоружаться отказалось, но часть фронтовиков, прибывших незадолго до того, готова была поверить клевете своего начальства, что большевики будто бы хотят отправить их обратно на фронт. Толстов добился-таки, чтобы в Красноярск была послана карательная экспедиция.

Из Иркутска двинуты были против Красноярского Совета две роты пехоты и взвод артиллерии. Обманутые своим начальством, иркутские солдаты ожидали встретить в Красноярске восстание взбунтовавшихся частей под командой «страшных красногвардейцев». Но, сильная своим единством и влиянием в массах, красноярская организация большевиков сумела предупредить кровавое столкновение.

В эти тревожные дни Сергей Лазо был в числе самых горячих агитаторов, разъяснявших солдатам смысл злостной контрреволюционной попытки эсеров и офицерства. На всех экстренных заседаниях Совета, принимавшего ответственные решения, мы видели Сергея Лазо в роли секретаря.

В эти дни Сергей Лазо, Ада Лебедева и Николай Мазурин еще больше сблизились с организацией большевиков. Они принимали самое горячее участие во всех мероприятиях по борьбе с контрреволюцией.

В результате войска карательной экспедиции оказались распропагандированными и вернулись в Иркутск. Контрреволюционный гарнизонный комитет Красноярска был распущен, и при Совете организовалась солдатская секция, председателем которой был избран Сергей Лазо.

На этой работе Сергей Лазо показал себя настоящим энтузиастом революционного действия. Состав частей красноярского гарнизона к этому времени был в значительной степени обновлен, прибывали части, слабо затронутые политической агитацией. Но очень скоро и они под влиянием разъяснительной политической работы большевиков становились активными сторонниками Советской власти. Неутомимым агитатором был Лазо, солдаты ему верили, на его призывы горячо отзывались.

Лазо привлекал к себе даже своим видом: очень высокий, стройный, красивый, он не щеголял эффектными жестами и не искал красивых слов, он дышал искренностью, юной, непосредственной искренностью — ведь ему было всего двадцать два года! Когда он говорил, он приподнимался как-то по-детски на носки, как будто хотел заглянуть в то будущее, к которому призывал, в которое верил...

Сергей близко сошелся с отдельными товарищами, стоявшими во главе нашей партийной организации. Особенно трогательным было его отношение к Адольфу Перенсону — крепкому большевику, работнику нашей военной организации, участнику кронштадтского восстания в 1905 году, прошедшему через каторгу и через поселение в глухих местах Приангарья. Перенсон был всегда уравновешенным, спокойным и по-дружески относился к молодым товарищам. Со своими вопросами и сомнениями Сергей Лазо всегда шел к «Бороде» (так звали Перенсона его близкие товарищи).

В дни борьбы с корниловщиной в начале сентября в Красноярске был образован губернский соединенный ис-

полком Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Преобладающую роль в нем играли большевики. Был избран в состав этого исполкома и Сергей Лазо.

Эта революционная мера имела блестящий успех: красноярцы провели десятки митингов во всех воинских частях и на заводах Иркутска, нанося удар за ударом влиянию эсеров и меньшевиков, объединяя рабочих и солдат под большевистскими лозунгами.

В начале октября Красноярский Совет делегировал в Иркутск на II съезд Советов Восточной Сибири группу большевиков в семь человек и двух эсеров-интернационалистов — Лазо и Лебедеву. Они же сохранили свои мандаты и для участия на I общесибирском съезде Советов.

Весть о победе пролетарской революции была получена в Красноярске 28 октября. После торжественного провозглашения власти Советов нужно было произвести фактический захват правительственных учреждений города. Исполком поручил военной секции расставить караулы в главных пунктах.

Дело было ночью. Лазо, хорошо знавший настроение и степень боевой готовности воинских частей, предложил пойти в десятую роту 15-го полка. Пошли. Разбудили членов ротного комитета, рассказали им, в чем дело. Те вызвали фельдфебеля и отдали приказ поднять роту. И вот среди ночной тишины раздалась внезапная команда: «Рота, в ружье! Стройся!» Когда через пять минут во дворе казармы рота построилась, Лазо обратился к солдатам с короткой горячей речью о восстании рабочих и солдат Петрограда, о свержении Временного правительства и об установлении власти Советов. Ответом па сообщение Лазо было дружное «ура». После этого Лазо и другие товарищи вместе с солдатами пошли выполнять поручение исполкома. Все это вышло так просто потому, что за восемь месяцев революционной работы большевики завоевали рабочих и солдат и лозунг «Вся власть Советам!» крепко вошел в их сознание.

Другое положение создалось в Иркутске — политическом центре Сибири того времени. Хотя иркутским большевикам при помощи красноярцев и удалось добиться резкого перелома в настроении масс, вырвать их из-под влияния эсеров и образовать ЦИК Советов Сибири (Центросибирь), но противники Советов упорно продолжали борьбу. Эсеры и меньшевики, объединившись с царскими офицерами в «Комитет спасения революции», начали подготавливать мятеж против Советской власти. На их стороне

были вооруженные с ног до головы офицерские и казачьи части, военное училище, школы прапорщиков.

Иркутский военно-революционный комитет предъявил 5 декабря военному училищу и трем школам прапорщиков, ожидавшим производства в офицеры, требование, чтобы они сдали к двум часам дня 8 декабря оружие и разъехались по домам. Юнкера отказались выполнить этот приказ. 8 декабря, в четыре часа пополудни, они подняли мятеж и по всем правилам военной науки повели наступление на центры расположения плохо вооруженных, недостаточно еще обученных отрядов Красной гвардии и верных нам воинских частей, оставшихся без офицерского состава и без достаточного запаса оружия.

На помощь Иркутскому революционному комитету прибыли отряды Красной гвардии из Черемхова, Красноярска, Канска и Ачинска. С красноярским отрядом Красной гвардии выехал Сергей Лазо.

Девять дней шли упорные бои в Иркутске за власть Советов. Они закончились победой советских сил. Так в декабрьских боях в Иркутске начал Сергей Лазо свой славный путь организатора и командира первых рабоче-крестьянских вооруженных отрядов.

А. ЯКИМОВ

Лазо и Забайкальский фронт

Впервые я встретился с Сергеем Георгиевичем Лазо в марте 1918 года, когда приехал из Томска в Иркутск, куда был вызван для работы в ЦИК Советов Сибири (Центросибирь), в состав которого меня кооптировали. С Лазо я виделся на заседаниях Центросибири, на совещаниях у председателя Центросибири Н. Н. Яковлева. Заходил иногда Сергей Георгиевич и ко мне, как председателю Сибирской коллегии по делам военнопленных, по вопросам, связанным с интернациональными отрядами. Но все это были встречи служебного порядка. Доводилось изредка встречаться с ним в частной обстановке: я, Лазо и ряд других членов Центросибири жили в одном общежитии, обедали в одной столовой.

Я занимал комнату вместе с Федором Лыткиным — народным комиссаром Советского управления Сибири. Мы оба учились в Томске в университете. Там же, на Высших женских курсах, училась и Ольга Грабенко, ставшая позднее женой Лазо. Вместе мы организовали в Томске красногвардейский студенческий отряд, комиссаром которого избрали меня. Связаны с нами были и студент Петербургского университета П. Ф. Парняков, ставший в Центросибири народным комиссаром образования, и его сестра — томская студентка Милица Парнякова, работавшая в Центросибири. Она была близкой подругой Ольги Грабенко.

Сергей Георгиевич, сам бывший студент, относился с симпатией к нам, молодым центросибирцам-студентам, и при случае заходил в нашу комнату. Правда, это бывало редко: он мало жил в Иркутске, больше находился в Забайкалье, в штабе фронта, а Ольга — политбоец-агитатор на фронте — лишь изредка приезжала в Иркутск за литературой. Когда удавалось, с удовольствием собирались и за чашкой чая вели разговоры, пели песни и вспоминали студенческие годы. Все мы были тогда очень молоды — Сергею было двадцать четыре года, мне и Пантелеймону — двадцать три, Федору — двадцать один, Ольге и Миле — по двадцать лет. Шутили и смеялись, горячо спорили по различным политическим вопросам: о борьбе с меньшевиками,

эсерами, о перспективах борьбы с организованной империалистами интервенцией. Сергей тогда не был еще коммунистом, но практически полностью поддерживал большевиков и разделял их взгляды. В ходе товарищеских дискуссий в дружеском кругу я и другие собеседники неоднократно убеждались в ясности ума и широте кругозора Сергея. Об этих качествах мы знали и ранее, слушая его публичные выступления, но в частных беседах его образ, одаренного революционера-борца, раскрывался еще полнее.

Бывая в редакции газеты «Центросибирь», он требовал от ее редактора Парнякова, а затем и от меня, когда я стал редактором (в июле 1918 года), возможно больше присылать газет в войска. Я спрашивал его, как относятся бойцы фронта к нашей газете, какие у них пожелания. Он говорил, что газета пользуется популярностью, но необходимо усилить военный аспект — больше писать о фронтовой жизни. Он рекомендовал активизировать работу военкоров в частях. «Было бы желательно, Сергей Георгиевич,— сказал я,— чтобы ты сам дал нам в газету статью или очерк».— «Ну, брат, на это не рассчитывай,— ответил Лазо.— Сам знаешь, что у меня другой профиль работы. Вот так, на ходу, я еще могу кое о чем информировать вас, газетчиков». И действительно, когда он приезжал с фронта в Иркутск, а затем в Верхнеудинск, всегда на короткое время заглядывал в редакцию и рассказывал о фронтовых делах. «Без дисциплины нет армии,— говорил он,— а у нас она в некоторых частях сильно хромает, особенно в анархистских отрядах. Недавно я отстранил от командования и отдал под суд анархиста Лаврова, его отряд из боевой единицы превратился в мародерствующую банду. Вот борьбе с расхлябанностью, с анархистскими настроениями газете надо уделять особое внимание. Есть в войсках,— продолжал Лазо,— и немало хороших, стойких, дисциплинированных отрядов, в которых сильно влияние коммунистов, на них держится успех нашего фронта».

Он хорошо отзывался о рабочих красногвардейских отрядах, прибывших на фронт из Красноярска, Омска, Читы и Владивостока, а также об отрядах интернационалистов, в числе которых особо отмечал батальон интернационалистов, сформированный в Томске по инициативе Ференца Мюнниха и Бела Куна. Впоследствии в своих воспоминаниях Ф. Мюнних писал: «В то время по просьбе различных сибирских партийных и советских властей мы сумели уже выставить на помощь батальон, который пос-

лали в Иркутск. И этот батальон очень хорошо, смело вел себя, справился со своей революционной задачей» [1].

Советы Лазо, его рассказы о боевых действиях учитывались работниками редакции в освещении положения на фронте для агитации за твердую революционную воинскую дисциплину, для популяризации примеров боевой доблести и мужества красногвардейцев.

Лазо много работал в штабе фронта, умело планировал боевые операции и талантливо руководил боевыми действиями войск фронта. О его высоких качествах как крупного военачальника положительно отзывался бывший царский генерал-лейтенант А. А. Таубе, ставший на сторону Советской власти и работавший в Центросибири начальником штаба Сибирского военного комиссариата (умер в 1919 году в белогвардейской тюрьме в Екатеринбурге). Он много помогал Лазо своими советами.

Большим авторитетом как военачальник С. Г. Лазо пользовался в Центросибири. Об этом говорит сам факт назначения его командующим войсками Забайкальского фронта и членом Сибирского военного комиссариата. Под его командованием войска фронта разгромили семеновцев, крупные силы которых наступали на Читу. Председатель Центросибири Н. Н. Яковлев послал С. Г. Лазо по этому поводу приветственную телеграмму, опубликованную в газете «Центросибирь» 6 августа 1918 года.

Даурия, командующему Забайкальским фронтом товарищу Лазо.

Примите и передайте революционным войскам фронта наш товарищеский привет. Их усилиями семеновские банды изгнаны из пределов Российской Советской Республики, они теперь позорно укрываются в пределах Китая, власти которого принуждены иностранными империалистами приютить этого грязного бандита и слугу капиталистов. Набравши новых хунхузов, он может прийти вновь и разорять пограничные местности, но Революционная Россия найдет силы и средства справиться с ним окончательно и прекратить укрывательства разбойничьих банд в Китайской Республике.

Федор Лыткин, Пантелеймон Парняков, я и другие товарищи поздравили Сергея Лазо с победой над Семеновым. Но уже скоро, в конце августа 1918 года, нам пришлось расстаться. Фронтовая борьба прекратилась. Начался тя-

[1] Борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1968, с. 7.

желый период подполья и партизанской борьбы против интервентов и белогвардейцев. Многие из центросибирцев погибли. Федор Лыткин вместе с Н. Н. Яковлевым направился через тайгу в Якутск, но по дороге их схватили и убили белогвардейцы. Пантелеймон Парняков вел подпольную работу в Сибири. В 1919 году его арестовали в Омске и расстреляли колчаковцы. О трагической судьбе героя гражданской войны Сергея Лазо знают все, его имя свято чтут советские люди.

Н. МАТВЕЕВ

Борьба за Советы в Забайкалье

Центросибирь выдвинула на пост командующего Забайкальским фронтом Сергея Лазо. Мы, читинцы-большевики, впервые услышали эту фамилию.

За несколько дней до отправки отрядов Красной гвардии на фронт (в конце февраля) в кабинет председателя исполкома Забайкалья вошел высокий еще совсем молодой человек в длинной потертой и как бы задымленной шинели. На нем не было никакого оружия — на перекинутом через плечо ремешке висел один только бинокль. Вытянувшись по-военному перед председателем, он скромно, с оттенком смущения произнес:

— Я командирован на фронт. Моя фамилия — Лазо.

Не торопясь, он вынул из кармана мандат и передал его председателю. В кабинете в это время находилось несколько членов комитета. Председатель сказал: «Знакомьтесь, товарищи, с нашим главкомом!»

Пожали друг другу руки. Кто-то предложил кресло. Лазо сразу же по-деловому сообщил нам о положении в Сибири и о том, что думает предпринять Центросибирь в отношении фронта. Мы в свою очередь рассказали ему о Забайкалье, о силах и замыслах контрреволюции. По его вопросам и репликам видно было, что он хорошо осведомлен о наших забайкальских делах. В конце беседы Лазо сказал, что перед выездом на фронт он считает необходимым ближе познакомиться с рабочими Читы.

Мы обещали немедленно организовать ряд собраний. После ухода Лазо один из наиболее сдержанных членов комитета сказал:

— Выйдет ли из него командующий фронтом — трудно сейчас сказать. Посмотрим. Но похоже, что иркутские товарищи не ошиблись, выдвигая его на такой ответственный пост.

Через два дня состоялся митинг в железнодорожных мастерских, на котором Лазо выступил с докладом. Митинг был огромный.

Рабочие слушали Лазо внимательно. По мере того как он говорил, интерес к его речи возрастал все больше и

больше. Он излагал свои мысли ясно и точно, всегда по существу вопроса, всегда деловито и был скуп на жесты.

Однако его речь не была сухой, бесстрастной. В тоне его голоса чувствовались искренность, задушевность и убежденность. Когда он говорил о волнующих вещах, когда он обращался к собранию с призывом, голос его креп и звучал громче...

Вскоре после митинга в мастерских Лазо уехал на фронт. Атаман Семенов в то время занимал линию железной дороги от станции Даурия до границы. Первые же бои в конце февраля принесли Семенову поражение. Он был отброшен за границу, в Маньчжурию. Особенно сдрейфил Семенов перед 1-м Аргунским казачьим полком под командованием есаула Метелицы. Этот отважный революционный полк был известен Семенову еще по фронту империалистической войны.

Опасаясь, как бы Лазо не перешел границу, китайские власти под давлением белогвардейцев и интервентов выставили на границе заслон из воинских частей. Одновременно с китайцами было заключено перемирие, и они взяли на себя обязательство не пропускать Семенова в Забайкалье до 5 апреля.

Лазо, заключив перемирие, занялся формированием боевых сил.

Казачьи полки, увлекшись первой победой над Семеновым, недооценили опасность. К тому же, измученные четырехлетней империалистической войной, они стремились в свои родные станицы и начали просить отпустить их домой на побывку, обещая возвратиться по первому же зову Лазо.

Лазо понимал всю опасность положения и предупреждал казаков, чтобы они не поддавались демобилизационным настроениям. Казаки разъехались, обещав на местах помогать укреплению Советской власти. Помимо казаков пришлось снять с фронта значительную часть красногвардейцев Читинских мастерских — рабочие нужны были на производстве. На месте победы на Китайской железнодорожной ветке остался против Семенова лишь небольшой заслон.

Иркутск и Чита во время перемирия вели подготовку к дальнейшей борьбе с Семеновым. I съезд Советов Забайкалья в марте вынес постановление о срочной организации Красной Армии и Красной гвардии. Совнарком и облисполком, избранные на этом съезде, немедля разослали на места уполномоченных по вербовке добровольцев.

Семенов, воспользовавшись перемирием, организовал отряд, доведя его численный состав до десяти тысяч человек...

Атаман Семенов выступил из Маньчжурии 5 апреля. К нему присоединились восставшие против Советской власти казаки ряда станиц, расположенных вблизи границы. Красный заслон не выдержал натиска и, неся потери, отступил по линии железной дороги до станции Адриановка. Мост через реку Онон был взорван. Благодаря этому удалось несколько задержать главные силы противника. К тому же занятие Оловянной Семеновым совпало с пасхой. Атаман с командной верхушкой решил отпраздновать победу в Маньчжурии. Изрядно выпил там и задержался.

На этот раз передышка была недолгой. Банды атамана хлынули по станицам и волостям.

Заняв южную часть Забайкалья, семеновцы всюду на своем пути творили зверские расправы над большевиками, над представителями Советской власти. Местное кулачье и попы оказывали бандам всемерную помощь. Карательные экспедиции рыскали по занятой семеновцами территории. Атаман Семенов объявил: «Считаю долгом совести предупредить вас, что с движением моим по Забайкалью буду предавать смертной казни всех тех, кто будет оказывать противодействие моему отряду...»

Беженцы и нарочные разнесли по станицам и волостям Забайкалья весть о нашествии семеновцев. Партийная организация бросила клич: взяться за оружие и уничтожить банды, защищать Советскую власть. По станицам и волостям начались митинги, собрания, сходы.

Трудовое население — бедняки и середняки,— несмотря на бешеную агитацию эсеров и меньшевиков, всех этих агентов Семенова, начало организовываться в отряды, сотни и полки. Все это создавалось в пылу борьбы, иногда в один день, в одну ночь. Люди зачастую попадали в отряд прямо с митинга, казачьего схода, с полевых работ. Местные большевики и фронтовики были первыми застрельщиками и организаторами восстания против Семенова.

Рабочие железнодорожного транспорта, шахтеры каменноугольных копей, рабочие золотых приисков и других предприятий взялись за оружие. Военнопленные мадьяры и немцы формировали свои части.

И все эти отряды по разным дорогам Забайкалья направлялись на фронт в распоряжение Лазо.

Семенов, заняв Оловянную и ряд пунктов вблизи Забайкальской железной дороги, создал непосредственную угрозу Чите.

Еще 11 апреля областной партийный комитет и исполком Советов выпустили обращение к населению с призывом «браться за оружие» и объявили Забайкальскую железную дорогу и Читу па осадном положении. Тогда же вся полнота власти по области была передана военно-революционному штабу в составе И. Бутина, Д. Шилова и Н. Матвеева. Этот штаб пришел к выводу, что одним забайкальцам не под силу ликвидировать Семенова. Штаб и партийный комитет разослали телеграммы сибирским и дальневосточным Советам с призывом о срочной помощи.

На военно-революционный штаб легла вся тяжесть подготовки людских резервов, оружия, продовольствия, финансов и всего необходимого для фронта.

Сибирские и дальневосточные Советы откликнулись на призыв забайкальцев и двинули в срочном порядке значительные вооруженные силы, которые уже в конце апреля начали прибывать в Адриановку, где в то время находился Лазо со своим штабом.

Из Владивостока, Благовещенска, Омска, Иркутска, Новониколаевска, Красноярска, Черемхова, Кургана, Канска и Барабинска прибывали красные полки и отряды. Прибыли артиллерийский дивизион и несколько отдельных батарей, при них двадцать орудий, около тридцати станковых пулеметов и два примитивных бронепоезда. Пришли 1-й Аргунский казачий и 1-й революционный полки, рабочие отряды Читы, станций Хилок и Оловянная, Черновских и Арбагарских угольных копей...

Часть этих революционных сил двигалась на фронт по линии железной дороги. Другая же часть — повстанцы северо-восточного Забайкалья — шла из своих станиц и сел разными путями: по трактам и проселочным дорогам, а то и просто по тропам, напрямик, через горы и пади. Некоторые отряды оказывались где-то на отлете, за сотню-другую верст от штаба фронта, даже в тылу противника (например, копунцы, зоргольцы и газимурцы). Случалось и так, что отряд на своем пути встречался с отдельной семеновской бандой и вступал с нею в бой.

При такой разбросанности и отдаленности повстанческих отрядов от штаба фронта, конечно, невозможно было в ближайшее время установить с ними более или менее прочную связь и единый план действий. Поэтому боль-

шая часть этих отрядов до взятия 11 июня главными силами Лазо станции Борзя вела партизанскую войну с противником.

Как только к началу мая в Адриановку, где находился штаб фронта, прибыли значительные подкрепления, Лазо с присущей ему энергией в течение нескольких дней сформировал из них и бывших у него до этого частей основательную ударную группу и повел наступление на Семенова, занимавшего Оловянную.

Вся ударная группа состояла почти исключительно из рабочих и матросов. Лазо непосредственно руководил этим наступлением, находясь на бронепоезде.

Противник оказывал упорное сопротивление, но не выдержал натиска красных и отступил за реку Онон. Красные заняли Оловянную 18 мая.

Продвигаясь с боями дальше, Лазо 11 июня занял большую станцию Борзя. Отсюда он устанавливает связь с отдаленными отрядами, производит учет их, подчиняет единому командованию и единому плану действий. Лазо носится на автомашине «чандлер» от одного отряда к другому и лично выясняет количество оружия, боеприпасов; переформировывает, когда нужно, отряды; воодушевляет бойцов, призывая их к стойкости, мужеству в борьбе с врагами Советской власти.

Когда обстановка на Забайкальском фронте позволяла отлучиться на короткое время, Лазо приезжал в Читу на сутки или на двое. Он приезжал не отдохнуть, не развлечься — на это у него не было времени. Надо было информировать областной центр и получить необходимое для фронта: деньги, продовольствие, оружие и пр. Лазо заботился о бойцах и думал о всех нуждах фронта.

Обычно Лазо приезжал с фронта в теплушке. Останавливался он всегда в незатейливой квартирке товарища Кларка — командира одной из лучших казачьих сотен. Квартирка находилась в железнодорожном поселке Чита-1. Это очень устраивало Лазо — здесь он был ближе к рабочим, а повидаться с ними, поговорить, послушать их — к этому Лазо всегда стремился.

В один из таких приездов Лазо в Читу я попросил его рассказать о наших фронтовых частях. Я не могу восстановить в памяти все сказанное им, передам только основное содержание его высказываний.

— Самые лучшие части — красногвардейские,— говорил он.— Поскольку там главным образом рабочие, то о настроении их и говорить не приходится. Здесь все прочно,

устойчиво, по-большевистски крепко. Политическое влияние рабочих на крестьян огромно. Особенно ценно их влияние на казаков, но военная подготовка рабочих слабее. Встречается среди них немало таких товарищей, которые впервые держат винтовку в руках. Учатся в бою. Но рабочие отряды идут в бой смело, самоотверженно...

Самый лучший у нас полк — Аргунский. Самая образцовая сотня — кларковская. Сам Кларк — рабочий, но подружился с казаками и приобрел у них авторитет.

Что еще сказать о наших казаках? Вы их сами хорошо знаете — вы же из казаков,— сказал Лазо с лукавой улыбкой.— Спаянный народ: земляки, кумовья, сваты... Ну, иногда и удирают от противника тоже дружно. Изредка и это бывало. Кажется, это называется «казацкой хитростью»? — Лазо добродушно засмеялся.— Хорошо дерутся интернационалисты. Среди них подавляющее большинство мадьяр — восемьдесят — восемьдесят пять процентов, остальные — австрийцы, немцы. Вы знаете, что я большой сторонник привлечения их на фронт. Это придает нашим рядам интернациональный характер. Все они — бывшие солдаты, с боевым опытом. В бою они дерутся с темпераментом. Преданы революции...

Однажды приехали с Забайкальского фронта в Читу два командира — Балябин и Богомягков, два друга, оба казаки-забайкальцы, впоследствии убитые семеновцами.

В свое время, вернувшись с фронта с казачьей дивизией, Балябин и Богомягков приняли деятельное участие в установлении Советской власти в Забайкалье и особенно энергично участвовали в формировании наших вооруженных сил против атамана Семенова.

По внешности и по складу характера эти товарищи не походили друг на друга. Балябин — широкоплечий, грузный, носил нависшие, как у запорожца, усы. Он был молчалив, несколько угрюм и грубоват. Богомягков — худощавый, подвижной и, не в пример своему другу, разговорчивый, любил побалагурить и посмеяться. Я спросил однажды Богомягкова:

— Ну, а как Лазо?

— О, Лазо — замечательный командующий. Он сочетает два качества: во-первых, даровитого штабника-организатора и, во-вторых, когда это нужно, прекрасного руководителя боем. Он действительно воодушевляет бойцов, и они идут за ним в огонь и в воду.

Балябин добавил:

— Да, в бою Лазо находчив, смел и проворен!

Казак-взводный Коренев так рассказал мне про первую встречу с Лазо:

— Вот остановились мы у высоких сопок, которые нас защищали от обстрела со стороны Мациевской и Тавын-Тологоя. Лошадей опутали и пустили на острецы, а сами прилегли отдохнуть. На вершине одной из сопок чернел, как степной коршун, наш наблюдатель. Вдали белела палатка; в ней штаб бригады, куда собирались командиры на совещание.

Было жарко. Страсть как хотелось пить. Но воды вблизи не было. Некоторые ребята нашли между сопок лужицу. Скоро обозники привезли бочки с водой. Бросились мы все к бочкам. И что это за вода! Вся кишит червячками какими-то черноголовыми. Но жажда не свой брат. Тянули воду сквозь зубы, а червячков выплевывали. У которых ребят были платки, так они цедили сквозь них — все же было лучше.

Вдруг на дороге запылил автомобиль. Кто бы это мог ехать? Говорят ребята, что автомобиль есть только у главкома. «Он, он беспременно, наш Лазо!» — закричали радостно ребята. Автомобиль остановился у палатки штаба. И мы все кинулись туда. Каждому хотелось увидеть Сергея Лазо, про которого среди нас ходили разные чудеса. Тысячная толпа окружила палатку. Ждем выхода его. А никто из нас и не обратил внимания на высокого молодого человека, что стоял у самой палатки. Приняли за шофера. И по одежде-то похож. На голове помятая кепчонка. На ногах ботинки с обмотками. Рубашка серая и брюки такие же, заношены. Вот точь-в-точь так одетого шофера с грузовика растерзали семеновцы возле озера Зан-Аралтуй. Смотрю на авто, в нем пулемет и наган. Молодец главком, не с пустыми руками ездит!

И что же вы думаете — этот самый молодой человек, похожий на шофера, вдруг в один прыжок очутился на авто, сбросил с головы кепчонку, выпрямился и, к нашему удивлению, крикнул: «Товарищи, внимание! Вы, очевидно, хотите послушать мои сообщения, и я тоже считаю это нужным, полезным...»

Тут мы и поняли, что перед нами сам Лазо. Батюшки, что произошло, поднялось... Крики, общий рев восторга: «Это ты, Лазо?.. А мы-то не узнали тебя... Да здравствует Лазо!»

А он стоит на авто, улыбается и ждет, когда мы замолчим. Долго не давали ему говорить, будто одурели. Он

несколько раз взмахом руки пытался остановить нас, даже нахмурился. Наконец мы затихли.

Лазо понятно объяснил нам, за что мы боремся. Почему до сих пор не можем разгромить белогвардейцев, их атамана — бандита Семенова. Кто ему помогает. Призывал нас, как только будет приказ, взять Мациевскую и Тавын-Тологой и выбить противника из этих последних позиций.

После речи Лазо мы были уже не те. Я слышал, как один казак упрекал другого за такой поступок, на который раньше никто бы из нас не обратил внимания. Мы стали замечать друг за другом ошибки и стараться исправлять их: «Ты слышал, что говорил Лазо о дисциплине?»

Мы как следует стали чистить винтовки и клинки.

В чем была сила товарища Лазо? А в том, что он с первой встречи становился близким, родным, он заботился о нас, дорожил жизнью каждого из нас,— закончил свой рассказ Коренев.

Одностаничник Коренева, командир сотни (фамилии не помню), рассказал мне такой случай про товарища Лазо:

— У нас было совещание в Даурии, в штабе фронта. Решали очень важный вопрос. В комнату входит группа рабочих-красногвардейцев и говорит: «Товарищ Лазо, у нас общее собрание. Мы тебя выбрали в президиум. Нас послали за тобой. Ждут». Лазо ответил: «Сейчас приду!» Но уйти ему скоро не удалось. Рабочие явились вторично: «Никак не можем без тебя решить один серьезный вопрос. Попали в тупик. Выведи ты нас из него. Собрание требует тебя». Лазо пошел. Рабочие были потом довольны. «Вот это голова,— говорили они про Лазо.— Живо распутал дело!»

Почти в течение четырех месяцев (апрель — июль) велась напряженная борьба на Забайкальском фронте. За это время атаман Семенов потерпел ряд поражений, но окружить его и уничтожить не удавалось. Как только наши части его настигали, он отходил к самой границе, под защиту китайских милитаристов. Маньчжурия была его волчьим логовищем, куда он нередко, основательно потрепанный красными, спасался. Там его подкармливали зарубежные стервятники и восстанавливали его силы для новых вылазок в Забайкалье.

У нас был большой недостаток в патронах и снарядах. Помощь со стороны Сибири и Дальнего Востока с июня месяца почти прекратилась — там возникли свои фронты против белогвардейцев и чехословаков. Это выступление

контрреволюции осложнило наше положение на Забайкальском фронте. Лазо должен был перебросить значительную часть бойцов на помощь Центросибири. Кроме того, был снят с фронта и направлен на борьбу с Калмыковым в Приморье 1-й Дальневосточный социалистический отряд.

Немалую помощь Семенову оказывали белогвардейские организации в тылу у красных. Особенно они обнаглели с момента выступления на западе и востоке чехословаков. В Чите же духовенство во главе с архиереем Мефодием и директором отделения государственного банка Веремеевым организовало заговор против Советской власти. Однажды большая толпа черносотенцев, переодетых офицеров и чиновников двинулась с хоругвями и иконами к тюрьме, чтобы освободить попов. Провокаторы открыли из окон стрельбу по толпе. Были убиты женщина и девочка. Пришлось вызвать роту красногвардейцев, которая произвела несколько залпов в воздух, толпа разбежалась, и порядок был восстановлен.

Забайкальцы под командованием Лазо 27 июля героическим штурмом сбросили семеновские банды с горы Тавын-Тологой. Это была последняя их укрепленная позиция перед самой границей. Разбитый наголову Семенов, спасая остатки своих банд, не задержался на этот раз даже в поселке Маньчжурия. Он откатился дальше, за сто верст,— в Хайлар.

На Забайкальском фронте наступило затишье.

Часть красногвардейских отрядов была переброшена на Прибайкальский фронт. Лазо отозвали в Читу для организации новых сил на помощь Прибайкальскому фронту.

Здесь создалось чрезвычайно серьезное положение. 11 июля чехословаки заняли Иркутск. Советские войска по линии железной дороги вели ожесточенные бои с противником.

Силы чехословаков были очень велики. Это были отборные, дисциплинированные, вооруженные до зубов войска с опытным командованием; их численность увеличивали белогвардейские части. На передовой линии чехословаков и белых действовало до десяти тысяч человек. Кроме того, по Сибирской железнодорожной магистрали был расположен корпус чехословаков; из его шестидесятитысячного состава только четырнадцать тысяч было переброшено в Приморье, остальных чехи в любой момент имели возможность двинуть на Прибайкальский фронт для подкрепления.

Две с половиной тысячи красногвардейцев — черемхов-

ские, черновские и арбагарские шахтеры, рабочие Иркутских и Читинских мастерских, мадьяры — самоотверженно вели бои с многочисленным врагом на всем протяжении Кругобайкальской железной дороги. Особенно героически сражались курсанты Иркутской военной школы. Почти все они погибли. Около станции Мурино красные уничтожили два полка противника. Но силы были неравные. Под станцией Посольская чехам удалось зайти нам в тыл. Произошел жесточайший бой. Под ураганным артиллерийским и пулеметным огнем противника погибли сотни красногвардейцев во главе с командиром Метелицей. Группа красногвардейцев, приблизительно в четыреста человек, сражаясь врукопашную, пробилась по линии железной дороги в направлении к Верхнеудинску. Остальные отряды ушли в горы.

Путь для чехословацких войск на восток был открыт. Только небольшие отряды красных в том или ином пункте самоотверженно задерживали продвижение противника по железнодорожной магистрали.

Чехословаки заняли 8 августа Верхнеудинск, Центросибирь эвакуировалась в Читу.

Помню, в августе на одном из заседаний облисполкома в Чите присутствовал Лазо. Сидел он в отдаленном углу зала. Я в первый раз видел его в сумрачном, задумчивом настроении. Мне показалось, что ему нездоровится. Во время перерыва я вышел на балкон подышать свежим воздухом. Вслед за мной вышел и Лазо. Он сел рядом и тихо спросил:

— Вы познакомились с последней сводкой фронта?

— Да!

— Мы терпим такие поражения одно за другим...— с горечью говорил Лазо.— Ну, пусть чехи сильнее нас, приходится отступать. Но как надо отступать? Организованно. Ведь на фронте немало испытанных боевых красных частей — они дерутся самоотверженно и погибают. Вся тяжесть многочисленного врага обрушивается на них. В то же время анархистские отряды позорно удирают с фронта, мародерствуют в тылу. Опять там Пережогин, Лавров и подобные им! Лаврова в Иркутске выпустили, не расстреляли. Почему? Это же явный предатель, а у него двухтысячный отряд. Анархисты — наше зло, беда! — Лазо положил руку на мое плечо.— Поневоле я впал в несвойственное мне настроение.

— Насчет анархистов у нас не может быть двух мнений,— сказал я Лазо.— Многие из нас, большевиков-руко-

водителей, как в Сибири, так и в Забайкалье, повинны в том, что вовремя не успели изолировать анархистскую головку от массы, дали возможность собирать людей в отряды, командовать ими. Между тем люди в этих отрядах, хотя бы те же мадьяры, не анархисты. Будь они под другим руководством, большевистским, из них получились бы дисциплинированные отряды. Основной причиной наших поражений на Прибайкальском фронте я считаю то, что мы не собрали больших сил. Крестьянство и казачество в значительной своей части держатся пассивно. Нам вредит лживая агитация эсеров и меньшевиков о том, что чехословаки будто бы сторонники демократической власти.

Для руководства дальнейшей работой и борьбой совещание, на котором присутствовали представители Центросибири, Забайкальского областного исполкома и Совнаркома, Военного комиссариата и представителей фронтов, решило организовать сибирский Совет Народных Комиссаров.

Чехословаки приближались. Лазо было поручено составить арьергардный заслон с подрывной командой для обеспечения планомерной эвакуации. Организовав отряд в семьдесят человек из курсантов инструкторских школ и подрывников, Лазо занял станцию Хилок.

В Чите создалась напряженная обстановка.

В гарнизоне Читы самыми надежными и дисциплинированными в это время были Советский отряд — двести с чем-то человек — и кларковская сотня. Основные силы были на фронтах. Большинство же гарнизона находилось или прямо в руках анархистов, или под их влиянием.

Анархисты предъявили требование сибирскому Совнаркому о выдаче им золота, по пяти тысяч рублей на каждого человека. Когда им было отказано в этом, они пустили провокационный слух, что сибирский Совнарком решил золото не эвакуировать, а оставить его в Чите.

Ко всему этому безобразию добавилось новое обстоятельство, которое усилило панику в городе: около сотни молодых мобилизованных казаков, еще не вооруженных, под влиянием контрреволюционных элементов бежало ночью из города. За ними была послана сотня казаков Кларка. В нескольких верстах от Читы Кларк был убит из засады. Его сотня уничтожила банду и вернула в Читу бежавших казаков. Отряд анархистов во главе с Пережогиным ночью захватил большую часть запасов золота из банка и умчался на поезде из Читы на восток.

Из шестнадцати поездов-эшелонов, вышедших при эвакуации Читы на восток, наш эшелон отправился последним. В нем находились ответственные партийные работники Центросибири и Читы. Позади нашего эшелона на некотором расстоянии двигался заслон под командой Лазо. Анархистские отряды с награбленным золотом, а также поезд с бывшим командующим Прибайкальским фронтом Голиковым и его штабом умчались далеко вперед, направляясь в Благовещенск.

На станции Урульга 28 августа на совещании партийных и военных работников член забайкальской областной партийной организации Исаев сказал:

— Покидая пределы Забайкалья, мы должны заявить рабочим и всем трудящимся, как мы смотрим на дальнейшую борьбу с контрреволюцией и в каких формах она должна вестись. Мы должны призвать их к этой борьбе! Недопустимо просто разойтись в разные стороны. Это не в правилах большевиков. Какие бы неудачи ни постигли нас, хотя бы даже и разгром, мы меняем тактику и стратегию, набираемся новых сил, организуемся и боремся.

— Я вполне согласен с товарищем Исаевым,— заявил Лазо.— Вношу предложение: сегодня же здесь, в Урульге, организовать конференцию и на ней обсудить неотложный вопрос о формах дальнейшей борьбы.

Быстро, уже к двенадцати часам дня, были избраны делегаты от следовавших с эшелонами организаций и от казачьих и красногвардейских отрядов.

Открывший конференцию председатель Гаврилов дал слово Лазо для информации. Лазо спокойно, ровным голосом сообщил нам о действиях арьергардного отряда:

— Во время эвакуации Читы я со своим отрядом находился в Могзоне. От Хилка до Могзона взорваны все мосты. Почти весь железнодорожный путь испорчен. Под станцией Карымская взорваны два моста. Порвана телеграфная линия. Только таким способом удалось задержать наседавших чехословаков.

Кратко рассказывал Лазо о выполнении заслонов труднейшей и опасной оперативной задачи. Благодаря самообладанию и отваге Лазо с горсточкой бойцов и подрывников выполнил эту задачу превосходно.

— Мы сделали длительную остановку в Чите-Первой,— продолжал свою информацию Лазо.— Там нас встретила огромная толпа рабочих. Настроение среди них тревожное. Многие задают вопросы: «Что дальше де-

лать?» Из расспросов я узнал, что около них вьются, как мухи, меньшевики и эсеры. «Но,— говорят рабочие,— мы не верим этим буржуазным прихвостням, предателям. Ведь они атамана с японцами считают избавителями». В железнодорожном клубе был созван митинг — пришли рабочие с семьями. В своей речи я говорил о том, что Советы пали временно, что скоро победа будет за нами. Надо не падать духом, а крепко и надежно сплачиваться, прятать оружие и запасаться новым. Поражение здесь есть поражение лишь на отдельном участке нашего общего фронта Советской России. В общем гуле я слышал крики: «За Советскую власть будем бороться до последней капли крови!»

После информации Лазо по основному вопросу конференции — о формах дальнейшей революционной борьбы — выступил ряд товарищей. Все они высказывались за прекращение фронтовой борьбы, потому что для борьбы с десятками тысяч чехословаков и белых в нашем распоряжении достаточного количества бойцов и оружия не было.

— Если в данный момент,— сказал Лазо,— фронтовая борьба для нас непосильна, то мы должны увести Красную гвардию. Надо снабдить каждого бойца деньгами, продовольствием, обмундированием и документами. Также всем необходимым надо снабдить и руководящих работников, направить их на подпольную работу в деревню, в города. Надо обеспечить отряд интернационалистов, уходящих в тайгу. Это будет один из наших резервов в борьбе с контрреволюцией. Временно мы уходим. Нам нужно идти в деревню и вести там революционную большевистскую работу. Запасаться оружием. Деревня не помирится с атаманщиной и интервенцией, примкнет к рабочим, и партизанская борьба неизбежна. Мы должны готовиться к ней.

От отряда интернационалистов выступил их комиссар. Он сказал:

— Мы, интернационалисты, никогда не отделяли себя от русских товарищей. Мы боролись в ваших рядах и будем бороться. Враг у нас общий. Мы не сдадимся, не выпустим винтовки из рук. Мы уйдем в тайгу, проведем там зиму, а потом видно будет. У нас нет каких-то своих особых интересов. Они у нас общие с русскими товарищами. Когда борьба возобновится, мы опять будем драться рядом с вами!

Затем конференция вынесла постановление о роспус-

ке сибирского Совнаркома. Тогда возник вопрос, какому же временному органу передать власть до полной ликвидации всех военных и хозяйственных дел на пути отступления до Свободного.

Большинством голосов конференция решила избрать временный ревком из пяти человек: Лазо, Бутин, Балябин, Н. Матвеев и Д. Шилов.

Перед закрытием конференции была принята такая резолюция:

«Борьбу с врагом организованным фронтом ликвидировать.

Признать, что форма дальнейшей революционной борьбы должна сообразоваться с создавшейся международной политической обстановкой и должна быть направлена к использованию всех легальных и нелегальных возможностей к дезорганизации всех усилий наших врагов закрепить в пределах Сибири власть буржуазии и иностранного капитала...»

Сейчас же после закрытия конференции наш эшелон двинулся дальше на восток. Делегаты уже на ходу поезда, в вагонах, информировали красногвардейцев о решениях конференции...

Поезда наших эшелонов, составленные при эвакуации из Читы из самых разнообразных вагонов — товарных, теплушек, пассажирских и служебных,— были необычайно длинны и громоздки. Паровозы с трудом тащили их за собой. Амурская железная дорога всегда была одной из самых ненадежных в техническом отношении дорог. Она пролегает на сотни верст по дикой тайге, через горы, высокие насыпи, между скал, через зыбкие болота и вечную мерзлоту. Сотни неустойчивых, дребезжащих мостов перекинуты через горные, бурные реки.

Вот большая станция Зилово. Рабочие встретили нас с красными флагами и с пением революционных песен. Организовали митинг в депо. Выступал Лазо. Он несколько минут не мог начать свою речь — рабочие бурно аплодировали, приветствуя любимого революционного воина.

Лазо сообщает собранию о положении в Сибири и Забайкалье, о решении Урульгинской конференции, о борьбе большевиков и трудового народа с контрреволюцией в Советской России:

— Пролетарская революция победит — в этом не может быть сомнения. Мы здесь, на далекой окраине, потерпели поражение: Советская власть здесь пала. Отечественным белогвардейцам помогла зарубежная контрре-

волюция. Без нее мы уничтожили бы белогвардейцев. Я, товарищи, знаю, какой вопрос больше всего мучает вас: «Что дальше делать?» Прежде всего не падать духом, не поддаваться панике, не терять веру в победу, ни на минуту не забывать о борьбе, готовиться к ней, работать в подполье, вооружаться! Власть Советов здесь пала временно. Трудовой народ вновь сплотится, подымется, ряды борцов умножатся во сто крат, и мы опять победим. Да здравствует партия большевиков! Да здравствует Советская власть!

Последние возгласы Лазо были подхвачены криками «ура».

С пением «Смело, товарищи, в ногу» рабочие вместе с Лазо двинулись из депо к поезду...

Ревком действовал на территории от станции Урульга Забайкальской железной дороги и дальше — по Амурской — до Свободного. Все распоряжения ревкома исполнялись в точности.

Канцелярия ревкома помещалась в служебном вагоне. В этом же вагоне ехали три члена ревкома: Д. Шилов, И. Бутин и я. Лазо помещался в соседнем вагоне. В столовой служебного вагона почти все время, днем и ночью, выдавались паспорта и деньги красногвардейцам...

Сотни вооруженных людей покидали вагоны и, спеша, в одиночку, парами и небольшими группами, пешими и верхом на лошадях уходили в станицы и села, на прииски и заводы, а то и просто в тайгу.

Начинался новый этап борьбы с контрреволюцией.

Лазо не доехал до Свободного. Он с небольшой группой товарищей покинул наш эшелон на станции Малый Невер и ушел с ними в сторону от Амурской дороги, в тайгу.

Прощаясь и крепко пожимая мне руку, Лазо сказал:

— Не судьбы неизвестные нас ждут, товарищ,— нет, мы скоро вновь победим! Итак, до скорого свидания!

Лазо был прав: Советская власть победила, но самого Лазо я видел в последний раз.

Я. ЖИГАЛИН

С. Лазо на Забайкальском фронте

Больше полувека прошло с незабываемых дней Октябрьской революции и гражданской войны, а события и люди тех дней, неизгладимо врезавшиеся в память, встают перед мысленным взором, и хочется рассказать о них молодым, чтобы они знали, какие замечательные люди творили историю.

О Сергее Лазо написано много, но я хотел бы дополнить его образ еще одним интересным штрихом.

Первая моя встреча с Сергеем Георгиевичем произошла в январе 1918 года в городе Иркутске, когда наш 2-й Читинский казачий полк возвращался с Кавказского фронта в Забайкалье. Как выборный командир полка, я и член полкового комитета Д. С. Шилов пошли в Центросибирь, чтобы договориться о продвижении нашего полка в Читу и узнать, что делается в Забайкалье. Нас направили в военный отдел Центросибири, где мы встретились с Лазо, Блюменфельдом и Зотовым. Лазо сразу же произвел на меня очень хорошее впечатление. Высокий, стройный, молодой, с небольшими подстриженными усиками, с приятными мягкими чертами лица. Темно-карие глаза внимательно смотрели на собеседника. Вся внешность его как-то не гармонировала с суровыми революционными событиями. Так же мягок и прост был разговор, который повел с нами Лазо. Справившись о настроениях казаков нашего полка и о наших намерениях, он информировал нас о положении в Забайкалье.

— Обстановка в Чите очень сложная,— сказал Лазо,— там верховодят эсеры и меньшевики, Советскую власть не признают. Большевистская организация слаба и не имеет вооруженной силы, на которую могла бы опереться. А из Маньчжурии выступил со своей бандой атаман Семенов и движется на Читу. Значит, перед вами сразу же встанет большая задача: помочь читинским большевикам установить в Чите Советскую власть и дать отпор Семенову.

Мы заверили Центросибирь, что 2-й Читинский полк сделает все, чтобы выполнить эту задачу. Прибыв в Чи-

ту, наш полк под руководством читинских большевиков, совместно с читинской Красной гвардией, 16 февраля 1918 года установил в городе Советскую власть.

Для организации отпора Семенову Центросибирь направила в Читу Сергея Лазо. Здесь снова мне пришлось встречаться с ним — на заседаниях, собраниях, митингах. Лазо был хороший агитатор-массовик. Говорил он просто и убедительно. Его речь всегда доходила до сердца слушателей.

Перед Лазо стояла трудная задача: организовать из отдельных рабочих и казачьих красногвардейских отрядов боеспособную армию. И мне не раз приходилось видеть, как на площади в Чите он руководил обучением рабочих-красногвардейцев, давал практические указания. И действительно, Сергей Лазо блестяще справился со своей задачей. С мая по июль 1918 года после упорных боев в Могойтуе, Оловянной, Мациевской и Тавын-Тологое семеновские банды были изгнаны из Забайкалья. Лазо показал себя не только хорошим организатором, но и талантливым полководцем. Особенно ярко эти способности проявились в бою при форсировании большой и быстрой реки Онон.

Белые занимали высокие сопки на правом берегу реки и имели большое позиционное преимущество. Армии Лазо переправляться через реку предстояло под огнем противника. Переправочных средств почти не было. Железнодорожный мост через Онон хотя и был взорван, но пробраться по нему можно было с большим трудом.

Лазо вызвал добровольцев — матросов из Дальневосточной флотилии, тщательно изучил подступы к мосту и ночью с величайшей осторожностью начал переправу по нему. Бесшумно были сняты вражеские часовые, и началось накапливание сил на правом берегу. На рассвете наша артиллерия открыла сильный огонь по вражеским позициям. Главные силы переправлялись на нескольких лодках и плотах, а перебравшаяся по мосту группа с криками «ура» бросилась вперед.

Большую роль в этом бою сыграл 1-й Аргунский полк красных казаков, переправившийся через Онон в 15 верстах ниже Оловянной и ударивший в тыл противника одновременно с главными силами Лазо. Белогвардейцы, несмотря на хорошие позиции и лучшее вооружение и технику, не могли противостоять красным бойцам.

Особенно запомнилась мне встреча с Лазо на Даурском фронте. В июле 1918 года наши войска прижали

семеновцев к китайской границе. Белобандиты закрепились на горе Тавын-Тологой, вырыли окопы, сделали проволочные заграждения и считали свои позиции неприступными. Все подступы к горе были открыты и хорошо простреливались сверху.

Я со своим Зоргольским красногвардейским отрядом находился на крайнем левом фланге, примыкавшем к пограничной реке Аргуни. Лазо с утра приехал к нам и тщательно изучал местность, изыскивая подступы к позиции врага. Потом он выступил на митинге перед красногвардейцами и провел совещание с командирами отрядов, где обсуждался план штурма Тавын-Тологоя.

После совещания Лазо предложил мне поехать с ним в штаб, находившийся на станции Мациевская, чтобы привезти оттуда для левофланговой бригады «Копзоргаз» боевой приказ. Я охотно согласился.

Лазо ездил на старой, видавшей виды машине. Молодой шофер спросил:

— Какой дорогой ехать — в объезд или прямо к железной дороге?

Лазо взял планшет с картой и, рассматривая, рассуждал:

— Если ехать в объезд, это значит сделать крюк, лишних двадцать верст, и мы засветло не успеем доехать, а света у нашего «коняки» нет. Ехать прямо соблазнительно, но тогда придется ехать на виду у противника, и нас могут обстрелять. Зато через два часа мы будем в штабе.— Лазо призадумался, потом, тряхнув головой, решительно сказал: — Едем прямо!

Шофер рванул машину, и мы покатили по узкой долине. Вскоре выехали из-за сопки, и слева от нас открылась Тавын-Тологой. Лазо взял бинокль, с которым не расставался никогда, и рассматривал позиции врага.

Вот на горе блеснул огонь.

— Заметили,— сказал Лазо.

Через несколько секунд снаряд разорвался впереди нас и тут же второй — сзади. Шофер нервничал и нажимал на акселератор.

— А они неплохо стреляют. Взяли нас в вилку,— спокойно сказал Лазо.— Ты, Миша, езжай не прямо, а зигзагами, чтоб не пристрелялись. Да смотри не переверни нас на повороте,— шутливо добавил он.

Спокойный тон Лазо подействовал на шофера, и он уверенно и круто повернул машину вправо. Третий снаряд попал бы в нас, если бы машина шла по прямой. Шо-

фер умело петлял, благо по степи можно было ехать без дороги. Вражеские снаряды рвались то спереди, то сбоку, и осколки их с визгом пролетали над нашими головами. Минут через пять мы выехали из зоны обстрела, и белые прекратили огонь.

Я не раз бывал под артиллерийским обстрелом и знаю, какое неприятное чувство тоскливой беспомощности переживает при этом каждый человек, знаю, какую надо иметь силу воли, чтобы подавить это чувство. Меня поражало спокойствие Лазо. Это не только внешнее спокойствие, а и внутренняя твердая убежденность в победе над врагом, порождавшая бесстрашие. И это спокойствие Лазо передавалось окружающим.

Опасность миновала, и остальной путь мы провели в разговорах. Лазо был интересным собеседником. Говорили о текущих событиях и о новой жизни после окончания войны.

Я рассказал об организации своего Зоргольского отряда, о сопротивлении станичных богатеев, о классовой борьбе в забайкальской деревне.

Засветло мы приехали в штаб. Лазо вызвал начальника штаба Рускиса и засел с ним за составление плана штурма Тавын-Тологоя.

26 июля 1918 года высота Тавын-Тологой была взята штурмом, и белые банды бежали в Маньчжурию.

Встречи с Сергеем Лазо оставили у меня неизгладимое впечатление. Это был настоящий человек, скромный, честный, беспредельно преданный своей Родине.

Трудящиеся Забайкалья и Дальнего Востока свято чтут память о герое гражданской войны Сергее Лазо.

В. БОРОДАВКИН

Воспоминания командира

Вместе с Лазо мне пришлось воевать на Забайкальском фронте. Дальневосточный краевой комитет партии отправил в его распоряжение три отряда — Владивостокский, Хабаровский и Благовещенский. Они были сформированы из рабочих, грузчиков, железнодорожников и матросов.

Владивостокский отряд был хорошо вооружен. Он имел в своем распоряжении и артиллерию и пулеметы. Весь комсостав отряда состоял исключительно из большевиков. Нашим политическим комиссаром был старый большевик товарищ Губельман. Кроме него в отряде были: член Далькрайкома Калнин — казначей отряда, Гульбинович — командир второй роты и другие рабочие-большевики.

Руководителем Владивостокского отряда краевым комитетом партии назначен был я. Мы прибыли в полдень 12 мая в Адриановку, где в это время находился штаб Забайкальского фронта.

Здесь я впервые встретился с Лазо. Когда я отрапортовал ему о прибытии Владивостокского отряда красногвардейцев, он искренне обнял меня и сказал:

— Тут нам предстоят горячие дни! Надо уничтожить банду японского ставленника атамана Семенова. Владивостокцы, хабаровцы и амурцы должны объединиться в один отряд и создать мощный боевой кулак.

Во время последовавшего за этим нашего разговора вбегает вестовой-красногвардеец и рапортует:

— Товарищ командующий, у нас в тылу, у железнодорожного моста, слышна редкая ружейная пальба.

Лазо спокойным голосом обращается ко мне и говорит:

— Ну вот вам на первый раз задание: выделите небольшую часть и срочно пошлите ее к мосту. Пусть произведет разведку и узнает причину стрельбы. После отправки части зайдите за получением дальнейших указаний.

При этой первой встрече своей выдержкой, честным, открытым лицом, своей искренностью и дружеским отношением к вновь прибывшим Лазо сразу произвел на меня очень хорошее впечатление. Спокойствие, с которым он

выслушал рапорт и отдал распоряжение, меня, человека, никогда не бывавшего во фронтовой обстановке, сильно подбодрило. Я стал уверенней и решительней в своих действиях.

Прибывшие из Владивостока отряды были сведены в единый Дальневосточный социалистический отряд, командиром которого назначили меня. Политическим комиссаром остался Губельман.

Лазо предложил сформировать в нашем отряде три роты, небольшую кавалерийскую группу и четыре артиллерийские батареи, что и было сделано на другой день.

В ночь на 13 мая в штабе командующий собрал всех командиров отрядов. Лазо обрисовал нам положение на фронте и сказал, что, начиная бои за Оловянную, мы должны в ближайшие сутки повести наступление на противника, который тоже предполагает наступать. От перехвата инициативы зависит исход первого боя.

Прежде чем дать приказ об общем наступлении, Лазо внимательно выслушал доклады командиров всех отрядов о боевой готовности, о вооружении и настроении частей и учел их высказывания при разработке плана предстоящей операции.

Нашему 1-му Дальневосточному отряду Лазо приказал выступить в направлении железной дороги, направлении, которое являлось главным и решающим участком боевых действий.

В ночь на 14 мая мы пошли в наступление. По установленной диспозиции все наши вооруженные силы направлялись к станции Булак. С нами двигался состав со штабными вагонами и с платформами. В разведку на бронепоезде поехал сам Лазо.

Мы взяли станцию Булак, которая была в руках неприятеля, и пошли дальше. Пройдя несколько верст, услышали сзади нас артиллерийскую стрельбу. Снаряды рвались вдоль железной дороги. Я шел по линии со своим начальником штаба Радыгиным и казначеем Калниным. Когда снаряды стали ложиться позади и впереди нас на расстоянии нескольких метров, мы поняли, что бьет неприятель. Наша артиллерия сюда стрелять не могла.

В это время из-за горы вылетает вернувшийся из разведки бронепоезд. Снаряд падает на полотно и разрушает путь. Мне показалось, что паровоз стал на дыбы. Подбегаю ближе к бронепоезду. Оттуда соскакивают наши товарищи, среди которых я узнаю командующего фронтом Лазо. Он кричит машинисту:

— Как там у тебя, все в порядке?

— Да, товарищ командующий, все в порядке!

Тогда Лазо обращается ко мне:

— Видимо, мы в кольце. Неприятельские силы зашли с правого фланга к нам в тыл. Надо две роты вернуть. Артиллерия пусть остается на позициях. Впредь до моего распоряжения ни при каких обстоятельствах огня не открывать! Одну роту оставьте на прикрытие батареи.

Получив распоряжение, я немедленно разослал товарищей на батареи с приказом не открывать огня, а сам вернулся обратно, чтобы перехватить идущую пехоту и двинуть ее в направлении, которое указал Лазо.

Вот при какой неожиданной обстановке мне пришлось с двумя ротами рабочих военного порта и матросами столкнуться с неприятелем. Вражеская артиллерия не давала нам покоя. Она била по нашим частям и по штабным вагонам. Ночь была на исходе, уже светало. Из-за хребта начали показываться кавалерийские части противника. В это время появляется сам Лазо.

— Товарищи красногвардейцы! — кричит он.— Вы первый раз видите здесь неприятеля. Еще будет много боев! Нам ли бояться врага! А ну-ка давайте снимать орудия!

И он первый бросился к платформам, на которых у нас оставалось еще два неиспользованных орудия, так как для них у нас не хватало лошадей. Захваченные его примером, красногвардейцы взобрались на платформы и вместе с Лазо перенесли на руках трехдюймовые орудия — одно следом за другим, установили их на позицию, и наши артиллеристы открыли огонь. В кавалерийских частях неприятеля началось замешательство. Лазо поднял нашу пехоту, и, воодушевленные его участием в бою, цепи красногвардейцев устремились вперед.

Под горой мы наткнулись на брошенное бежавшими семеновцами орудие, из которого они стреляли по нашему бронепоезду.

Когда мы возвратились на станцию Булак к разбитым вагонам нашего состава, там стонали раненые, а оставшаяся здесь для прикрытия часть торопливо окапывалась, принимая меры к обороне. Вскоре и здесь появился Лазо, чтобы навести порядок. Он всегда поспевал как раз туда, где был всего нужнее.

На всех решающих участках боев среди красногвардейских отрядов мы всегда видели нашего командующего фронтом Лазо.

Я чувствовал, что Лазо был действительно организатором военных сил Забайкальского фронта. Этот человек обладал крупным военным талантом и был настоящим революционером. Наше успешное наступление на Оловянную говорит о том, что диспозиция была выработана умело. Не имевшие еще военного опыта и выучки, рабочие-красногвардейцы победили благодаря своей преданности революции и потому, что их вел в бой Лазо.

В ночь на 18 мая первые цепи Дальневосточного социалистического отряда вошли в Оловянную.

Однажды — перед занятием нами Оловянной — группа красногвардейцев приручила кормом какого-то поросенка. Поросенок не отходил от красногвардейцев.

Подъезжают на машине Лазо и Губельман, начинают разговаривать с красногвардейцами и случайно замечают возле них поросенка. Лазо обращается к ним и говорит:

— Не следует заниматься даже мелочным мародерством! Может быть, хозяин этого поросенка тоже дерется в рядах красногвардейцев. Вы должны помогать мне бороться против мародеров!

При занятии Оловянной это предупреждение Лазо сыграло большую роль. Наши красногвардейцы сами задержали бегущих с винтовками двух типов, в руках которых были узлы с самоваром, швейной машиной и другими домашними вещами. Это были мародеры, позорящие ряды красногвардейцев. По распоряжению командования они были расстреляны на месте.

Командующий фронтом Лазо созвал 25 мая в штабе фронта комсостав для выработки плана дальнейшего наступления и разгрома сил противника.

С занятием Оловянной в наших руках оказался левый берег Онона — глубокой горной реки с очень быстрым течением. На правом берегу расположились семеновские части. Но как переправить туда войска? Огромный железнодорожный мост взорван, понтон построить на виду у неприятеля и под его обстрелом невозможно. Поломаны прилегающие к нашей стороне два пролета моста, из которых один как бы свесился в воду, образуя своего рода лестницу из поломанных шпал, исковерканных рельсов и железных клеток. Все это высотой примерно в пятнадцать метров. По такой жуткой лестнице решено было ночью 27 мая взобраться на уцелевшую часть моста и перепра-

виться со всей нашей пехотой. Первым пошел на мост взвод матросов нашего Дальневосточного социалистического отряда.

Операция была начата в одиннадцать часов вечера. Надо было провести ее без единого шороха. Для этого наши ребята применили свой морской прием. К каждому взбиравшемуся на мост к ноге был привязан кусок шпагата. Он взбирался, отвязывал шпагат, опускал его нам и этим давал сигнал, что он на мосту. Следом за ним направлялся другой. Третьему взобравшемуся дали толстую веревку, к одному концу которой был прикреплен наш флотский пулемет. Когда был подан сигнал, что пулемет уже на мосту, стали подниматься по очереди остальные товарищи.

Вокруг свистели пули, поражая то одного бойца, то другого. Противник обстреливал наш берег. Его передовые части залегли на самом берегу Онона.

Я стоял слева в пролете на коленках. Мне кто-то говорит: «Командующий появился». Я посмотрел — в самом деле ползет Лазо. И тут пошел по нашим рядам шепот от бойца к бойцу: «Лазо... командующий... здесь».

Переправа оказалась такой трудной, что к часу ночи мы успели переправить всего только шестьдесят красногвардейцев и командующего фронтом. Приближался рассвет. Дальнейшая переправа стала невозможной. И тут Лазо пустился на хитрость. Он приказал ребятам кричать «ура». Их поддержали оставшиеся на берегу несколько сотен красногвардейцев, которые тоже заорали что было сил «ура».

Передовые части врага, вообразив в темноте, что на них бросилась огромная боевая сила, в большой панике удрали и освободили для наших бойцов свои окопы.

К рассвету мы перебросили на другой берег всех своих стрелков, а наши славные кавалеристы-аргунцы переправились через Онон вплавь, держась за хвосты и гривы своих коней, и соединенными усилиями выбили врага...

Вскоре открылся новый фронт. Выступил второй ставленник японского империализма — атаман Калмыков, и наш отряд по распоряжению Владивостокского Совета был отозван с Забайкальского и направлен на Гродековский фронт в Приморье.

Мы попрощались с любимым командующим фронтом Лазо, который при отъезде сказал нам:

— Какие бы ни были трудности впереди, верьте, товарищи красногвардейцы, рабочий класс все эти трудности преодолеет, и победа будет на нашей стороне.

Друг

1917 год. Гром Февральской революции докатился и до нас в далекой Австралии, где мы были в эмиграции после побега в 1907 году с Нерчинской каторги. Возможность вернуться на родину была встречена ликованием всей семьи.

В Читу приехали мы в июне. Прошло десять лет, как мы покинули ее. Чита бурлила, празднуя свержение самодержавия. Но наряду с ликованием уже чувствовалось разочарование: «Не того ждали от революции, думали — война кончится, а тут — на тебе — опять «до победного конца».

Муж мой, Борис Павлович Кларк, работал слесарем в железнодорожных мастерских станции Чита-1. По вечерам обсуждая дневные дела, он рассказывал мне, что творится кругом.

Пришла Октябрьская революция. На Дальнем вокзале организована Красная гвардия. Борис — красногвардеец. События надвигались. 1-й Читинский казачий полк пришел с фронта в Читу. Радушно встреченный читинской буржуазией, угощенный на славу вином и колбаской, он по приказу эсеро-меньшевистского «Народного совета» и своих офицеров разоружил Красную гвардию.

Но с фронта подходят новые революционные силы: 2-й Читинский, 1-й Аргунский и другие казачьи полки. Красная гвардия вновь организована, и она становится твердым оплотом Советской власти в Чите.

На станции Маньчжурия появляется атаман Семенов. Борис мне говорит, что атаман — это контрреволюция, придется идти с ним драться. Борис уходит с Красной гвардией на фронт. Я остаюсь одна со своей мелюзгой, которой у меня было от двух до восьми лет — целая шестерка...

Наша квартира находилась недалеко от вокзала. Часто товарищи с фронта забегали ко мне передать какое-либо поручение от Бориса или спросить, как я живу со своими малышами, а то просто рассказать, как они дерутся с белыми. И вот от них-то я услышала, что на фронте появил-

ся командующий, что зовут его Сергей Георгиевич Лазо. Рассказывает, бывало, какой-нибудь красногвардеец про товарища Лазо — так прямо преображается.

— Вот это командир! — говорит он.— Вот это человек. Не только заботится о нас, но и домашними-то нашими интересуется. Обо всем поговорит, все выспросит, парень хороший, редкий командир.

Меня очень интересовали эти похвалы командующему, и мне хотелось увидеть его самого, посмотреть, что это за человек, которого так хвалят и Борис и все товарищи. Я представляла себе его огромным, сильным, но очень добрым человеком.

Однажды вечером приезжает с фронта Борис. Заходит. Гляжу — с ним какой-то высокий, черноглазый, чернобровый, опрятно одетый в военную форму человек.

Борис знакомит меня:

— Знакомься, Нюта, это наш командующий Сергей Георгиевич Лазо.

Я растерялась, а от его крепкого рукопожатия чуть не вскрикнула.

— «Команда» уже спит? — спрашивает меня Борис.

— Спит,— отвечаю я.— Завтра поздороваешься с ними, а сейчас не буди их.

— Вот товарищ Лазо интересуется малышами нашими. Все про них выспрашивает. Надо показать ему их хоть сонными, а завтра ближе познакомится с ними.

Мы прошли в комнату, где стояли шесть детских кроваток, а на них, разметавшись, спали шесть маленьких человечков.

Долго стоял Сергей Георгиевич и смотрел на спокойно спящих ребят. Я смотрела на его лицо и удивлялась — чего, думаю, человек радуется, чему он так радостно улыбается? Дети как дети, самые обыкновенные.

Утром рано, когда еще все спали, я увидела, что Сергей Георгиевич, согнувшись над столом, что-то пишет. «Когда же он спал? Легли почти в три часа, а сейчас семь, вот бессонный-то»,— подумала я.

Стала просыпаться детвора.

Утро и вечер для меня были самым беспокойным временем: нужно было одеть, умыть и накормить всех. Забот, как всегда, было немало.

За хлопотами я не заметила, как моя «команда» познакомилась с Сергеем Георгиевичем. Вскоре послышался радостный смех ребят. Заглянула в комнату. Вижу, сидит Сергей Георгиевич, а у него на спине, на руках — везде

ребята; как мухи, облепили они его и что-то рассказывают ему.

«Быстро познакомились,— подумала я,— очевидно, и впрямь хороший парень, ведь дети так чутки к хорошим людям»...

Для детей бывал большой праздник, когда отец приезжал с дядей Сережей, как они его звали.

Бывало, приедет, выстроит всех их лесенкой, скомандует «смирно», наделит их незатейливыми фронтовыми гостинцами, скомандует «вольно», и начинается «светопреставление». Непривычному человеку не выдержать того шума и крика, что поднимались у нас. Начиналась «война» на детском языке: летели подушки, одеяла, и все, что можно было пустить в ход, все пускалось. Игра заключалась в том, чтобы взять дядю Сережу в плен. И если это удавалось, то детский восторг выражался в оглушительном воинственном крике. Дядя Сережа валился на пол, и на него наседала детвора.

Сергей Георгиевич говорил мне, что он нигде так хорошо не отдыхает, как в кругу моих малышей.

Часто надо мной он подшучивал.

— Вот это я понимаю,— говорил он.— Ведь это просто замечательно — шесть маленьких гражданчиков, и все в одной семье, ведь это целое богатство. Да ведь это еще не конец,— обращался он к Борису.

Борис отвечал самым серьезным тоном, что план еще не выполнен.

Я смеялась, отмахивалась от них, желала этого богатства Лазо, на что он охотно соглашался.

Иногда Сергей Георгиевич оставался ночевать у нас. Уложив детей спать, я присоединялась к друзьям. Они начинали разговор о своих военных делах. В эти минуты я жила их победами и поражениями, беспокоилась и рвалась на фронт. Просила их взять меня на фронт. Но они оба меня останавливали, указывая на детей:

— А с кем детей оставишь?

Иногда я задавала вопрос Сергею Георгиевичу:

— А если убьют Бориса, то как же я останусь со своей шестеркой?

Он мне отвечал:

— Убьют Бориса — останусь я, убьют меня — останется Вася, убьют Васю — останутся тысячи товарищей, которые помогут тебе поднять малышей.

После разгрома семеновской банды... приехали в Читу и зашли ко мне муж, Вася Бронников, Лазо и Оля — жена его. Остались все ночевать. Весело провели вечер. Наутро решили прокатиться верхом на Кручину (бывшая кларковская заимка). Решили взять двоих старших детей — Марусю и Гришу. Оба они прекрасно ездили верхом. Из казармы привели верховых лошадей. Всю дорогу Сергей Георгиевич несся с детьми вперегонки.

Дети были наверху блаженства. Приехали на заимку — в сорока верстах от Читы. Развели на берегу речки Кручины громадный костер. Сварили ужин. После ужина детей уложили спать на стоге сена, а сами всю ночь провели в разговорах. В рассказах о фронте, в воспоминаниях о прошлой революционной работе прошла короткая летняя ночь. Это была незабываемая последняя наша прогулка всех вместе.

1918 год для меня был ужасно тяжелым. Сначала я потеряла одного из своих малышей — дочку Верочку, которая заболела воспалением брюшины и умерла. Не успела я оправиться от одного горя, как меня постиг второй удар — убили моего мужа.

В августе белые банды уже начинали свою злодейскую работу в окрестностях Читы и в самой Чите, пользуясь выступлением интервентов, которые надвигались на нас и с запада и с востока. Борис находился в Чите со своей сотней для поддержания порядка.

Утром 21 августа Борис позвонил мне, чтобы я немедленно собиралась и переезжала к своей матери в город. Он беспокоился обо мне и детях и, очевидно, боялся меня оставлять на вокзале на казенной квартире.

К трем часам я переехала в город. По городу прошли слухи, что Борис убит около деревни Каштак белыми офицерами.

Часа в четыре пришел красноармеец и сообщил, что Борис ранен. Я помчалась в казармы, где стояла сотня Бориса.

Первой меня встретила в казармах Ольга — жена Лазо. Лицо ее было залито слезами. Я поняла, что случилось что-то ужасное.

Окружили меня товарищи. Все старались хоть чем-нибудь выразить свое сочувствие моему глубокому горю.

Хоронили Борю на другой день. Провожать его сошлось много народа. Гроб утопал в цветах. Отданы были все воинские почести командиру Красной Армии.

Сергей Георгиевич в это время уже был переброшен на Прибайкальский фронт против белочехов.

Увидеться мне больше с ним не удалось, хотя при проезде через Читу он провел собрание в железнодорожных мастерских и отступил на Амур с Центросибирью.

От него я получила коротенькую записку, в которой он писал:

«Мерзавцы убили Борю, но я жив, Вася жив и тысячи товарищей живы — отомстим за его смерть. О детях не беспокойся, вырастим. Сергей Лазо».

1919 год был годом разгула атамановщины. С опаской заглядывали ко мне товарищи-железнодорожники, чтобы узнать, как я живу с детьми, и если нужно — то и помочь.

Тяжело жилось мне. Обыски, издевательства — все это было мной пережито. Знакомые моей матери советовали ей, чтобы она уговорила меня скрыться куда-либо, а то меня могут забрать семеновские палачи в свои застенки. Передавали, что атаман Семенов гневается и обещает это «змеиное гнездо» вырвать с корнем.

Я наотрез отказалась оставить детей, тем более тогда, когда моя старшая дочь заболела нервной болезнью. На ребенке отразились обыски и страх за меня. Кто-то ее напугал, что «твою мать могут увезти ночью семеновцы». И действительно, у нас в Чите ночью в автомобиле приезжали к намеченной жертве, забирали ее — и человек исчезал. И вот Маруся, услышав гудок автомобиля ночью, вскакивала с диким криком, цеплялась за меня, и у нее начинался нервный сердечный припадок...

О Сергее Георгиевиче я имела сведения, что он пробрался в Приморье. Два раза он дал мне о себе знать. Однажды приходит к нам молодая девушка. Осторожно спрашивает, где живет такая-то. Я говорю, что я самая и есть. Позвала ее в комнату. Она сообщила мне, что приехала от Лазо, привезла мне деньги, привет от него и от его жены. Деньги у нее были зашиты в кушаке юбки.

Выспросила она меня подробно о моей жизни. Нужно, говорит, мне все знать о вас, товарищ Лазо велел подробно разузнать про вашу жизнь.

Второй раз напомнил он о себе.

Приходит тоже женщина. Она привезла мне посылку для детей. В этой посылке была обувь для ребят и материал им на платье. Что меня больше всего поразило в этих подарках — так это то, что вся обувь была впору каждому из детей. Как будто он снимал с них мерки. Глубоко была я тронута его вниманием.

Прошел еще год. Никаких сведений о моих друзьях — Сергее и Ольге Лазо — нет. Носятся слухи, что Лазо погиб во Владивостоке, но мне не верится, и я живу надеждой увидеться с ними когда-нибудь.

В середине 1920 года я получаю письмо из Владивостока за подписью «Ольга». Она просит ее встретить на вокзале.

С трудом дождалась указанного дня и помчалась на вокзал.

Подходит поезд, бегу к указанному вагону. Поезд еще не остановился, я увидела в окне вагона характерную белокурую голову женщины, с которой было пережито так много тяжелого, что связало нас неразрывно крепкой дружбой.

Ольга вышла из вагона. На руках у нее был прелестный ребенок. Целуемся. Она подает мне ребенка со словами:

— Знакомься, Нюта, Адочка — дочка Сергея.

Крепко обняла я ребенка того, кто так горячо любил моих детей. Поехали домой. Дети окружили Адочку и старались наперебой оказать ей внимание.

Ольга рассказала мне жизнь свою и Сергея за последние два года — вплоть до исчезновения Сергея в разведке японцев. В то время только можно было предполагать, что Сергея нет в живых, точных же сведений о его гибели и такой ужасной расправе с ним еще не было. И мы с ней жили надеждой на то, что он жив, но что просто упрятан японцами в Японии.

Прожив три дня у меня, Ольга уехала в Москву учиться.

Провожая ее, я думала: «Эх, если бы не моя пятерка, то я тоже бы покатила с ней в Москву учиться».

Третий товарищ — Вася Бронников — погиб месяцев через восемь после свержения Советской власти в Чите. Вместе с Лазо он отступил на Амур, но перед долгой разлукой со своими стариками родителями захотел с ними повидаться и стал пробираться в свою станицу. И там его арестовали белые. Привезли в читинскую тюрьму. Вскоре от него через тюремную фельдшерицу Григорьеву я получила коротенькую записку, в которой он мне сообщал, что арестован и хотел бы со мной повидаться.

С большим трудом я добилась разрешения на свидание с ним. Вася, несмотря на то, что сам был почти обречен, был бодр и весел, успокаивал меня и поддерживал в моем горе.

Через несколько месяцев Вася так же, как и многие товарищи, был вывезен ночью из тюрьмы, и о его судьбе приходилось только догадываться. Та же фельдшерица — товарищ Григорьева — сообщила мне, что вывезли Васю ночью в числе семи товарищей и увезли их как будто на станцию Маккавеево — главный злодейский притон семеновщины, где происходили пытки и казни наших лучших людей. Дело было ясно — возврата из Маккавеево не было никому.

Так погибли мои товарищи.

Прошло много лет. Дети выросли. Прав был дорогой Лазо, когда меня успокаивал, говорил, что «детей вырастим». Партия и товарищи помогли мне их вырастить. Часто по праздникам, собираясь у меня, дети со мной вместе вспоминают тяжелые 1918—1920 годы, когда погибли близкие, дорогие нам люди.

О Сергее Лазо

На Забайкальском фронте

В апреле 1918 года я приехала в Читу для того, чтобы присоединиться к своему 1-му Томскому боевому отряду, который был отправлен на Забайкальский фронт. Я задержалась на несколько дней в Чите. Было очень тревожно. Семенов находился на станции Оловянная и угрожал городу. В самой Чите орудовали подпольные белогвардейские организации. Отряды Красной гвардии были сосредоточены на Адриановке. Лазо около двух месяцев командовал Забайкальским фронтом.

Читинцы обратились ко всем Советам Сибири с просьбой выслать отряды для борьбы с атаманом Семеновым. По всем предприятиям, учреждениям, клубам Читы прошли собрания и митинги. На улицах были расклеены объявления и листовки, призывавшие к защите Советской власти:

«Все под ружье! Все, кто способен, вставайте в ряды бойцов за Советскую власть, против атамана Семенова!»

Я отправилась с товарищами на митинг в железнодорожные мастерские на станцию Чита-I, где ждали выступления Лазо.

Железнодорожные мастерские объединяли до трех тысяч рабочих и являлись пролетарским центром Читы. Там по-настоящему бурлила революционная жизнь.

На митинг мы приехали слишком рано. Работа в мастерских еще не кончилась, и мы пошли побродить. Вдруг видим — навстречу нам на забайкальской маленькой лошади едет Лазо по направлению к мастерским. Он заметил нас только тогда, когда с нами поравнялся. Поговорили. Лазо был очень доволен, когда мы ему сообщили, что посланы томской партийной организацией к нему на фронт:

— Работы очень много, предстоит еще больше. Люди нужны. Поскорее приезжайте.

Мы вместе направились к мастерским, где рабочие уже ждали Лазо. Собрались в цехе. Лазо выступил с докладом. Простыми словами он обрисовал положение на фронте, подчеркнув, что Семенов является, по существу, пря-

мым агентом японского правительства и что он закупает лошадей, верблюдов, оружие, обмундирование и нанимает войска на японские деньги.

— Вы должны понять, товарищи,— говорил Лазо,— что Семенов играет роль охотничьей собаки, которую империалистические хищники натравливают на Страну Советов. В боях на Забайкальском фронте участвуют японские солдаты, переодетые в русскую форму. В армии Семенова, состоящей из офицеров и богатых казаков, много наемного войска, завербованного из отсталых слоев китайцев, монголов и бурят.

Рабочие слушали Лазо с большим интересом. Их выступления были проникнуты ненавистью к Семенову, стремлением на фронт. На фронт буквально рвались, почти никому не хотелось оставаться в мастерских. Лазо пришлось вновь выступить и разъяснить, что работа в мастерских также необходима, так как для борьбы с Семеновым нужны паровозы и вагоны, и что на фронт может уйти только часть рабочих, остальные должны остаться в мастерских, одновременно состоя в отрядах Красной гвардии. Тогда один из рабочих предложил бросить жребий, кому оставаться.

Свое отношение к Лазо рабочие выразили в телеграмме, разосланной по линии Забайкальской железной дороги 28 апреля, которую привожу целиком:

«По докладу штаба Красной гвардии Забайкальской железной дороги Главный исполнительный комитет Совета железнодорожных депутатов Забайкальской железной дороги постановил: в ознаменование заслуг доблестного отряда Красной гвардии по революционной защите железной дороги от банд Семенова, руководимых укрывшимися в пределах Китая контрреволюционными вождями капитала и буржуазии, избрать командира нашего доблестного отряда революционной Красной гвардии товарища Лазо почетным членом штаба Красной гвардии».

Лазо был очень тесно связан с рабочими мастерских, которые беспрерывно давали ему пополнения на фронт. Во время своих приездов в Читу он обязательно останавливался у них, выступал на митингах, многих знал лично и заходил к ним домой.

Через несколько дней я уехала в Адриановку, где в это время находился штаб фронта. Масса людей стекалась туда с оружием и без оружия: шло местное население и казачество близлежащих станиц, прибывали рабочие дружины. Помню, приехал в Адриановку отряд рабочих с

Черновских копей со своей санитарной летучкой, что нас очень порадовало, так как в то время большинство медицинского персонала — врачи и фельдшеры — поддерживали саботаж интеллигенции и отказывались работать в красногвардейских отрядах. Через некоторое время прибыл Канский отряд, затем Троицкосавский и др.

Боевые силы росли не по дням, а по часам. Каждый день прибывали отряды из разных концов Сибири.

В первые дни у бойцов было несколько подавленное настроение, вызванное нашим отступлением под напором семеновских войск, захвативших в апреле станции Борзя и Оловянная. Приезд новых частей поднял настроение бойцов. Дальневосточные отряды, прибывшие с Бородавкиным и Губельманом, вызвали настоящий энтузиазм. В этих отрядах было много матросов и рабочих. Мы им устроили встречу с другими отрядами, так как это было первое подкрепление, прибывшее с востока.

Партийные организации Сибири и Дальнего Востока направили к нам в составе отрядов Красной гвардии многих большевиков. Начали выделять комиссаров; в каждом отряде была своя, пока неофициальная, политическая часть. Вырабатывались планы политработы. Вскоре Центросибирью был командирован в Адриановку Рускис, который организовал и возглавил политическую часть штаба фронта.

Политико-воспитательная работа велась не только в отрядах, но и среди местного населения. Мы выезжали в окрестные станицы, проводили беседы и митинги и формировали новые части. Люди записывались в отряды тут же, после митинга. Приходили и приносили с собой самого разнообразного вида оружие: ржавые шашки, охотничьи берданы и трехлинейные винтовки. Кто не имел оружия — шел без него.

Я думаю, что именно в это время (в конце апреля — начале мая) по-настоящему развернул свою работу штаб Забайкальского фронта.

Лазо был весь в действии. Он проводил огромную работу по реорганизации отрядов Красной гвардии. Одновременно шла их боевая подготовка. Были сформированы основные боевые единицы и введен институт комиссаров. Проходило комплектование отрядов интернационалистов из мадьяр, австрийцев и немцев, бывших военнопленных. Приехавшие Владивостокский, Благовещенский и Хабаровский отряды были сведены в один Дальневосточный социалистический отряд.

Лазо знакомился с составом каждого отряда, интересуясь всем, вплоть до проверки постов, вникая во все мелочи. Он беседовал с командирами и отдельными красногвардейцами и внимательно прислушивался к их мнениям.

Одной из причин нашего отступления была слабая дисциплина красногвардейских отрядов, брошенных на фронт против Семенова. Поэтому Лазо устремил всю свою энергию на борьбу за централизованное руководство фронтом, против анархистских тенденций в отрядах, пьянства и мародерства...

Это повысило авторитет Красной гвардии в глазах местного населения. Все увидели, как командный состав штаба, и особенно Лазо, борется с мародерством. Одновременно с организационной работой велись и военные операции, правда, пока небольшого масштаба. Все же мы время от времени беспокоили Семенова по линии железной дороги, чтобы не дать ему возможности выйти из Оловянной. Для этой же цели Сергей еще при первом нашем отступлении из Оловянной приказал взорвать мост через Онон.

Во время военных операций Сергей входил во все детали боя. Он старался лично приехать в расположение каждого отряда, в особенности тех, которые бывали на решающих участках, и выяснить, как у них идут дела.

В Забайкалье раскрылись большие организаторские способности Сергея,— ведь ему до этого не приходилось бывать на фронте. Участие в подавлении иркутского мятежа было его первым и единственным боевым крещением. Теоретический его багаж сводился к пройденному им курсу в Алексеевском военном училище. Он как-то сказал мне:

— У Семенова в ставке — генералы и офицеры, знающие военное дело. Мы не должны им в этом уступать!

Во время пребывания его на фронте он постоянно, обычно ночами, пополнял свои военные знания. В редкие минуты передышки он любил делиться с товарищами новыми мыслями, навеянными той или иной книгой. Военной библиотекой его снабдил бывший генерал Таубе, которого Сергей очень уважал и чьими советами он пользовался. О генерале Таубе хочется сказать несколько слов. Это был старый генерал царской армии, безоговорочно признавший Советскую власть и назначенный Центросибирью на одну из командных должностей в Красную Армию. Он был арестован белогвардейцами. Чешский гене-

рал Гайда предложил ему вступить в белую армию. Тяжелобольной старик ответил:

— Мои седины и контуженные ноги не позволяют мне идти на склоне моих лет в лагерь интервентов и врагов трудящейся России.

После этого он был приговорен к смертной казни, но умер в тюрьме от тифа, прежде чем казнь была приведена в исполнение.

Сергей обладал исключительной работоспособностью, мог по нескольку суток совершенно не спать. Он говорил, что ночью его мысль может, не отвлекаясь, более углубленно работать. У него было сильно развито чувство ответственности за порученное ему дело. В работе он был неутомим. Он не гнушался никакой, даже самой мелкой, черновой работой. Лазо нередко можно было видеть в штабе за пишущей машинкой. Секретную корреспонденцию, сводки, донесения в Центросибирь и некоторые ответственные приказы он печатал сам, большей частью по ночам.

Напряженная работа командующего фронтом, требующая большой сосредоточенности, не превращала Лазо в замкнутого человека, не отгораживала его от масс. Одним из основных условий успеха на фронте он считал правильно поставленную агитационно-пропагандистскую работу и сам был неутомимым агитатором. Не говоря уже о его частых выступлениях на митингах и собраниях красногвардейцев, он, когда ездил в Читу по делам фронта, почти на каждой более или менее длительной остановке не упускал случая побеседовать с рабочими, казаками и крестьянами на собрании или в частном разговоре — разъяснить им, за что борются большевики.

По прибытии в Адриановку я была зачислена в 3-ю сотню 1-го Аргунского полка политбойцом — так называли на Забайкальском фронте командированных партией коммунистов. Они несли обычные обязанности красноармейцев: были пулеметчиками, разведчиками, но в то же время вели политико-воспитательную работу в отрядах.

Аргунский полк во время империалистической войны был на германском фронте и вернулся при полном вооружении в Забайкалье. Настроение его было революционное — против войны и за Советы. Впервые мне пришлось с этим полком столкнуться в феврале 1918 года на станции Тайга, куда наш Томский красногвардейский отряд выезжал разоружать аргунцев, так как мы были неправильно информированы о его настроении. Нас тогда поразила их дисциплинированность.

На наше предложение разоружиться аргунцы ответили с усмешкой, что казак никогда не расстается с оружием. Командный состав в большей своей части оказался на стороне Советской власти. Подъесаул и первый после революции избранный командир Аргунского полка Метелица, хорунжий и командир 3-й сотни Бронников, командир 4-й сотни Чижик, 5-й сотни — Зверев и даже полковой врач — все они остались на своих постах, внеся еще большую дисциплинированность и сплоченность в ряды казаков. Аргунский полк насчитывал примерно до тысячи сабель. К моменту моего приезда в Адриановку командиром полка был Метелица.

Аргунцы переименовали себя в 1-й Аргунский советский красногвардейский полк. Они побывали у себя дома в станицах, но, когда потребовалось, оказались на своих местах и под ружьем.

Мне впервые пришлось близко столкнуться и познакомиться с условиями жизни забайкальских казаков. Я обратила внимание на то, что они очень строго карали за военную недисциплинированность и за плохой уход за лошадьми.

Аргунскому полку Лазо уделял много внимания. Аргунцы представляли собой крепкую боевую единицу, были испытанными фронтовиками, получившими первые боевые уроки еще в 1917 году. К тому же это были коренные забайкальцы, они связывали нас с местным населением и несли в свои станицы наше большевистское слово.

Политико-воспитательную работу в этом полку проводила наша крепко спаянная группа коммунистов, куда входили Бронников, Чижик, Зверев, Кларк и я, причем первые три товарища были для аргунцев своими станичниками, с которыми они вместе прошли империалистическую войну.

Бронников, Зверев и Чижик еще в средней школе в Чите участвовали в революционных кружках и были тесно связаны с политическими ссыльными, а большевистскую закалку получили на фронте в 1917 году.

Силы наши были, конечно, ограниченны, но мы все же наладили работу. На моей обязанности лежало снабжение полка литературой. Для этого приходилось периодически ездить в Читу, где с помощью секретаря Читинского комитета партии я эту литературу доставала.

Мы устраивали собрания, читки и беседы с казаками, старались использовать регулярно проводившиеся казачьи сходы. К ним мы тщательно готовились при помощи имев-

шегося в каждой сотне актива и добились того, что старые казаки стали сами воспитывать вновь прибывающую в полк молодежь. Мы знакомили бойцов с идеями и с историей большевистской партии и разъясняли им подлинный смысл происходящих событий. Помимо этого мы постоянно обсуждали с ними текущие вопросы фронта: борьба за дисциплину и др. Боролись против немедленной расправы с пленными без допроса и суда, за то, чтобы «язык до штаба доводить», так как пленные давали нам иногда ценные сведения. Кроме того, в семеновские полки попадали и случайные люди — крестьяне и казаки, насильно взятые туда.

Для углубления воспитательной работы среди казаков Лазо приказал влить в наш полк особую сотню Кларка, состоявшую наполовину из читинских рабочих. Аргунцы получили крепкое рабочее ядро.

Еще после VII съезда партии группа красноярских левых эсеров-интернационалистов — Мазурин, Ада Лебедева и др.— вошла в Коммунистическую партию. Лазо об этом знал, он переписывался с красноярцами и был полностью с ними согласен, но сам несколько задержал свое вступление в партию большевиков. Боевая обстановка не давала ему возможности покинуть фронт. На фронте же оформленной партийной организации в то время не было. К тому же он хотел сделать это в Красноярске или в Иркутске, где его хорошо знали. Но это не удалось. Вместе с Борисом Кларком он подал заявление о приеме его в Коммунистическую партию. Заявление было недлинное, и в нем он указывал, насколько я помню, следующее:

«По ряду вопросов еще до Октябрьской революции я разделял взгляды большевиков. После Февральской революции я с группой левых социалистов-интернационалистов состоял в Красноярском Совете в одной фракции с большевиками. Я пришел к заключению, что только большевистская партия способна повести за собой массы рабочих и крестьян и закрепить победу революции. Поэтому прошу принять меня в члены Коммунистической партии».

Заявления Лазо и Кларка я передала в Читинский комитет партии. При этом я сказала, что этих двух товарищей надо поскорее оформить. Секретарь парткома спросил меня:

— Хорошо ли вы знаете этих товарищей, ручаетесь ли вы за них?

Прежде чем я успела ответить, он увидел на заявлениях фамилии Кларка и Лазо и сказал:

— Ну, об этих товарищах не может быть и речи — их все знают! На первом же заседании комитета мы их утвердим...

Однажды в десятых числах мая нам приказали готовиться к бою.

Лазо вечером объехал все отряды и поговорил с командирами. В нем чувствовалось большое внутреннее напряжение, но внешне он казался спокойным.

Ночью наш отряд двинулся в поход. Мы пошли в наступление на Оловянную. Семенов не ожидал, что красные сумеют собрать свои силы и ударить ему в лоб. Несмотря на предпринятое Семеновым сейчас же контрнаступление, наши части, расставленные в полном боевом порядке, с артиллерией и пулеметами, стойко держали свои позиции.

Лазо во время наступления находился с недавно прибывшим Дальневосточным отрядом. Это был его обычный метод. Когда появлялся новый отряд, он старался несколько дней провести с этим отрядом, чтобы узнать командный состав и бойцов.

Станция Оловянная была нами занята 18 мая. Семеновцы нас, по-видимому, не ждали. В большом поповском доме мы застали следы веселой пирушки. На столах оставалось еще много еды. Я не заходила в этот дом, но помню, что наши аргунцы притащили белого хлеба, пирогов и торжественно нас угощали.

Взятие Оловянной еще не решало вопроса. По ту сторону реки Онон, куда мы не могли пробраться, так как мост был взорван, находились очень удобные в стратегическом отношении высоты. Их занял Семенов, и его войска непрерывно нас оттуда обстреливали.

В двадцатых числах мая Лазо приехал к аргунцам, чтобы посоветоваться с Бронниковым, Кларком и Зверевым и окончательно решить, каким путем выбить Семенова с Оловяннинских высот. До этого Лазо в течение нескольких дней тщательно изучал обстановку. После небольшого совещания и обмена мнениями Лазо предложил следующий план действий: часть Дальневосточного отряда должна была вместе с артиллерией, сделав небольшой обход вправо, начать днем перестрелку с Семеновым и не прекращать ее всю ночь. В то время, когда внимание семеновцев будет отвлечено огнем артиллерии, другая часть Дальневосточного отряда, главным образом моряки, умеющие хорошо плавать, должна была ночью в одиночку пробраться по остаткам взорванного моста через Онон.

Аргунцам было поручено углубиться вниз по течению Онона, верстах в пятнадцати ниже моста постараться переплыть реку и на рассвете ударить Семенову в тыл.

Лазо, договорившись с Кларком, уехал, сказав, что в этой операции он будет с Дальневосточным отрядом.

Я помню, как мы собрались на берегу Онона перед тем, как пуститься вплавь вместе с лошадьми. Тем, кто еще не был достаточно опытен, аргунцы разъяснили, как это нужно проделать. Верхом нельзя было переплывать — это слишком тяжело для лошади. Спустившись в воду, надо держать ее за гриву или за хвост, так как лошади хорошо плавают. Но, приблизившись к противоположному берегу, необходимо от лошади немного отплыть, чтобы она, выбираясь на берег, не ударила пловца ногами.

Тут же быстро соорудили нечто вроде парома, на котором были переправлены оружие и часть людей. Когда мы переправились на рассвете на другой берег, Кларк пустил вверх ракету. Она явилась сигналом к началу действий. В этот же момент Дальневосточный отряд начал атаку на семеновские окопы, а мы налетели с тыла.

Через несколько часов Семенов был выбит с высот. Это произошло 26—28 мая 1918 года.

Взятие нами Оловянной еще больше подняло дух в наших войсках. Среди семеновских войск усилилось разложение. Атаман еще пытался задержать у себя людей выплатой им денег, быстрым повышением и раздачей чинов. Он принимал в свои отряды всякий сброд, хунхузов и бандитов. Рядовые казаки из его отрядов стали чаще перебегать к нам.

В тылу у Семенова образовались целые отряды, которые пытались установить с нами связь. Это часто удавалось, и в таких случаях Лазо, поскольку было возможно, увязывал действия наших отрядов с действиями этих тыловых частей.

После взятия Оловянной и Оловяннинских высот мы повели быстрое наступление на Семенова, не давая ему отдыха.

Двинулись на Борзю. Поселок еще был занят семеновцами. К утру надо было выбить их оттуда во что бы то ни стало. Семенов все еще не верил в наши силы. Взятие Оловянной казалось ему случайностью. Он продолжал чувствовать себя спокойно и, выставив несколько отрядов для ответной стрельбы, кутил с офицерами. Но на рассвете

наши войска стали организованно подходить к Борзе. Семенов быстро очистил ее. Беспорядочно отступая, семеновцы угоняли скот и увозили все ценные вещи. Утром 11 июня мы заняли Борзю.

Красные почти безостановочно двигались вперед. К станции Даурия аргунцы подходили с правого фланга. По плану, данному Лазо, одновременно с аргунцами Даурия должна была быть занята с левого фланга отрядом Петрова-Тетерина.

Медленно двигались аргунцы, подходя к Даурии. Вперед в разведку были высланы сотни Кларка и Бронникова. Лазо объехал весь фронт на машине. Проверив и убедившись, что справа и в центре по линии железной дороги все в порядке, Лазо направился к левому флангу. Оказалось, что наших отрядов там нет. Оголенный левый фланг мог испортить положение.

Лазо углублялся все дальше и дальше в сторону левого фланга, недоумевая, куда делись наши части. Вскоре он увидел одного из бойцов отряда Петрова-Тетерина.

— В чем дело? — спросил он.— Почему ваш отряд не наступает?

— Как? Куда наступать? Нам ничего не известно,— растерянно ответил товарищ.

Оказывается, отряд митинговал. Правый фланг организованно вел наступление, а левый его не мог поддержать. К счастью, разведка донесла, что Семенов уже очищает Даурию. Сергей вместе с членом штаба Рускисом и еще с одним бойцом втащили на машину пулемет и направились в Даурию с левого фланга, ожидая, что подкрепление подойдет. Осторожно разглядывая местность с помощью бинокля — нет ли где засады, Лазо с Рускисом въехали в Даурию. Оказалось, что они первыми заняли эту станцию. Из Даурии Лазо подъехал к правому флангу.

Разведка доложила Кларку:

— Неизвестная машина показалась из Даурии — едет к нам.

Кларк скомандовал:

— В атаку!

Отряд помчался навстречу машине, оттуда махнули кусочком красной материи. Машина подъехала, и вышел Лазо. Кларк напал на него:

— Зачем ты так поступаешь? Ведь мы могли тебя обстрелять!

Лазо разъяснил ему положение на левом фланге и добавил:

— Ты подумай: имея приказ о наступлении, зная, что с других флангов подходят отряды, устраивать митинги и оголять фронт! А ведь командир — неплохой вояка!

Аргунцы вошли в Даурию 19 июня.

Отброшенный еще дальше к Маньчжурии, Семенов продолжал делать налеты и вылазки.

Мы укрепились на станции Даурия. Вокруг Даурии не было воды, и приходилось ее подвозить на паровозе за десятки верст. Воды не хватало ни для людей, ни для лошадей. Между лагерем красных и белых находился источник Урубудук. Семеновцы день и ночь обстреливали эту местность с бронепоезда, не давая возможности набрать воды. Лазо решил во что бы то ни стало отвоевать источник. Зная лично многих рабочих железнодорожных мастерских Оловянной, Лазо выбрал из них одного машиниста побойчее и помоложе и сказал ему:

— Нужно выполнить одно задание. Давно ездишь на паровозе?

— Шесть лет уже работаю, товарищ Лазо,— ответил машинист.

— Ну, если хорошо ездишь, придется поучиться еще кое-чему.

И несколько дней после этого можно было наблюдать, как Лазо вместе с машинистом ездили на паровозе по линии. Умея управлять паровозом, он иногда становился на место машиниста, а машинист — то на более быстром, то на более медленном ходу — учился соскакивать с паровоза.

Дня через три к полотну железной дороги подвезли камень, щебень и черепицу. Нагрузили две платформы. Позади платформ прицепили паровоз. Во время тренировки Лазо точно рассчитал, сколько минут идет поезд от одного разъезда к другому, и, когда семеновский бронепоезд начал свой обычный обстрел красных, не подпуская их к источнику с пресной водой, машинист разогнал на полный ход паровоз вместе с платформами и пустил этот состав на семеновский бронепоезд. На платформах были заложены взрывчатые вещества, и при столкновении с бронепоездом получился взрыв. Семеновский бронепоезд был разбит вдребезги. Было убито шесть человек команды и ранено четыре. В числе убитых нашли также и японского офицера.

Бронепоезд атамана Семенова — его гордость — был уничтожен. Наш машинист вовремя соскочил с паровоза — помогла предварительная тренировка.

Мациевская была последней станцией между Читой и Маньчжурией, дальше шли только разъезды, до самой границы. Семенов получил довольно значительное подкрепление от японцев. У него появился новый бронепоезд, он собрал все свои силы, чтобы укрепиться в Мациевской, вырыл там окопы и оцепил их проволочными заграждениями.

Три раза пришлось идти в наступление на Мациевскую. Два раза отступали с тяжелыми потерями и снова готовились к бою. Упорство красных бойцов росло, иногда даже приходилось сдерживать их пыл, чтобы поднакопить силы для последнего удара по противнику.

На Мациевскую были брошены все наши части — пехота и кавалерия. С утра до позднего вечера 19 июля длился упорный бой. К вечеру, несмотря на превосходство военной техники, белые сдали Мациевскую и отступили на 86—87-й разъезды. Они заняли укрепленные позиции на Тавын-Тологойских высотах. Семенов и его части помещались в палатках, так как там построек и зданий почти не было.

В конце июля Лазо получил секретное письмо из Центросибири от товарища Яковлева о том, что по директиве Москвы в интересах международных отношений ни в коем случае не следует переходить границу Маньчжурии и даже затрагивать китайскую территорию снарядами. В этом же письме указывалось на необходимость скорейшей ликвидации Семенова.

Предстояло решить сложную задачу — выбить врага путем обычного наступления было невозможно, не переступая границы. На узком совещании группы военных работников Сергей предложил следующий план операции: отряд, составленный из сотни Кларка и еще нескольких сотен Аргунского полка, ночью пойдет внезапно в атаку. Одновременно с другого фланга подрывная команда зайдет в тыл к противнику и испортит железную дорогу, чтобы отрезать врагу отступление. Мы стремились по возможности уничтожить семеновскую живую силу — офицерство, не дать ему скрыться за границу.

Решено было действовать только бомбами, шашками и криками (своего рода психологической атакой), не пуская в ход ни винтовок, ни пулеметов. Детальный план был на руках у Кларка. Отряд выступил в поход, и, только когда он отошел на определенное расстояние и все уже были на счету, бойцам был подробно рассказан план их действий.

Отряд был разделен на три небольшие группы. Темной ночью одна группа приблизилась к палаткам. Враг ничего не подозревал. В палатках слышались шум, музыка, пение. Разведка выяснила, где находится обоз. Решено было в первую очередь создать панику среди людей и лошадей обоза. Часть наших товарищей была направлена на коновязь, другая приблизилась к палаткам, а третья — к обозу. По данной команде с криками «ура» были брошены бомбы в палатки. Красные подняли страшный шум. Перерезали коновязь — лошади в панике разбежались по степи. Третья группа окружила обоз.

Надо отметить, что мы недостаточно смело бросились на палатки. Ночь была темная, и мы не знали сил противника. Но все же мы панику посеяли большую. Офицеры не могли получить лошадей и бежали пешком до станции Маньчжурия. Они срывали с себя погоны; часть их удрала в белье, не успев одеться. Нами был захвачен обоз.

Сергей сам руководил всей этой операцией. Сначала он отправился с командой подрывников. Убедившись, что железная дорога испорчена, как было намечено по плану, он подъехал к аргунцам и продолжал руководить боем.

Семеновские банды освободили территорию Забайкалья и ушли в Маньчжурию.

Сергей получил поздравительную телеграмму из Центросибири от товарища Яковлева за успешное выполнение задания.

Бойцы отдыхали, измученные ночным боем. С первыми лучами солнца через границу уже перебежало много китайских торговцев с плетеными маньчжурскими корзинами. Они предлагали нам китайские пампушки и печенье из маньчжурской муки. Красногвардейцы охотно покупали эти изделия.

К утру нам навстречу выехал поезд с китайскими дипломатами, которые повели с нами переговоры о нейтралитете. Мы требовали, чтобы китайское правительство не пускало семеновские банды на нашу территорию.

Китайская делегация заявила, что она желает вести переговоры только с командующим фронтом Лазо. Лазо, принимавший личное участие в ночной атаке, вконец измученный, находился в своем вагоне. Когда ему доложили о приехавшей делегации, он сказал Кларку:

— Я думаю, что в таком виде не стоит принимать иностранцев. Передайте им, что через час я смогу начать с ними переговоры.

За этот час Лазо умылся, побрился и приоделся и со своими адъютантами и членами штаба пришел в китайский вагон. Там произошел короткий разговор при помощи переводчика. Китайская делегация заявила, что семеновцы не будут переходить границу в течение определенного срока, просила, чтобы командующий фронтом Лазо не допустил перехода красных отрядов на китайскую территорию. Так и договорились. В знак своего миролюбия они преподнесли подарки — китайский чай, какие-то китайские безделушки и мешок сахару. Лазо в свою очередь пригласил их к двенадцати часам дня на завтрак в свой вагон, куда были приглашены также командиры красных отрядов. Стол был сервирован, насколько это было возможно в условиях фронта. Один из работников штаба сказал Лазо:

— Товарищ Лазо, сахар, который нам преподнесли китайцы, подмочен. Как прикажете, подавать его на стол или нет?

Лазо возмутился:

— Они думают, что мы совсем нищие! Надо немедленно достать нашего настоящего рафинаду. Я им покажу, какой у нас сахар!

На это дело «мобилизовали» несколько человек, которые с большим трудом отыскали хороший русский рафинад. Во время завтрака Лазо в разговоре с китайцами сделал тонкий намек на то, что русские люди предпочитают пить чай с рафинадом и не любят сахарный песок, в особенности если он подмочен.

Перемирие было заключено на пять недель. Китайская делегация заверила, что в течение этого времени белогвардейцы не будут переходить границу. Бойцы получили возможность передышки, часть их была отпущена по домам косить сено.

Лазо выехал в Читу.

На Прибайкальском фронте

С запада по линии железной дороги наступали чехи. Обстановка становилась серьезной.

Центросибири пришлось эвакуироваться из Верхнеудинска в Читу. На заседании Центросибири и читинских организаций решено было послать Сергея на Прибайкальский фронт.

Ночью 20 августа Сергей забежал ко мне в городской партийный комитет сообщить об этом и попрощаться.

— Положение очень тревожное,— сказал Сергей.— Мне предлагают организовать фронт против чехов. Я думаю, что едва ли это будет возможно. Верхнеудинск уже сдан. А впрочем, на месте будет виднее. Я предполагал взять с собой Кларка, но он оставлен для охраны Читы. Есть сведения, что белогвардейцы с попами готовят мятеж. При первой возможности сообщу, как там сложится положение, а пока передай привет Борису.

Попрощавшись, Сергей поспешил на вокзал.

На рассвете за мной прислали и попросили немедленно прибыть в отряд Кларка. В городе начинался белогвардейский мятеж. Офицеры использовали нашу мобилизацию, проведенную в исключительно трудных политических условиях, и повели среди мобилизованных агитацию против Советской власти. Отряд Кларка был послан на ликвидацию этого мятежа. Разведка доложила, что мобилизованная крестьянская молодежь находится в лесу, близ деревни Каштак. Мы туда выехали. Борис сказал:

— Я думаю, что белогвардейцы спровоцировали парней. Надо будет попробовать с ними переговорить, не открывая стрельбы.

Он выехал с небольшой группой бойцов, предложив нам всем остаться у опушки леса. Когда было сообщено о нашем мирном намерении находящимся в лесу мобилизованным, они стали выбирать делегата для переговоров, но в этот момент один из офицеров, притаившись в кустах, метким выстрелом убил Кларка. Это была провокация. Мобилизованные уже поняли, что их подвели, и готовы были идти на переговоры. Мы окружили лес. Молодые солдаты перешли на нашу сторону. Офицеры поспешили скрыться, оставив обманутых ими людей.

Бойцы, бережно украсив тело своего командира Кларка цветами, привезли его в казармы.

Днем меня вызвали в исполком, где была телеграмма от Лазо, уже с Прибайкальского фронта — со станции Хилок. Он просил направить к нему коммунистов, в том числе и меня. В ту же ночь несколько человек выехало на Прибайкальский фронт. Мы отправились на паровозе, который шел в распоряжение Лазо.

К утру, приехав на станцию Хилок, мы нашли Сергея в служебном вагоне. Лицо у него было измученное, глаза воспаленные. Видно было, что он несколько ночей не спал. Он обрадовался нашему приезду:

— Хорошо, что приехали! Люди здесь новые, я почти никого не знаю.

Лазо сразу же распределил приехавших товарищей, направив часть из них на укрепление броневой команды. Когда мы остались с ним одни, он сказал:

— Посылая меня на фронт, надеялись, что я сумею его организовать. Это, конечно, утопия. Держать фронт невозможно. За эти дни я сделал все, что мог. Сейчас надо задержать наступление чехов, чтобы выиграть время для организованного отступления. Некоторые части разложены, отступают в беспорядке и бросают раненых. Я сообщил в Читу о том, что принимаю все меры, какие могу, чтобы задержать чехов и дать возможность Центросибири эвакуироваться из Читы. Самая надежная часть, которую мне удалось укомплектовать и укрепить,— это броневая команда.

Мы были окружены врагами. Чехи двигались к Чите со стороны Иркутска. Верхнеудинск был уже сдан. Со стороны Владивостока тоже наступали чешские эшелоны. Семенов опять начал мобилизацию офицерства, выжидая лишь срока окончания перемирия, чтобы вновь перейти границу и продолжать борьбу против нас.

На Забайкальском фронте командование было поручено Балябину.

Когда Сергей рассказал о положении на фронте, мы заговорили о Кларке. Сергей уже знал о его гибели. Я ему рассказала более подробно, как это все произошло. Его очень беспокоила судьба семьи Кларка. Он надеялся еще увидеться с женой Бориса Нютой и хотел снабдить ее деньгами, посоветовать ей с детишками уехать куда-нибудь в деревню, подальше от глаз белогвардейцев.

Удержать фронт не удалось. Под напором чехов пришлось отступить.

Сергей орудовал с броневиком и двумя платформами. Он начал портить железную дорогу, уничтожая и взрывая мосты, чтобы задержать наступление чехов. Броневая команда была подобрана хорошо. Лазо знал каждого бойца. Дисциплина была крепкая.

Прежде чем взорвать мост, приходилось выяснять, нет ли где частей Красной Армии. Надо было подобрать раненых, которых не успели эвакуировать отступающие части. Был случай, когда группа анархистов — часть из них была в нетрезвом виде — бросилась на Лазо с винтовками и кулаками, требуя денег; он продолжал спокойно с ними разговаривать, как будто не замечая того, что происходит. Мы забеспокоились, но, несмотря на все наши просьбы, Сергей не хотел уйти в вагон. В это дело вмешалась бро-

невая команда. Командир подозвал Сергея — якобы для того, чтобы выяснить какой-то срочный вопрос,— и буквально втащил его на бронепоезд, а дебоширившей группе пригрозил оружием.

По ночам Сергей изучал железную дорогу, изучал мосты; на всех станциях, которые мы проезжали, советовался с местными товарищами-железнодорожниками, решая вопрос, какой из мостов нужно взорвать, в каком именно месте повредить, чтобы легче было потом исправить. Жаль было разрушать дорогу, но в то же время этого требовали интересы борьбы — надо было задерживать врага и мешать ему продвигаться вперед. Переезжали через мост и посылали назад группу подрывников из броневого отряда; те вкладывали капсюль и зажигали фитиль. Мы, отъезжая на броневике, видели, как мост взрывался, с болью наблюдая эту картину вынужденного разрушения.

Сергей рассчитал, что мы задержали чехов дней на семь-восемь. Когда мы подъехали к Чите, она оказалась эвакуированной. Остановились в Читинских мастерских. В самый город пройти уже было нельзя — его заняли белые. Рабочие Читинских мастерских рассказали Сергею, что Чита была эвакуирована в панике, в течение двух часов, так как был пущен провокационный слух, что чехи пошли в обход и отрезали Лазо от Читы.

Сергей, поговорив с отдельными товарищами, решил созвать собрание. Несмотря на то что была ночь, на это последнее собрание пришло много рабочих. Это было их прощание с Лазо. Настроение у рабочих было — не прекращать борьбы.

После митинга мы должны были ехать дальше, но и мне и Сергею очень хотелось установить связь с семьей Кларка. В город идти было невозможно. Тогда Сергей написал записку и передал ее одному из товарищей, который дал слово, что он на другой же день повидается с Нютой и передаст ей эту записку.

Проехали станцию Карымская, опять начали взрывать мосты и портить телеграф. Таким образом, доехали до станции Урульга, где была созвана конференция из представителей сибирских и читинских организаций и военных работников, а затем собрание всего сибирского актива.

На этой конференции должны были быть Яковлев — председатель Центросибири и Лыткин — его заместитель, находившиеся в Благовещенске, но они не смогли приехать и дали телеграмму, в которой предлагали распределить силы партийного актива по городам Забайкалья

и Амура для нелегальной работы, а военным руководителям Забайкальского фронта — временно скрыться в тайгу, чтобы впоследствии призвать массы к борьбе и возглавить партизанское движение.

Выступая на конференции, Лазо требовал, чтобы оставшиеся еще под его командованием бойцы были снабжены документами и деньгами. Излишки продовольствия он предлагал отправить в рабочие районы.

Особенно трудно было решить вопрос, как поступить с отрядом интернационалистов. Задерживаться в деревнях и городах им было почти невозможно. Они решили уйти в тайгу.

После окончания собрания мы спели революционные песни и распрощались. Сергей опять прикрывал своим бронепоездом отступление, продолжая разрушать железнодорожный путь и телеграф.

Вокруг него сгруппировались работники Забайкальского фронта, решившие вместе с ним отправиться в тайгу.

Тайга

Все эшелоны ушли. Взорвано еще несколько мостов, чтобы задержать наступление чехов. На одной из небольших станций Амурской железной дороги в руки Лазо попала принятая дежурным телеграфистом лента с приказом какого-то белогвардейского полковника ко всей железнодорожной администрации немедленно приступить к восстановлению путей, разрушенных «бандитами» — большевиками. Рассмеявшись, Лазо сейчас же дал задание порвать телеграфную связь, чтобы отрезать белым возможность пользоваться телеграфом.

Бронепоезд кончил свою работу. Команда загнала его в тупик. Обычный паровоз перевел на главный путь два классных вагона, оставив в тупике бронеплощадки и броневой паровоз.

Командир броневого отряда дал команду:

— Ну, ребята, приступайте!

Надо было уничтожить бронепоезд, вынув оттуда все затворы, замки и части, чтобы ничего не оставить врагу. Два пулемета спрятали в надежном месте, третий и два орудия разобрали по частям.

После этого команда прибыла на станцию Ерофей Павлович. Короткое собрание. Лазо отметил заслуги отряда, его сплоченность и дисциплинированность.

— Ваша команда,— сказал он,— выполнила хорошо

свой долг. Мы выиграли время, чтобы распустить боевые части и дать возможность бойцам разойтись по всей далекой Сибири, не попадаясь врагу. Враг временно оказался сильнее нас. Мы должны отступить перед его силой. Но наша победа придет! Думаю, что она не за горами. Сибирь велика. Разбредитесь по деревням и поселкам и готовьтесь. Примите от меня последнее товарищеское спасибо!

Бойцы были взволнованы.

Небольшая команда в тридцать человек крепко сжилась с Лазо. Он уже давно кончил свою речь. Говорить уже как будто не о чем. Бойцы получили документы, деньги, некоторый запас продовольствия.

Наступила тяжелая минута... Бойцы молчали.

Один не выдержал:

— Товарищ Лазо, нельзя ли и нам с вами?!

Лазо грустно улыбнулся:

— Нет, товарищи, вместе нельзя.

Бойцы столпились вокруг Лазо. Каждому хотелось на прощание пожать ему руку. Лазо сердечно со всеми попрощался. Кинув последний взгляд на любимого командира, товарищи стали расходиться. Осталась последняя группа в тринадцать человек. Это были военные руководители Забайкальского фронта.

По директиве партийной организации они должны были временно уйти в тайгу с оружием и пробыть там месяц-два. Тут вместе с Лазо были: Балябин, Богомягков, Киргизов и другие командиры. Среди них оказался также Виктор — молодой казак из станицы Шарасун, небольшого роста, с широким скуластым лицом и непокорной белокурой шевелюрой. Он прошел с Лазо весь Забайкальский фронт, был его вестовым, и никакие уговоры, чтобы он уехал один, на него не подействовали. Он остался с Лазо.

— Может быть, я тебе и пригожусь,— говорил он.

Лазо махнул рукой и уже больше его не убеждал.

В вагоне устроили короткое совещание. Гоша Богомягков доложил, что по уговору с председателем Центросибири Яковлевым надо продвигаться по направлению к Якутску по таежному тракту, тянувшемуся от станции Рухлово на тысячу с лишним верст. Сергей, внимательно выслушав Богомягкова и еще нескольких товарищей, сказал:

— Я думаю, что нам необходимо выгружаться с малонаселенного пункта — с Малого Невера. Это разъезд, где поезда не останавливаются.

После небольших прений было решено взять с собой один пулемет (легкий кольт), по винтовке на каждого, запас патронов, немного продовольствия (мука, крупа и жиры) и, таким образом, попытаться добраться до Якутска.

Медлить было нельзя.

Небольшой состав двинулся в путь. На станции Рухлово все излишки продуктов были сданы в местный кооператив. Сергей вызвал к себе в купе машиниста Агеева и сказал ему:

— Отвезешь нас до Невера. После этого загони куда-нибудь наш состав подальше. Разбросай вагоны по разным станциям, а мой служебный, который, очевидно, известен семеновцам, загони так, чтобы никто не подумал, что мы остались в Невере.

Агеев внимательно слушал, стараясь не проронить ни одного слова, и сразу понял, что́ ему нужно делать.

— Есть, товарищ Лазо, будет сделано!

Вот доехали до Невера. Темной ночью, когда население еще спало, мы осторожно выгрузились и сели на лошадей. Пришлось взять две подводы. На одной везли продовольствие, а на другой — ящики с патронами. Мы еще до восхода солнца миновали деревню Невер и вышли на тракт к Васильевскому прииску. Дорога шла по глухой тайге.

В населенных пунктах, если попадался крестьянин или рабочий, расспрашивали, какие поселки и прииски находятся впереди, тяжела ли дорога на Якутск.

Вот миновали прииск Васильевский. Через два десятка верст будет еще один прииск — Бородинский, а там пойдет уже глухая тайга с изредка встречающимся зимовьем — небольшими домиками, расположенными по таежному тракту, в которых живут зимовщики, обычно один-два человека. Они обслуживают приезжих и приходящих на прииски людей. Иногда эти зимовья встречаются нежилыми, но законы тайги таковы, что в них есть все необходимое для человека: печка, немного муки, иногда даже чайник и кружка.

После короткого отдыха тронулись дальше. Были настороже, чтобы не попасть впросак, если встретятся хунхузы.

Начал накрапывать дождь. Дорога стала вязкой. Пришлось ехать медленно, лошади скользили.

Вдали показалось небольшое строение, как видно — зимовье.

Отдохнув возле натопленной печки, немножко просушив одежду после дождя, двинулись дальше. Ночевали в лесу. По нашим расчетам, утром мы должны были прийти к старому зимовщику Шкарубе.

Показалась река Тыгда, а за ней жилые постройки. Это и были владения Шкарубы. Часть людей осталась в тайге, двое пошли в разведку. На противоположном берегу появился невысокий, худой старик с большой бородой. Он быстро сел в лодку, переплыл на нашу сторону и перевез двоих. Остальные ждали около часу. Товарищи вернулись и сказали, что Шкаруба согласился за деньги на несколько дней скрыть нас всех у себя.

Через некоторое время мы на примитивном плоту перевезли все наше имущество.

Нужно было несколько дней прожить здесь, чтобы выяснить, что делается на приисках, расположенных дальше, какая там власть, и, может быть, получить кое-какие сведения о Якутске. Все это необходимо было проделать очень и очень осторожно.

У Шкарубы было несколько построек: одна в лесу, другая у дороги, где жил он сам с женой, а третья — совсем в стороне; ее занимали два старика — замечательные таежники. Они знали тайгу на десятки верст вокруг.

Чтобы избавиться от лишнего груза, мы отдали Шкарубе часть муки и риса. Но особенно привлекли его внимание наши прекрасные лошади. Он договорился с Мусоновым, который ведал у нас всеми хозяйственными делами, что получит одну или, может быть, две лошади, если будет оказывать нам помощь.

Днем мы уходили в тайгу, бродили близ зимовья, чтобы не попадаться никому на глаза. К вечеру собирались вместе и делились последними новостями. Так продолжалось три дня.

Нашим информатором был один из стариков, умевший во время перевоза людей с берега на берег поговорить с любым прохожим и выведать от него все, что требуется.

Выяснилось, что в близлежащие прииски возвратились их прежние владельцы, а в Якутске белая власть установилась уже давно, даже раньше, чем в городах, расположенных по линии железной дороги.

Надежды товарища Яковлева на то, что в отдаленный от железной дороги Якутск белые не пойдут и не пошлют больших отрядов, не оправдались. В Якутске местные контрреволюционные силы совершили переворот.

Это в корне меняло наш план, по которому мы предполагали в Якутске устроить свою, советскую базу; туда же со стороны Олекмы шла другая группа во главе с председателем Центросибири Яковлевым.

Сергей принялся за изучение местности. Вскоре он уже знал, где какой прииск находится, где жилые и нежилые места. Он принимал все меры к тому, чтобы поддержать наш боевой дух. Некоторые товарищи приуныли, появилась апатия.

Двигаться дальше было бессмысленно. Мы решили спуститься на плотах по Тыгде по направлению к реке Зее, прожить некоторое время в тайге и потом, в зависимости от обстоятельств, наметить, что делать дальше: установить ли связь с близлежащими приисками или выбраться опять на линию железной дороги?

Под руководством Сергея и Гоши мы соорудили примитивные плоты — ряд бревен, скрепленных веревкой,— и на другой день, взяв самое необходимое, тронулись в путь. Старик взялся быть провожатым. Шкаруба снабдил каждого из нас оленьей шкурой и тулупом. Лошадей мы оставили близ зимовья.

Временно мы выбрали по указанию старика удобное место и расположились там. Старик доставлял нам хлеб и соль. Мы стремились скорее изучить местность и расстаться со стариком — уйти так, чтобы замести свои следы. Мы предполагали устроить несколько баз на расстоянии десяти — пятнадцати верст одна от другой для того, чтобы было куда скрыться в случае погони.

С уходом в тайгу мы потеряли связь с миром. Появилась боязнь чего-то. Люди чувствовали себя, как затравленные звери. Первые дни пытались заняться работой: с утра разжигали костер, шли на охоту, глушили рыбу при помощи бомб, но и это стало опасным — звуки выстрела могли привлечь врага. Для того чтобы убить птицу или зверя, уходили за восемь — десять верст без дороги, без тропки, по заросшей тайге или по болоту. Ходить было очень тяжело, и эти восемь верст, пожалуй, равнялись сорока верстам обычной дороги.

Ночь спали по очереди, устраивали дозоры и обходы вокруг нашего жилья. Настроение становилось все тяжелее, сон был неспокойный — прислушивались к каждому шороху. По ночам крик гуранов [1] напоминал лай собак,— казалось, что идет отряд с собаками. Сергей в эти дни изо

[1] Горный козел.

всех сил старался поддержать товарищей. Видя, что товарищ впадает в уныние, Сергей подсаживался к нему и подолгу с ним беседовал.

Наступили холода. По утрам все было покрыто инеем, начались заморозки, но снега еще не было. С вечера устраивались на оленьих шубах, одевались двумя тулупами, в рукава одного из них засовывали ноги, опоясывались каким-пибудь полотенцем или шарфом и так засыпали у костра. Преодолевая все трудности таежной жизни, люди старались казаться спокойными.

Однажды мы устроили собрание, чтобы решить, что делать дальше. Сергей, выслушав всех, сказал:

— Я думаю, что оставаться в таком положении больше нельзя. Зимовать мы здесь не можем. Нам нужно начать изучепие окрестностей, немедленно связаться с близлежащими приисками и, сменив одежду, может быть, устраиваться на приисках под видом рабочих. Затем падо попытаться снестись с нашими организациями в Чите и Благовещенске по тем явкам, которые мы получили на конференции в Урульге.

На этом же собрании выделили меня и еще одного товарища для поездки в Читу и Благовещенск. Мы должны были выяснить, что происходит в городах: существуют ли там паши партийные организации и имеется ли возможность выхода в жилые места. На зто мы должны были потратить примерно около месяца. За это время Сергей с Гошей Богомягковым ознакомятся с приисками.

На другой день Богомягков перевез нас на плоту на противоположный берег. Мы шли в неизвестность — пе знали, как пройдем, как наладим связь и что нас ждет.

К вечеру мы добрались к зимовью Шкарубы. К нему не заходили, а зашли к старику, где не было людей, и поговорили с ним. С помощью этого старика мы сменили одежду и под видом приисковых рабочих отправились в путь.

Жизнь таежной группы разбилась. Как выдержат те, кто остался в тайге, и как нам удастся выполнить задапие, чтобы найти связь в городе и вернуться обратно па выручку к товарищам?

Мы ехали по знакомой дороге через зимовье. На Бородинском прииске пришлось заночевать. Один из приискателей вошел в комнату и стал пристально вглядываться в нас. После зтого я всю ночь пе спала — ждала ареста. Утром поехали дальше. На прииске Васильевском, когда мы остановились, чтобы напоить лошадей, нас задержали.

Внешних улик для ареста как будто не было. Заранее уговорившись, что мы являемся только попутчиками и не знаем друг друга, мы рассказали каждый свою историю о том, кто куда едет, зачем и откуда.

Нас продержали несколько дней, а затем отправили дальше как арестованных вместе с группой красногвардейцев, взятых в плен в тайге. Нас отправили в Рухлово. Там моего спутника освободили, а меня задержали. В Рухлове оказалось много забайкальцев, скрывавшихся там, и, узнав о моем аресте, они довольно быстро установили со мной связь. В их числе был и машинист Агеев, который вел наш знаменитый бронепоезд, прикрывавший отступление. Улучив удобный момент, он назвал мне свой адрес на станции Рухлово.

Из Рухлова нас, человек двенадцать, в арестантском вагоне отправили в Свободный. Наш вагон охраняли вместе с милицией японцы. Милиционеры были насильно взяты на службу. Часть из них уже получила от Семенова плети. Разговаривали они с нами очень осторожно, но явно сочувствовали.

Японские солдаты имели при себе словарь, при помощи которого они пытались объясняться. Первый вопрос, который они задали милиционеру, увидев нас, был такой: «Это буросовику?!» Милиционер растерялся, а затем пробормотал: «Не большевики, а арестованные». Японцы поняли, что мы не большевики, и успокоились. При слове «большевик» они приходили в ярость. Очевидно, при отправке в Сибирь с ними проводилась соответствующая работа.

Мне в руки попал этот словарь. Я попробовала составить фразу для агитации, но убедилась, что это почти невозможно. Словарь заключал в себе только ругательства по адресу большевиков.

На одной из небольших станций к нашему арестантскому вагону подвели арестованного рабочего-железнодорожника. Был он пожилой, с бородой, без шапки. Его подталкивали прикладом японские солдаты. Сзади шли японские офицеры, которые разговаривали по-английски. За рабочим бежали два мальчика: одному было лет десять, другому — восемь. Маленький бежал впереди, он что-то выкрикивал и плакал. Старший безуспешно старался его догнать. Рабочий оборачивался, делал какие-то знаки мальчикам, очевидно, чтобы они ушли, но младшего нельзя было остановить — он упорно бежал за отцом. Рабочий опять обернулся, хотел что-то сказать, но удар прикладом

японского солдата свалил его на землю. В это время маленький мальчик догнал отца. Японский солдат грубо его оттолкнул. Стиснув зубы, мальчик со сжатыми кулачонками бросился на японца. Японец пришел в ярость и грубо отбросил мальчика в сторону. Отца, пытавшегося вмешаться в это дело, окружили солдаты и связали ему руки.

Эта жуткая сцена привлекла внимание. Собралась большая толпа. По адресу японцев посыпались враждебные возгласы. Старший мальчик бросился выручать младшего, и началась свалка между детьми и японским солдатом. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы случайно не проходил мимо американский офицер. Он что-то быстро сказал японскому офицеру, и тот позвал солдата, избивавшего мальчика. Рабочего ввели в вагон. Старший мальчик увел своего братишку, вытиравшего заплаканные глаза.

Поезд отправился дальше.

Около Свободного арестованными был заполнен весь вагон. Приводили арестованных и белогвардейцы и японцы.

Рабочий-железнодорожник оказался председателем Совета станции Ин (товарищ Гук). Он собирался уехать с детьми в теплушке и устроиться на какой-нибудь станции на работу, но его обнаружили и арестовали. Ребята остались одни.

Нас перевели в тюрьму. Тюрьма была небольшая. Против нашей камеры находилась маленькая следственная комната, где лежали горы материала. Следователи уже потеряли все нити — путали имена арестованных, путали дела. А телефон все звонил — сообщали о новых партиях арестованных.

Мне удалось наладить связь с товарищем Гуком. Через несколько дней он сообщил, что у окошка тюрьмы появились его детишки. Какой-то сердобольный железнодорожник привез их в Алексеевск (Свободный). Их было уже трое — два мальчика и девочка лет девяти. Они с утра надевали сумку и уходили выпрашивать хлеб, который передавали через окошко отцу, а он делился с нами. В тюрьме почти не кормили. Мы собирали имеющиеся у нас деньги, передавали через окно ребятам, и они снабжали нас продовольствием. Так через них наладилась первая связь с волей.

Несколько раз меня вызывали на допрос, но улик против меня почти не было. Следователи были безграмотны.

Дело запутывалось. Я упорно доказывала случайность своего ареста и без конца предъявляла сохранившиеся у меня документы вольнослушателя Томского университета.

Наконец меня освободили.

Мне даже не верилось, что так легко удалось выпутаться. Я еще не решила, как мне дальше действовать, куда ехать. Явки были уничтожены, связи не было, тянуло к своим, в тайгу, но появляться там было опасно.

На другой день ребята принесли записку от Гука, где сообщалось, что мне немедленно надо выехать, так как следователь неожиданно поднял скандал по поводу моего освобождения — нашел в материалах указания на связь с отрядом Лазо. В ту же ночь, удостоверившись с помощью детишек, что за мной нет слежки, я села в первый попавшийся поезд и уехала на станцию Рухлово.

Приехав, я сразу пошла по известному мне адресу машиниста Агеева. Он очень обрадовался и встретил меня словами:

— Ну что, выкарабкалась? А ребята тут горевали, устраивали тебе побег, но не успели,— добавил он. А потом, посмотрев внимательно, сказал: — А Лазо-то здесь, почти все Рухлово об этом говорит.

Я насторожилась. Видимо, слишком широкий круг людей знает, что Лазо здесь. Это было опасно.

Утром Агеев связал меня с семьей одного оловяннинского рабочего, который подтвердил, что Лазо несколько дней тому назад подошел к Рухлову, выбравшись из тайги. Рабочий сообщил мне, что он устроил Лазо близ Рухлова, у железнодорожника. Об этом его местопребывании никто не знает, но о том, что Лазо появился около Рухлова, знают очень многие из забайкальцев и болтают много. В ту же ночь жена рабочего понесла Сергею от меня записку.

Днем я старалась в Рухлове не показываться, чтобы не попасться на глаза милиции, которая меня охраняла при аресте и знала в лицо. Вскоре вернулась жена рабочего, рассказала мне о том, что она передала записку Сергею; он, прочитав записку, в первый момент ничего не соображал — никак не мог допустить той мысли, что я нахожусь в Рухлове: они считали нас расстрелянными.

На следующую ночь увиделись мы с Сергеем. Жил он в железнодорожной будке. Был еще в военной одежде, не имея возможности переодеться в штатское. Решили принять все меры к тому, чтобы скорее уехать из Рухлова и

держать направление на Владивосток — большой промышленный город, где легче было устроиться и найти связь с партийной организацией.

Сергей рассказал о том, как без меня развивались события в тайге. Там довольно быстро узнали о нашем аресте, и товарищи, опасаясь облавы, решили как можно скорее уйти и по возможности выбраться совсем из тайги. Но тут столкнулись два мнения. Балябин предлагал пробраться в Благовещенск и оттуда за китайскую границу к Сахаляну. Сергей придерживался другой точки зрения: выходить в населенные места и начинать вести работу среди пролетарской массы.

Вместе с Сергеем решили идти Мусонов, рабочий станции Оловянная, и, конечно, Виктор. Киргизов не присоединился ни к какой группе, а пошел в знакомые места — в Забайкалье. Впоследствии он был одним из организаторов партизанского движения в Забайкалье. После долгих колебаний с Балябиным решил идти также и Богомягков. Перед уходом вырыли большую яму. Земля еще не сильно промерзла. Спустили туда винтовки, десять японских карабинов, несколько ящиков с патронами, пулемет, бомбы и все остальное оружие. Револьверы оставили при себе. Сровняли яму, закрыли ее листвой и хвоей, чтобы не была заметна свежеразрытая земля, и неподалеку сделали знаки, чтобы в случае необходимости найти это место.

Прошли путь до разъезда Невер тайгой; на дорогу разрешали себе выбираться лишь темной ночью и в наиболее глухих местах. Виктор и Мусонов успели переодеться. Сергей был еще в военной форме.

Направились к поселку Рухлово в надежде найти там кого-либо из забайкальцев. Близ Рухлова Сергея опять оставили в тайге, а Мусонов с Виктором пошли в поселок и здесь встретили товарищей по фронту. Среди них был рабочий Оловяннинских железнодорожных мастерских Сергей Иванов, близко связанный с Лазо по работе... Ему сказали о том, что Лазо находится в тайге близ Рухлова и что его нужно выручить.

Утром жена рабочего пошла к знакомому железнодорожнику за пятнадцать верст от станции Рухлово. Не называя имени Лазо, она осторожно сказала ему, что на некоторое время нужно скрыть одного товарища. У этого железнодорожника сын тоже «ходил в красных». Посоветовавшись с женой, он сказал:

— Ну что же, приводите вашего командира, авось и моего сына кто-нибудь скрывает.

Из предосторожности Сергей целыми днями бродил по тайге и, когда подходил к домику, вглядывался, нет ли кого поблизости. Была даже установлена определенная сигнализация, предупреждавшая о том, что все спокойно. Так прожил он около двух недель, и вот однажды пришла к ему Иванова и принесла мою записку.

Решили уезжать из Рухлова как можно скорее. Предварительно нужно было выяснить, как проводится посадка на поезда, и переодеть Сергея в штатское. За его обмундирование взялась жена Иванова. Она купила материю и сама сшила Сергею костюм, так как отдавать портному было опасно.

Машинист Агеев был верный и преданный товарищ. В течение нескольких дней он наблюдал на станции за движением пассажирских и товарных поездов, не возбуждая подозрения белых, так как был железнодорожным служащим. Контрреволюция свирепствовала. Офицеры вместе с японцами делали облавы в поездах, проверяли документы, снимали всех «подозрительных» — некоторых расстреливали, других направляли в тюрьму.

Сергей использовал имевшиеся у него пустые бланки и заготовил паспорта нам троим — мне, себе и Виктору. Мусонов уехал искать свою семью.

Однажды вечером Агеев сказал:

— Могу провезти вас на паровозе в свое дежурство.

Решили, что это неприемлемо: паровоз шел до следующей узловой станции, там машинист сменялся, а условия посадки были те же, что и в Рухлове,— те же обыски и аресты. Везти людей на паровозе едва ли согласился бы другой машинист, а на незнакомой станции оставаться было опасно.

В один из вечеров Агеев, придя домой, сообщил маленькую деталь, за которую мы ухватились. В это время на Дальнем Востоке еще существовало резкое различие между русским и китайским населением. Китайское население игнорировалось, считалось низшей расой, китайские рабочие — кули — и мелкие торговцы не допускались в пассажирские вагоны. Они ездили в теплушках, куда русские не садились. В теплушках обычно они набивались битком, и на эти вагоны мало кто обращал внимания. Агеев выяснил, что ни офицеры, ни японцы не контролируют теплушки с китайцами.

Решили рискнуть. С помощью Агеева выбрали поезд, который отправлялся со станции ночью. Постарались забиться в глубину теплушки, чтобы не привлечь внимания

китайцев, которым могло показаться странным, что русские едут вместе с ними, и с другой стороны, чтобы не привлекать внимания контроля. Посадка прошла незаметно: была ночь, китайцы в теплушках спали. Утром китайцы с некоторым недоумением посмотрели на русских, которые почему-то сели к ним в вагон, но потом их успокоило то, что наружность Сергея была нерусская: в большом тулупе, в сибирской шапке с ушами и своим несколько раскосым разрезом глаз он действительно напоминал восточного человека.

В вагоне было душно, пахло чесноком и луком (любимое кушанье китайцев), но было тепло, так как печка все время топилась. Несколько раз дверь раздвигалась, и видны были физиономии офицеров; почувствовав запах чеснока и услышав китайскую речь, они быстро исчезали со словами: «А, это китайцы».

Каждый раз при отодвигании двери замирало сердце и казалось, что кто-нибудь из патрулей, вопреки обыкновению, сделает наконец проверку — и тогда все пропало. Но китайцы проявляли молчаливую солидарность с нами, и мы довольно спокойно добрались до Хабаровска.

На вокзале в Хабаровске было жутко. Здесь было много офицеров и все время ходили калмыковцы с плетками в руках. Уже давно за поимку Сергея предлагали большие деньги.

На вокзале Сергей сел в угол и стал читать газету, стараясь прикрыть ею лицо.

Приезд во Владивосток

Лазо, Виктор и я приехали во Владивосток ранним утром в середине декабря 1918 года. У нас не было ни одной явки, ни одного адреса. Мы вошли в город, кишевший интервентами, миновали Светланку и, стараясь идти по малолюдным улицам, добрались до Рабочей слободки. Здесь мы почувствовали себя свободнее — интервенты и белые офицеры нам больше не попадались.

В Голубиной пади среди разбросанных домиков возвышались сопки. На верхушке одной из них мы нашли лощинку и там оставили Сергея. Дали ему газету, а сами пошли искать жилье.

После долгих поисков мы увидели в Голубиной пади на воротах одного из домиков объявление о том, что сдается кухня. Эта кухня оказалась обыкновенным сараем из досок, даже не покрашенных, но внутри была печь. Мы

продрогли, и возможность согреться показалась нам очень соблазнительной. Быстро договорились с хозяином, оставили ему задаток и заявили, что в кухне будет жить семья из трех человек: жена, муж и брат жены. Виктора объявили моим братом. Мы назвались безработными железнодорожниками Амурской дороги. Это казалось правдоподобным и не вызывало подозрений. Все знали, что при белой власти происходили массовые увольнения рабочих.

К вечеру мы устроились в новом помещении, которое с большой натяжкой можно было назвать жильем. Все наше имущество состояло из двух тулупов. Хозяин дома притащил из сарая пустой ящик, из которого мы соорудили стол. Мы были рады и этому после нескольких месяцев скитаний.

На другой день написали письмо в Благовещенск к одному товарищу с просьбой выслать нам явку. И в то же время решили, не ожидая ответа, самим попытаться найти связь с местной партийной организацией, которая находилась тогда в глубоком подполье...

Мы с Виктором целыми днями бродили в поисках работы. Наши попытки связаться с партийной организацией пока ни к чему не приводили.

Сергей днем сидел дома, а на прогулку выходил только по вечерам, и то не приближаясь к людным улицам.

Оторванность от товарищей переживалась нами тяжело...

Скоро нам удалось найти настоящую жилую комнату в той же Голубиной пади у одного врача, бывшего владельца имения на Урале, который нам с первого же раза сообщил, что он бежал от большевиков. Мы ему «посочувствовали». Марка такого хозяина была для нас очень удобна. Сергей рассказал, что у его матери в Бессарабии тоже есть участок земли, поговорил с ним о сельском хозяйстве и окончательно расположил его в свою пользу. Сергей объявил, что он чертежник, чтобы хозяину не показалось подозрительным его постоянное сидение дома. Паспорта наши были в порядке — прописали без всяких осложнений, и мы переселились в новую комнату.

Виктор с нами расстался. Он решил пробираться через фронт в Советскую Россию. Я помню, ночью Сергей на куске материи написал ему справку о его революционной деятельности. Виктор зашил ее в свой полушубок и уехал. С тех пор мы не встречались.

Мы с Сергеем, не дождавшись ответа из Благовещенска, написали туда второе письмо. Вскоре товарищи от-

кликнулись. Однажды вечером мы услыхали, что на кухне кто-то стучит. Послышался голос:

— Где живут ваши квартиранты?

Мы насторожились. Вошли двое. В одном я сразу узнала читинского работника. Второй товарищ был членом владивостокской партийной организации.

Таким образом, установилась наша связь с партийными товарищами.

На другой же день я пошла на Первую Речку к Меркулову, рабочему Первореченских железнодорожных мастерских. Его домик был не только явочной квартирой, но и местом, где фактически помещалась подпольная большевистская организация. У него я встретилась с приехавшими товарищами из Иркутска — Марией Сахьяновой и другими. Основное ядро владивостокских большевиков было арестовано, а Суханов и Дмитрий Мельников были убиты чехами. Но в то же время во Владивосток приехало много большевиков из Сибири и Забайкалья. На одном из подпольных собраний в январе 1919 года был избран партийный комитет.

Встреча с товарищами и связь с партийной организацией подняли настроение Сергея. Он рвался к работе и наконец получил возможность взяться за дело. Однако партийная организация вынесла постановление о более глубокой конспирации Лазо, вплоть до того, что было решено временно не давать ему вовсе партийной работы. Это вызвано было тем, что в белогвардейских газетах появились объявления о предоставлении большой награды за выдачу Лазо живым или мертвым.

Целыми днями Сергей сидел дома и выходил только по ночам — подышать свежим воздухом. Чтобы не навлечь подозрения хозяина квартиры, он для вида чертил какие-то проекты, на самом же деле много и усиленно занимался, особенно военными науками. Им он придавал исключительное значение ввиду предстоящих схваток с контрреволюцией.

В его дневнике имеется огромный список книг, которые он в то время читал. Я записалась в несколько библиотек, чтобы доставать ему необходимую литературу. Лазо особенно внимательно изучал литературу по русско-японской войне. Такие книги, как Апушкина «Русско-японская война» (1904—1905 гг.), «Дело о сдаче крепости Порт-Артур японскими войсками в 1904 г.», и многие другие были прочитаны им в очень короткий срок.

Лазо изучал философию и историю. Много было прочитано книг русских и иностранных. К сожалению, книг Маркса, Энгельса достать во Владивостоке было почти невозможно, но все же — теперь я уже не помню, как и где,— я достала «Капитал» и «Коммунистический манифест», «Положение рабочего класса в Англии» и некоторые статьи Ленина периода 1905—1917 годов.

Хорошо помню, как он восторгался ленинскими статьями о партизанской борьбе, о восстании,— у него в дневнике были исписаны целые страницы с выдержками из этих статей. К сожалению, этот дневник не сохранился.

Он занимался часов десять в сутки, работая над книгой с выписками и конспектами.

Сверх того он уделял три-четыре часа чтению книг помимо программы, чтобы, как он выразился, «не суживать кругозор». Это были его так называемые свободные часы, когда он не вел никаких записей. В эти же часы входило и чтение беллетристики.

Любимыми писателями Лазо были Салтыков-Щедрин, Успенский, Чернышевский, Короленко. Одно время он увлекался историческими романами Мордовцева.

Мне приходилось почти целый день бывать в бегах: ходить в библиотеки за книгами, на Первую Речку или в Рабочую слободку для связи с партийной организацией и в то же время подрабатывать, так как средств у нас было недостаточно, а у владивостокской организации в то время денег не было. Работавшим в то время в подполье товарищам приходилось браться за самую различную работу, чтобы как-нибудь прокормиться. Часть товарищей, приехавших из эмиграции — Австралии и Америки,— знала английский язык и поступила в американский Красный Крест. Другая же часть устраивалась на первую попавшуюся работу. Я и Сахьянова занимались наклейкой бандеролей на папиросы в таможне. Это была поденная работа и удобная тем, что никто не спрашивал у нас документов и можно было приходить не каждый день. Так мы прожили во Владивостоке месяца четыре.

Сергей, желая мне помочь, принял на себя все заботы по домашнему хозяйству. С утра он садился за учебу. Через несколько часов он делал перерыв на полтора-два часа и это время тратил на уборку комнаты и приготовление обеда, стараясь и здесь внести рационализацию. Он любил навещавших его товарищей угощать каким-либо блюдом собственного приготовления.

Сергей купил доски и смастерил козлы, заменившие

нам кровати, стол и другие предметы. Столярным делом он увлекался, и каждая удачно сделанная вещь радовала его; он любил шутя щегольнуть ею. Сергей считал, что каждый человек должен знать и изучать какое-нибудь ремесло...

Сохраняя строгую конспирацию, Лазо очень скоро втянулся в активную подпольную работу: участвовал в пленумах комитета, совещаниях актива и затем был введен в подпольный комитет. В начале 1919 года в Приморской области уже широко развернулось партизанское движение. Оно крепло с каждым днем.

В тридцати верстах от города, в зимовье среди глухой тайги, скрывалось несколько владивостокских товарищей-большевиков: Губельман, Федор Шумятский и др. С ними поддерживалась постоянная связь. Туда же решено было направить и Сергея, так как в нашей квартире жить дальше становилось опасно. В городе начались повальные обыски и аресты.

В тайге Сергей прожил около месяца. В конце апреля была созвана партийная конференция с участием представителей Приморья. Приехал и Лазо. На конференции был решен вопрос о дальнейшем развертывании партизанского движения и было постановлено направить Сергея в район партизанской борьбы.

Мне пришлось с ним расстаться месяца на четыре, и за это время я получала от него лишь изредка короткие записки. Я работала на Русском острове. У меня бесконечно проверяли документы, задавали различные вопросы. Но уехать в тот момент я не могла, так как у меня на руках была маленькая, только что родившаяся дочурка, названная Адой в память Ады Лебедевой.

В июле я получила от Сергея письмо:

«Ольга и Ада! Милые, милые, мои дорогие!

Вчера получил твою записку и говорил с А. Г. Я отлично понимаю твое состояние и гнетущую атмосферу Русского острова. Сейчас будем рады тому, что мы живы, а увидеться придется не скоро. Так много нужно рассказать тебе. Мое отношение к переживаемым событиям такое же, как было весной... Временами приходится очень трудно, но есть хорошие товарищи. Твой Сергей. 20 июля 1919 года».

В этом же письме он советовал мне уехать в область и устроиться в деревне в качестве учительницы. Проработав еще с месяц, я поняла, что надо немедленно уезжать. Партийная организация помогла мне найти место

заведующей школой на Сучане, в деревне Гордеевке, расположенной около Серебряной, где в это время находился штаб небольшого партизанского отряда. На моей обязанности лежало поддерживать связь между Владивостокским комитетом партии и штабом отряда. В Гордеевку я поехала с одной приятельницей, у которой был мальчик, такой же маленький, как моя Ада. Нам удалось достать пропуск из белой контрразведки, благодаря которому мы избежали обыска и благополучно провезли информации, документы и даже наганы.

От станции железной дороги до Гордеевки мы ехали на лошадях верст сорок и только к вечеру туда добрались.

В деревне было всего дворов тридцать и стояла такая тишина, будто все вымерли. Постепенно из домов стали вылезать детишки. Узнав, что приехали учительницы, ребята сообщили об этом взрослым, и на улице появились крестьяне. Оказалось, что жители Гордеевки, как только узнавали, что кто-то едет, сейчас же убегали в тайгу. Население было сильно напугано зверской расправой генерала Смирнова, который при отступлении наших отрядов в июле, заняв Гордеевку, расстрелял почти все взрослое мужское население. В деревне остались одни вдовы. Расстрелянные и замученные были похоронены в братской могиле; им был поставлен самодельный памятник. При нашем приезде крестьяне тоже готовились к бегству.

Жителям деревни было не до школы. Она была забита и совершенно не приспособлена для жилья. Поэтому мы временно устроились у крестьян.

Еще раньше было сообщено в партизанский отряд, в какой примерно день предполагался наш приезд, и Лазо должен был прийти в школу и оставить записку. Я не успела его предупредить, что в школе никто не живет.

К вечеру деревня успокоилась, люди наговорились, наплакались, рассказывая про свои горести. Во всех домах было темно — керосин был редкостью. Ложились спать очень рано. Мы долго возились с ребятишками, и только в нашей избе был свет. Поздно вечером раздался стук в дверь. Я в это время была в другой комнате. Туда вбежала испуганная хозяйка и сообщила, что пришел какой-то вооруженный человек, «не нашенский», которого она не знает, очевидно это «колчак». Я вышла и была поражена: за столом, где горела маленькая лампочка, сидит Сергей с огромным мешком за спиной и с палкой в руках. Он зашел в единственную освещенную избу, чтобы справиться о приезде учительниц. Увидев неожиданно меня,

Сергей, взволнованный, вскочил. Я не без труда сделала вид, будто его совершенно не знаю, и завела разговор, как с посторонним человеком. Сергей спросил, нет ли городских газет. Я взяла маленькую фотографию дочери, вложила ее в одну из газет и дала ему. Он с жадностью схватил газету и раскрыл ее. Оттуда выкатилась карточка и чуть не упала на пол. Он сейчас же прикрыл ее и уже больше газет не разворачивал.

Через несколько минут, чтобы не возбуждать подозрений хозяйки, поблагодарив ее за то, что она дала ему возможность отдохнуть, Сергей поправил на спине огромный таежный мешок, вложил туда газеты, надел шапку с ушами, взял свою палку и вышел из избы. Я накинула платок и через несколько минут вышла на улицу.

Было темно. Я не знала, догадается ли Сергей, что я выйду. Пройдя несколько шагов, я заметила вдали вспыхивающий огонек. Когда я подошла ближе, то увидела, как Сергей, укрывшись под деревом, безуспешно старается зажечь спичку. В руках он держал карточку.

Он посмотрел на меня немного застенчиво, улыбнулся и сказал:

— Хочу посмотреть, на кого похожа.

Я заслонила его от ветра, он зажег спичку и осветил личико маленькой девочки с черной головкой.

— Ну, на кого же похожа? — спросила я его.

— Трудно разобрать, она такая маленькая, но, кажется, немного на меня.

Мне нельзя было с ним долго оставаться. Было опасно показать, что у меня есть связь с партизанами,— в деревню мог каждую минуту нагрянуть белый карательный отряд.

Я обещала Сергею как можно скорее перебраться в школу, где он сможет нас навещать. Сергей сказал, что он несколько дней проведет в тайге и будет следить, когда появится огонек в школе.

— В тайге спокойней,— объяснил он.— Я ведь стал настоящим таежником. Сплю на сосновых и кедровых ветках. Топорик всегда со мной.

Слегка сгорбившись под тяжестью мешка, Сергей пересек дорогу и скрылся в тайге. На другой день я пошла к Сергею. На опушке меня встретил партизан и провел к Лазо. Я передала привезенную из города свежую информацию.

Дня через два школу приспособили для жилья, и мы перебрались. Только мы расположились на новом месте

и зажгли свет, раздался стук, и вошел Сергей. С ним был доктор Сенкевич. Оба втащили на себе огромные таежные мешки, сбросили их, развязали и достали нам по куску мяса дикой козы.

Знакомя меня с Сенкевичем, Сергей сказал:

— Это один из лучших моих друзей, он врач. Я хочу показать ему Аду. Да тут двое ребят? — улыбнулся Сергей, заметив мальчика моей приятельницы.

Доктор Сенкевич осмотрел наших детей, привив им оспу, надавал множество советов и оставил нам часть медикаментов из своей аптечки.

— Это пригодится не только для вас, но и для населения деревни, так как вблизи никакой больницы нет. Вы сможете, если понадобится, оказать крестьянам первую помощь.

После ужина Сенкевич, утомленный, устроился в углу па полу и заснул. Сергею и мне было не до сна. Ему хотелось рассказать о многом пережитом за время разлуки. Мы долго беседовали. В тот вечер Сергей рассказал мне о новых методах и приемах партизанской борьбы, которые отличались от тактики борьбы на Забайкальском фронте. Рассказывал и о поражениях в борьбе с японцами, которые бросали на партизан целые дивизии, хорошо оснащенные. Пришлось отступить и спасать раненых с невероятными усилиями. Хорошее знание тайги помогло Сергею организовать под носом у японцев доставку раненых в лазарет, который доктор Сенкевич сумел оборудовать в тайге. Сергей рассказал мне о своей болезни почек, от которой у него распухли ноги так, что он с трудом передвигался, и о том, с каким огромным напряжением он держался на ногах во время последних боев с японцами, как трудно ему самому было добраться до лазарета...

В начале зимы Сергей был вызван партийной организацией во Владивосток. Перед отъездом он связал меня с членом штаба партизанских отрядов Владивостоковым.

Однажды ко мне зашел Владивостоков с просьбой отвезти информацию в город. Контрреволюция в то время свирепствовала. Ехавших из района партизанского движения колчаковцы обыскивали и почти всех мужчин арестовывали. Мы написали информацию не на бумаге, а на материи и в нее запеленали Аду. Все мои вещи были обысканы, каждая в отдельности, но ребенка не развернули.

Приехав во Владивосток, я с большими предосторожностями направилась на Первую Речку, не зная, сохрани-

лась ли еще квартира Меркулова, или она уже провалена.

Я постучала в дверь. Навстречу мне высыпало много детворы. Это были ребята Меркулова и маленькие сестры Сахьяновой. Я поняла, что здесь пока неопасно. Все же на квартире было не совсем благополучно — она, видимо, была под надзором. Двое из живущих были арестованы. Через некоторое время пришла Сахьянова. Мы распеленали Аду и достали информацию.

Сергей жил где-то в Рабочей слободке. Вечером я с ним встретилась. Он не имел в то время постоянной квартиры в городе и заходил то к одним, то к другим знакомым, чтобы, переночевав, больше туда не возвращаться. Положение его было тяжелым. По всем данным, контрразведка следила за первореченской квартирой, имела сведения о том, что Лазо там бывает. Меркулов еще до своего ареста рассказывал, что, когда он возвращался однажды домой, его остановил военный патруль, осветил лицо фонарем и сравнил с какой-то фотографией. Меркулов уверял, что ему удалось взглянуть через плечо офицера на карточку и он узнал на ней Сергея.

Во Владивостоке я вновь встретилась с моей томской знакомой. Она переменила квартиру и жила на Ботанической улице. Я попросила хотя бы временно устроить у нее Сергея. Она охотно согласилась. После Сергей мне рассказывал, что квартира оказалась очень удобной для работы.

Домик был изолированный. Жили там только дети хозяев. Им никто не интересовался. Прописался он под видом дальнего родственника — учителя Козленко. Сергей вел в это время большую подпольную работу. Занят был дни и ночи. Достал пишущую машинку. Составлял и печатал воззвания и прокламации. Сам он удивлялся своей работоспособности в те дни. Примерно через месяц, когда я снова вернулась в область, я получила письмо от Сергея. Это было последнее письмо от Сергея, я получила его за несколько дней до переворота, 31 января 1920 года. Больше он мне ничего не писал, так как был целиком захвачен огромной работой по организации восстания.

Последние дни

После переворота 31 января 1920 года положение партийной организации стало почти легальным, и я вскоре вернулась с Сучана во Владивосток, где стала работать в го-

родском комитете партии. В это время в организации горячо обсуждался вопрос о так называемой «розовой власти».

Во Владивостоке, как известно, власть была передана Приморской областной земской управе. Наша партия решила поддержать это правительство при условии фактического руководства военными и финансовыми делами. Земская вывеска нам была нужна потому, что интервенты в Приморье еще являлись хозяевами положения, а нам необходимо было избегать с ними столкновений.

Сергей вначале защищал идею немедленной организации Советской власти. Вместе с ним эту позицию занимала довольно большая группа коммунистов. Казалось странным, что после стольких лет борьбы с контрреволюцией надо отказаться от немедленного создания Советской власти. Необходимо отметить, что тогда соответствующих указаний из центра по этому вопросу актив организации еще не имел.

Через некоторое время, когда нам стали известны соответствующие директивы центра, Сергей немедленно начал проводить разъяснительную работу среди масс и доказывать, почему мы должны пойти на организацию «розовой власти» в Приморье.

Сергей отчетливо понимал ту тактику, которую мы должны были применять по отношению к этой власти. Он не раз говорил:

— Мы должны за их спинами заставить их делать так, как это нужно нам. В этом сейчас главное...

3 апреля на заседании Владивостокского Совета Сергей произнес свою последнюю речь. К ней он готовился несколько дней. По своему обыкновению, он заранее продумал материал и даже записал отдельные формулировки. 3-го утром он зашел ко мне, имея план речи. Я помню, он мне говорил о том, что обязательно нужно на заседании Совета вспомнить первого председателя Владивостокского Совета Костю Суханова, убитого чехами в 1918 году.

Вечером, после заседания Совета, Сергей собирался зайти ко мне, чтобы побыть с дочкой Адой.

В условиях жизни Владивостока нам пришлось иметь несколько квартир. Была сохранена маленькая комната на Ботанической улице, но Сергею после переворота очень хотелось создать для ребенка несколько лучшие условия. Он получил квартиру на Светланской улице, где поселилась я с девочкой. Для своей же работы Сергей имел еще одну комнату — на Мальцевской улице.

Мы уговорились встретиться после заседания Совета и пойти на квартиру на Светланке.

Сергей в тот день очень хорошо говорил на заседании Совета. Я слыхала, как многие товарищи восхищались его речью:

— Так, как сегодня, Лазо еще никогда не говорил.

Нужно сказать, что во всех условиях — и в тайге, и на фронте, и в городе — Лазо умел увязывать свою речь с конкретной обстановкой и владеть настроением масс, среди которых ему приходилось выступать.

— Пусть здесь мы слабы,— говорил он в своей последней речи,— пусть нас может раздавить японский империализм, пусть этот удар разобьет Советы, но он не может предотвратить неумолимого хода истории. И в глаза угрожающему нам японскому империализму мы смотрим открыто, мы смотрим, как победители.

В своей речи Лазо подчеркнул также, что борьба с японским империализмом не прекратилась, что эта борьба вырвет еще много жертв из рядов борющегося пролетариата, но что это не задержит его победоносного шествия. Эта речь была его лебединой песнью. После выступления, когда мы шли домой, он был в каком-то приподнятом настроении...

На другой день, 4 апреля, утром, Сергей немного задержался, побыл с ребенком и ушел, чтобы зайти после.

Поздно вечером в городе началась стрельба. Японцы разгромили Народный дом, здание, где находился городской комитет партии, Центральное бюро профсоюзов, и другие помещения; с ожесточением срывали они красные флаги и вывешивали свои. Начали они также расправу с корейским населением: окружили корейскую слободку и буквально сжигали там людей.

Японцы тщательно готовились к этому выступлению. Одним ударом они хотели разгромить учреждения города, захватить врасплох и арестовать руководящих работников. Дабы усыпить нашу бдительность, они еще накануне выступления вели как ни в чем не бывало переговоры с нашими представителями.

Японцы выступили и подвергли разгрому не только Владивосток, но и Хабаровск, Никольск-Уссурийский и другие города Приморья. С наглостью, на которую только и способны японские милитаристы, японский командующий Оой выпустил 5 апреля объявление, в котором обвинял во всем наши войска...

Всю ночь была слышна стрельба. Переправив свою девочку на старую квартиру, под утро я вышла, чтобы выяснить положение и связаться с организацией. Около вокзала, где еще слышалась перестрелка, я скоро нашла многих товарищей, от которых узнала некоторые подробности последних событий.

Где Лазо и другие члены и работники Военного совета — никто не знал.

Пятого утром мне передали от Лазо маленькую записочку. Он писал, что находится в здании следственной комиссии на Полтавской улице в доме № 3 и арестован японцами. Он сообщал, что записан под фамилией прапорщика Козленко, так как решил свою настоящую фамилию не называть. Просил меня во что бы то ни стало прийти к нему (японцы официально разрешали в первые дни свидания с арестованными).

Эту записку Лазо передал через повара (бывшего военнопленного мадьяра), работавшего в кухне следственной комиссии, на явочную квартиру на Мальцевской улице, оттуда ее передали мне.

В этот же день я поспешила попасть к Лазо. Пришла на Полтавскую улицу, получила у японского офицера разрешение на свидание с Козленко.

Лазо очень обрадовался моему приходу. Настроение у него было бодрое. Он был уверен, что их не раскроют и в течение ближайших дней все пленные будут освобождены. Говорил он об этом осторожно, так как при разговоре присутствовал японец, очевидно знавший русский язык.

Он дал мне записочку для партийного комитета и просил сегодня же передать.

После свидания с Сергеем я пошла в ревком. Сообщила товарищам, что Лазо находится в плену у японцев. Сведения о том, что Лазо сидит в здании следственной комиссии, быстро распространились среди актива партии, и к нему на свидание кроме меня ходили и другие товарищи.

8 апреля я опять пошла к Лазо. Уверенности в том, что я к нему попаду, не было никакой: японцы свиданий уже больше не разрешали. Но я решила во что бы то ни стало проникнуть к Лазо, а если меня японцы не пустят, хотя бы передать Сергею записку от ревкома через повара.

Когда я пришла в караульное помещение, я сказала японскому офицеру, что мне нужен кок. Японцы пустили меня в подвальное помещение на кухню, я отыскала там повара, и он по другой лестнице провел меня к аресто-

ванным. В это свидание я имела возможность разговаривать с Лазо без свидетелей...

Настроение Лазо было несколько подавленное. Он просил установить дежурство около дома, чтобы знать, куда их увезут. Об этом я передала в ревком... Утром 9 апреля задержанных в здании следственной комиссии стали увозить. Первыми отправили Лазо, Луцкого и Сибирцева. Их посадили в легковые машины, а остальных — на грузовик. Везли их по Светланке по направлению к Гнилому углу.

Было утро. Проходившие рабочие узнали Лазо, на улице поднялось большое волнение. Рабочие показывали направление, в котором повезли товарищей.

Так как все члены Военного совета были увезены неизвестно куда, приморское правительство сделало запрос японскому командованию о судьбе арестованных. Партийная организация пыталась также всякими нелегальными путями узнать, где они.

В японском штабе мне был выдан пропуск за подписью майора Хосебе на право свидания с Сергеем. Я отправилась вместе с Луцкой в казармы, в Гнилой угол. Но там я выяснила, что Лазо туда не привозили.

На официальный запрос, где Лазо, японцы ответили: «Мы вам предоставили все возможности... Лазо в списках у нас не числился, и у нас его нет». Они использовали то, что он изменил свою фамилию, и постарались замести следы.

Весь апрель мы пытались всякими путями выяснить, где находятся арестованные товарищи, и добиться выдачи Лазо. Это делалось и путем переговоров, и через печать. В газете «Красное знамя» опубликован был целый ряд резолюций рабочих собраний с протестом против ареста Лазо и других членов Военного совета и с требованием их освобождения. Но японцы упорно молчали. Тут, очевидно, был сговор с белогвардейцами, которым они передали этих трех товарищей.

Во время демонстрации 1 Мая рабочие массы Владивостока еще раз выразили свой протест против поведения японцев. На знаменах были надписи: «Отдайте Лазо, Луцкого и Сибирцева!» Но все эти обращения и протесты не дали результатов.

В ответ на все наши протесты японская газетка «Владиво-Ниппо», издававшаяся во Владивостоке на русском языке, нагло заявила, что в списках арестованных Лазо нет, что «Лазо ушел в свои любимые сопки» и что поэтому они не могут сообщить, где он находится.

Долгое время нельзя было установить, что было сделано с товарищами. Слухи ходили самые неправдоподобные, самые разноречивые — и об увозе на пароходе в Японию, и о том, что их держат в подземелье, в доме, занимаемом штабом японцев, но с каждым днем становилось все яснее, что товарищей нет уже в живых...

Месяцев через пять, осенью 1920 года, Дальбюро ЦК РКП(б) отправляло в Советскую Россию первую группу товарищей на партучебу, в том числе и меня.

Только впоследствии, когда я находилась уже в Москве, была раскрыта кошмарная история с расправой над Лазо, Луцким и Сибирцевым.

М. ГУБЕЛЬМАН

Легендарный герой

В январе 1919 года в таежную землянку пришел товарищ из Владивостокского подпольного комитета партии и радостно сообщил:

— Во Владивосток Лазо приехал!

Я немедлепно отправился во Владивосток и здесь, в Голубиной пади, через рабочего Меркулова разыскал Сергея Лазо.

В первое мгновение я не узнал его: вместо молодого человека с округлым, почти юношеским лицом, каким я привык видеть Лазо на Забайкальском фронте, передо мной стоял бородатый, солидный мужчина. Казалось, что он постарел лет на десять.

Мы крепко обнялись. Обрадованный встречей, я рассказал ему все, что случилось со мной за то время, пока мы с ним не виделись. Вволю наговорившись, я стал звать его к себе в землянку, где мы скрывались тогда с товарищами в глухой тайге, в тридцати верстах от Владивостока, в так называемом Лузинском ущелье.

Со мной жили Федя Шумятский, Виктор Владивостоков, Ваня Давыдов, Раев и др.

Выслушав меня, Лазо на минуту задумался, потом сказал:

— Откровенно говоря, долго оставаться во Владивостоке мне нельзя. Комитет партии советует мне временно скрыться отсюда. Японо-колчаковским контрразведчикам стало известно, что я в городе, меня ищут.

В ту же ночь мы с Лазо выехали из Владивостока дачным поездом.

На руках мы имели пропуска, приготовленные нашим подпольным техническим отделом, и так мастерски, что агенты-контрразведчики принимали их за настоящие. Подсмеиваясь над японо-белогвардейскими ищейками, мы благополучно добрались до Лузинского ущелья.

В маленькой таежной землянке стало еще теснее, но скрывавшиеся здесь товарищи бурно выразили свою радость, когда увидели нового гостя.

Сергей нигде не мог сидеть сложа руки. Вскоре после своего переселения, вернувшись как-то с прогулки, он заявил:

— Нам надо немедленно взяться за «новое строительство». А то мы здесь все задохнемся. Я уже нашел место в самом верху ущелья. Там все заросло чертовым деревом, туда никто до нас не доберется.

Задумав какое-либо дело, Лазо не успокаивался до тех пор, пока не осуществлял его. Так было и с «таежным дворцом», как шутя называл он постройку. Все обитатели нашей землянки были мобилизованы Лазо на строительство. Мы работали с утра и до глубокой ночи. Больше всех работал сам Лазо. Он один таскал из лесной чащи тяжелые бревна, ставил стропила и подпорки, клал венцы — при этом ни разу не пожаловался на усталость или на холод, который изрядно давал себя чувствовать. Лазо все время распевал песни и подбадривал нас.

После упорного двухнедельного труда удалось построить помещение человек на десять — пятнадцать. Теперь надо было думать, где взять печку. Старая печурка из камня, которая обогревала нас в землянке, была мала для нового помещения. Мы не знали, что делать. Но вот Лазо задорно заявил:

— Сумели построить «дворец» — достанем и печку!

Утром он неожиданно исчез. Прошел день — Лазо нет. Вечером поднялась снежная буря, а Лазо все еще не возвращался. Я не выдержал и послал Раева и Владивостокова на розыски. Они проблуждали всю ночь и вернулись без Сергея.

«Значит, его поймала контрразведка»,— решили мы в отчаянии.

На следующую ночь сквозь свист и завывание ветра мы вдруг услышали шум и треск, словно неподалеку от нашего «таежного дворца» через чащу пробиралось несколько человек. Мы схватили винтовки и приготовились обороняться. В темноте между деревьев показалась рослая фигура — кто-то шел, покачиваясь под громоздкой ношей, задевая деревья и обламывая сучья.

— Лазо! — крикнул радостно Давыдов.

Действительно, это был Лазо, нагруженный железной печкой и трубами к ней.

— Ну, вот вам и «буржуйка»! — весело сказал Лазо, победно глядя на нас.

Он долго смеялся над нашими страхами.

В новом просторном помещении, около превосходной печки, мы в долгие зимние вечера горячо спорили о дальнейших планах нашей работы и о методах и формах партизанской борьбы с интервентами и белогвардейцами.

Глубоко за полночь, когда в печке дотлевали последние угли, мы расходились по своим углам и укладывались спать, уставшие от бесконечных споров. «Таежный дворец» погружался в темноту. Только койка Лазо освещалась слабым светом коптилки, которую он сделал сам из бутылочки. Лазо сосредоточенно читал, иногда он не отрывался от книги до самого утра.

Просыпаясь среди глубокой ночи, я не раз наблюдал, как Лазо сидит с книгой и о чем-то думает. Потом он откладывает книгу в сторону, достает тетрадь и начинает записывать свои мысли. Заметив однажды, что я не сплю, он сказал:

— Сколько неисчерпаемой мудрости, знания и силы в этих строках! Какая непревзойденная сила логики! Поистине гениален человек, написавший эту статью!

— Ты о чем? — спросил я, с трудом раскрывая заспанные глаза.

— Да вот, о статье Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?». Мне кажется, что такую вещь надо издавать в миллионных тиражах, чтобы она стала для каждого рабочего и крестьянина настольной книгой.

Воодушевившись, Лазо долго еще говорил мне о том времени, когда появятся новые советские ученые из недавних грузчиков, портовых рабочих, красноармейцев и партизан.

— Это будет прекрасное время, Дядя Володя!

О науке, просвещении и книгах Лазо мог говорить бесконечно. В таких беседах мы часто проводили всю ночь.

За стеной «таежного дворца» спала тайга, и каждый звук, даже самый малейший, отчетливо долетал до наших ушей. Стоило пробежать лисе, зайцу или кроту, как мы все умолкали, настораживались. Иногда мы осторожно выходили наружу, ползли по сугробам и старались отыскать невидимого врага.

Лазо всегда оставался спокойным. Хорошо зная тайгу, он умел распознавать всякие приметы и шорохи. Он часто высмеивал нас:

— Чего вы испугались? Это самый обыкновенный крот. Давайте спать.

Он укрывался одеялом с головой и засыпал моментально, как ребенок...

Приближалась весна.

В апреле областной подпольный комитет партии большевиков созвал конференцию, на которой было решено немедленно возглавить развернувшееся партизанское дви-

жение. Лазо горячо приветствовал постановление о посылке группы партийных работников в партизанские отряды.

Помню, в конце заседания конференции на нас произвела исключительное впечатление информация о том, что делается по ту сторону фронта — в Советской России. Эти вести привез из Москвы Д. Киселев, с большим трудом пробравшийся через колчаковский фронт. Он сообщил комитету, что страна живет боевой, напряженной жизнью; несмотря на блокаду и бесчисленные фронты, она с каждым днем крепнет, создана двухмиллионная регулярная Красная Армия, которая успешно борется на всех фронтах с интервентами и белогвардейцами.

Лазо вместе с другими встретил это сообщение восторженно.

— Такая армия,— сказал он,— прогонит всех колчаков, юденичей и деникиных! Она скоро освободит Сибирь и Дальний Восток. Мы должны помогать ей. Надо разрушать колчаковский тыл, отвлекать силы белогвардейцев и интервентов на себя. Белобандиты будут разгромлены! Мы сделаем Дальний Восток неприступным для врагов!

Мы доживали в «таежном дворце» последние дни, деятельно готовясь к поездке в Сучанскую долину. Туда можно было проникнуть только через Шкотовскую долину. Но в этом узком проходе, сжатом с двух сторон высокими отрогами Сихотэ-Алиня, находились японо-белогвардейские части. Они занимали железнодорожную ветку, ведущую от станции Угольная на Сучан. Пришлось избрать путь через Уссурийский залив, на село Петровка.

На нашем пути была рыбалка рыбопромышленника Золотарева. На этой рыбалке жило несколько наших красногвардейцев в качестве простых рабочих. Они держали с нами постоянную связь.

Одному из них было заранее поручено приготовить шаланду с хорошим проводником для переброски нас в село Петровка. В темную ночь в конце мая мы пришли в село Чимбуры. Выйдя из лесу, мы увидели с горы золотаревскую рыбалку и возле нее ярко освещенный белогвардейский миноносец. Лазо послал Мишу Попова и Ваню Давыдова выяснить, в чем дело. Те скоро вернулись и сообщили, что на рыбалку приехали офицеры — проверить, нет ли поблизости контрабандистов или партизан. Они пьянствовали вместе с Золотаревым, но должны были скоро уехать.

Пришлось выждать час-другой. Миноносец ушел. Хорошо поужинав на рыбалке и нагрузив шаланду продовольствием и оружием, мы поплыли на другую сторону залива. Был сильный туман.

Отъехав верст десять, мы неожиданно заметили с правого борта огни.

Это был тот самый миноносец, который мы видели несколько часов назад. Мы знали, что, если он нас атакует, смерть неминуема. Наш проводник умело начал отводить шаланду от миноносца. Скоро его огни скрылись в тумане.

Под утро мы увидели отлогий берег с широко раскинувшимся селом — это была Петровка. Мы выкинули красный флаг и смело причалили к берегу. Нас узнали и радостно приветствовали владивостокские портовые рабочие, которые находились в штабе Петровского отряда.

На другой день мы отправились с Лазо в центр партизанских частей Ольгинского уезда, в село Фроловка. По дороге мы посещали партизанские отряды. В Фроловку приехали рано утром, и почти тотчас же сюда начали прибывать командиры партизанских отрядов и представители сохранившихся волостных и сельских Советов.

Здесь я лишний раз убедился в умении Лазо быстро сходиться с людьми, завоевывать их симпатии, подчинять их своей воле. Обладая исключительным талантом агитатора и пропагандиста, Лазо умел строить свои беседы так, что с первых же слов овладевал вниманием слушателей.

Начинал он всегда просто. Стоят, например, десять — пятнадцать красногвардейцев или партизан. К ним подходит Лазо и заводит разговор о житье-бытье, об урожае, о семенах, скоте. Партизаны начинают рассказывать о вестях из дому: нет дождя, урожай плохой, семена плохие. С разговора о семенах Лазо переводит речь на другие отрасли сельского хозяйства, рассказывает, как можно улучшить породы скота и птицы; потом, начиная перечислять богатства Приморья, он говорит о миллионах пудов самого лучшего, самого чистого меда, который пчелы могли бы брать с приморской липы, об огромном количестве лубка, из которого можно выделывать здесь же, на месте, необходимые для нашего хозяйства мешки; в приморских лесах можно построить химические заводы, бумажные фабрики, делать самую лучшую в мире бумагу. Все это дало бы сотни миллионов рублей нашей Советской стране.

Слушая Лазо, я всегда удивлялся огромным запасам знаний, которыми он обладал. Это позволяло ему говорить обо всем веско и убедительно.

Заинтересовав слушателей разговорами на близкие для них темы, Лазо искусно переходил на политику:

— Все эти богатства, о которых я только что вам говорил, должны быть нашими, советскими. Когда мы прогоним белогвардейцев и интервентов с Дальнего Востока, Советская власть сделает все для того, чтобы этот край жил богатой и счастливой жизнью!

К моменту нашего прибытия в Фроловку из обхода по Ольгинскому уезду вернулись Александр Фадеев, Игорь Сибирцев и целая группа молодых пропагандистов и агитаторов, посланных областным комитетом партии. Они прошли по Сучанской долине сотни верст, поднимая крестьянскую таежную молодежь на борьбу с интервентами и колчаковцами. Записная книжка Сергея сразу же пополнилась богатым материалом, собранным этими товарищами.

Сергей расспрашивал их о мелочах, которые казались иногда просто смешными. В самом деле, кому из нас пришло бы в голову расспрашивать, сколько кур, сколько скота имеется в хозяйстве того или иного крестьянина, фамилию которого случайно упомянул кто-либо из пропагандистов? Но для Лазо, привыкшего все учитывать, обобщать и делать выводы, мелочи были очень важны. Он старался представить себе культурный уровень деревни и выяснить материальную базу, где с помощью крестьян можно было бы снабжать партизанские отряды продовольствием, лошадьми и фуражом.

Лазо требовал, чтобы без разрешения главного партизанского штаба никто не имел права производить самовольные обыски и реквизицию.

Такое требование развивало у партизан уважение к революционной законности и в то же время заставляло население относиться к партизанским отрядам с доверием. Дисциплинированность партизан особенно поражала крестьян, испытывавших ужасы японо-белогвардейского произвола. За несколько недель до нашего приезда по Сучанской долине прошли отряды генерала Смирнова, сопровождаемые японцами. Они беспощадно пороли, расстреливали, грабили крестьян, насиловали женщин и убивали детей. Крестьяне с ужасом вспоминали тяжелые дни, проведенные ими под игом ненавистных интервентов.

В середине июня, когда мы с Лазо закончили объезд партизанских отрядов и вернулись в Фроловку, там состоялся огромный митинг, на котором присутствовали не

только местные жители, но и крестьяне из всех деревень Сучана и даже соседней Цемухинской долины — всего около пяти тысяч человек.

День был воскресный, поэтому многие крестьяне пришли принаряженные по-праздничному, с женами и детьми. В пестрой крестьянской толпе чернели рабочие пиджаки и кожанки сучанских шахтеров.

Сергей задержался в штабе. Пришлось начать митинг без него.

Я передал привет собравшимся от имени Дальневосточного комитета партии большевиков и начал рассказывать, почему мы боремся с интервентами и белогвардейцами.

Не успел я еще окончить свою речь, как вдруг в центре села раздались громкие восторженные крики. Толпа увидела идущего по селу Лазо и членов штаба.

— Ура! Да здравствует Лазо! Да здравствуют большевики! — раздались радостные возгласы.

Возбуждение толпы росло. Наконец несколько человек бросились к Лазо, подхватили его и на руках понесли к находившейся неподалеку трибуне.

Лазо начал свою речь, как всегда, просто и убедительно. Он рассказал про деревню Казанку, куда приезжал отряд колчаковцев во главе с генералом Смирновым. Все жители были вызваны на сход. Их окружили. Начался допрос: кто из крестьян за Советскую власть и есть ли в Казанке большевики? Крестьяне молчали. Тогда офицеры приказали солдатам развести костер, накалить на нем шомпола и выпороть из крестьян всех «подозрительных». Таких в деревне набралось восемнадцать человек. И вот на глазах односельчан их разложили на траве и жестоко выпороли раскаленными шомполами. Крестьяне упорно молчали. Не добившись ничего, колчаковцы расстреляли напоследок крестьянина Полунова и уехали.

— Да разве генералы и офицеры только в Казанке издевались над трудящимися? — говорил Лазо.— Знаете ли вы, как они убили товарища Кошмана в деревне Хмельницкой? Бандиты на глазах у его родителей отрубили Кошману сначала руки, потом ноги и разбросали их по селу.

Крестьяне напряженно слушали. В толпе то и дело раздавались негодующие возгласы.

А Лазо продолжал:

— В деревне Гордеевке колчаковские каратели застали только девять стариков — все остальное население, спа-

саясь от палачей, бежало в тайгу. Разъяренные офицеры набросились на стариков. Их пороли шомполами, подвешивали к потолку, обливали кипятком. Но старики мужественно терпели пытки и не сказали палачам, куда убежали односельчане. Тогда офицеры поставили стариков в один ряд и собственноручно всех расстреляли.

А кто из вас не слыхал о расправе в селе Ивановка Амурской области? — продолжал Лазо список кошмарных преступлений белогвардейцев и интервентов.— Кто не любовался Ивановской школой, больницей и мастерскими?.. Всем крестьянам хотелось иметь в своих селах такие же культурные учреждения. А взгляните сейчас на Ивановку — там только пепел, трупы и сироты! Японцы сожгли в избах несколько сот крестьян, ограбили оставшихся в живых да еще угрожают расправиться таким же образом и с другими селами, если они не выдадут большевиков. Но ни порками, ни расстрелами, ни угрозами не погасить великого гнева народного! В ответ на расправу с ивановцами в партизанские отряды потянулись тысячи крестьян. Приходят не только мужчины, способные носить оружие, но и дряхлые старики, женщины и даже дети. Они стараются, чем только могут, помочь нам: снабжают нас продовольствием, одеждой; женщины и подростки шьют и стирают партизанам белье. Особенно помогают нам девушки и парни. Многие из них прекрасные лазутчики, слухачи. Они передают в партизанские штабы все, что видят и слышат о кознях и замыслах наших врагов.

Дорогие товарищи рабочие, крестьяне и партизаны! — закончил свою речь Лазо.— Генералы, офицеры и интервенты немало пролили крови наших лучших людей. Это, товарищи, тяжело... Мы это не только знаем, но и чувствуем ежедневно, ежечасно... Но без борьбы, без крови не может быть победы!

Выступление Лазо произвело громадное впечатление на жителей Сучанской долины. Приток вооруженных крестьян в партизанские отряды усилился. Все теперь видели, что с прибытием Лазо в отрядах появился порядок и дисциплина.

Вся Сучанская долина превратилась в огромный военный лагерь, который под руководством Сергея Лазо деятельно готовился к борьбе с колчаковцами и интервентами.

Вскоре на I съезде трудящихся Ольгинского уезда Лазо был избран командующим партизанскими отрядами Приморья.

В конце июля партизанские отряды блестяще выполнили разработанный Сергеем Лазо план одновременного нападения на станции Сучанской железнодорожной ветки, где были расположены гарнизоны интервентов и белогвардейцев. Благодаря этой операции партизаны захватили большое количество винтовок, десятки тысяч патронов, продовольствие и обмундирование. Сучанская железнодорожная ветка была выведена из строя. Колчаковцы и интервенты лишились возможности пользоваться сучанским углем.

Победа партизан в значительной мере была облегчена всеобщей забастовкой, которую организовал краевой комитет партии большевиков через Центральное бюро профсоюзов и его уполномоченных на местах.

Сучанская операция имела большое значение. Она отвлекла крупные силы белогвардейцев и интервентов, которые предназначались к отправке на урало-сибирский фронт против Красной Армии.

Обеспокоенные удачами партизан и ростом их сил, интервенты и белогвардейцы вскоре бросили на Сучанскую и Анучинскую долины лучшие свои войска в количестве свыше девяти тысяч штыков. Отряды Лазо не выдержали этого натиска, так как белояпонцы превосходили их численностью и вооружением. Партизаны вынуждены были отступить в тайгу. Враги преследовали их по пятам.

Между деревнями Бровничи и Хмельницкой Лазо намеревался дать бой интервентам. Обстановка благоприятствовала. В этом месте на протяжении пяти верст тянется ущелье, прозванное населением «Щеки», а партизанами — «Дарданеллы». Эти «Дарданеллы» представляют собой узкую щель, одна сторона которой прижата к отвесной скале, а другая залита бурной речкой Сучан.

Лазо предполагал устроить здесь засаду и неожиданным ударом обрушиться на врагов. Он хорошо подготовил операцию, но местные кулаки успели предупредить белояпонцев о готовящейся засаде, и те неожиданно изменили направление, пройдя на Хмельницкую через горные хребты, минуя «Дарданеллы».

Партизаны были удручены этой неудачей, но Лазо не унывал.

— Ничего, товарищи,— ободрял он их,— победа будет за нами!

Отряды Лазо отступили в тайгу. Японцы и белогвардейцы хотели окружить и уничтожить партизан. Однако их надежды не оправдались.

Лазо созвал в Молчановке на совещание всех командиров партизанских отрядов. Вопрос стоял о том, что делать дальше, куда и какими путями должны были направиться отряды партизан.

Лазо внес предложение: всем партизанам разбиться на мелкие отряды. Некоторые из этих отрядов отправятся в Иманский уезд, чтобы соединиться с амурскими партизанами и поднять новые районы на борьбу; остальные рассеются по Приморью и будут продолжать борьбу здесь. Так и сделали.

Сам Лазо с небольшим отрядом направился в село Анучино, чтобы соединиться с находившимся там Военно-революционным комитетом Приморской области.

Этот путь был тяжелым испытанием для Лазо. Он еще раньше чувствовал недомогание, но никому в этом не признавался. Теперь уже нельзя было скрыть начавшегося у него воспаления почек. Лицо его пожелтело и начало пухнуть. Он то и дело отставал и присаживался на землю, чтобы отдохнуть. В одну из таких его остановок ушедшие вперед товарищи встретили китайца. Китаец рассказал, что японцы по пятам преследуют красных партизан, что они уже окружили Анучино.

Это сообщение страшно обеспокоило партизан. Измученным тяжелым переходом, без патронов и продовольствия, им показалось положение безвыходным. Но Лазо и на этот раз не растерялся. Он сказал:

— Товарищи, нам предстоит впереди немалый путь. Я уверен, что мы окончим его благополучно.

Через час партизаны, получив в ближайшей деревне продовольствие, прицепив к кошелям узелки с хлебом и свиным салом, повеселевшие, продолжали путь.

В нескольких верстах от деревни отряд наткнулся на группу тяжелораненых партизан, которых бросил на произвол судьбы фельдшер, спасая собственную шкуру. Лазо оказал им необходимую помощь, накормил и ободрил. Раненые рассказали, что японцы подошли почти вплотную к Анучину.

— Нам необходимо торопиться,— сказал Лазо.— Доставим раненых в ближайшую деревню. Вы там пока останетесь вместе с ними, а я пойду в Анучино, попытаюсь связаться с ревкомом.

Лазо быстро, насколько позволяли его истощенные силы, направился в Анучино.

Он пришел туда под утро и прямо явился ко мне, как к военному комиссару области. Я был поражен переме-

ной, которая произошла во всем его облике. Он опух, еле передвигал ноги, и только черные глаза его горели по-прежнему молодым блеском.

Вместе с Лазо мы решили, что он должен немного отдохнуть в таежном лазарете, а после отдыха отправиться в Сучанскую долину, чтобы наладить там работу по революционизированию колчаковских частей и оказывать помощь при организации новых партизанских отрядов. А я отправляюсь в Чугуевку, где мы попытаемся создать новый центр руководства партизанской борьбой.

Пока мы с Сергеем разрабатывали этот план, в районе Анучина шел жестокий бой между партизанами и белояпонскими частями.

Вечером Лазо ушел от меня. Вместе с ним отправилось несколько раненых товарищей в лазарет. Я еще раз имел случай убедиться, как мало думал Сергей о себе. Я дал ему лошадь, так как передвигаться пешком ему было очень трудно. Но Лазо тут же на моих глазах уступил ее раненому партизану, а сам, еле передвигая ногами, отправился пешком.

Это был исключительно тяжелый переход, о котором даже Лазо вспоминал впоследствии как о мучительной пытке. Расчищая путь среди непроходимых зарослей, отряд шел двенадцать дней. Двигались медленно, наугад. На пятый или шестой день один из раненых — молодой партизан — умер. У него открылась рана, и он истек кровью. Бойцы быстро вырыли яму и похоронили товарища в таежной могиле. Пошли дальше. Питались одними коржиками, но скоро и этого не стало — вышла мука. Пришлось убить лошадь. Конину ели без соли. Кончилась и конина. Последние два дня питались листьями дикого винограда и разными кореньями.

На двенадцатый день отряд наконец добрался до деревни Табахезы. Продолжать путь с отрядом Лазо больше уже не мог. Силы окончательно изменили ему. Оставив раненых в Табахезах на попечение местной учительницы и простившись с товарищами, он отправился отыскивать затерянный в тайге лазарет. Едва оправившись в таежном лазарете от болезни, Лазо по вызову областного комитета вернулся во Владивосток. Комитет партии поручил ему руководство военным отделом.

Лазо блестяще оправдал доверие партии. В течение короткого времени в условиях подполья он проделал огромную работу: установил регулярную связь со всеми

партизанскими отрядами Приморья, наладил снабжение их патронами, оружием и медикаментами.

Лазо в то же время не забывал о необходимости организовать зимние базы и заготовить продовольствие для партизан на случай ухода их в глубокий тыл. Июльские события на Сучане показали со всей наглядностью, что исключительно тяжелое положение создалось тогда именно потому, что мы не позаботились заранее построить в тайге базы и забросить туда необходимое продовольствие.

Выполняя принятое областным комитетом по его докладу решение о работе партизанских отрядов, Лазо писал мне:

«Дорогой Дядя Володя, военный отдел работает усиленно, имея связь как в пролетарских, так и в военных организациях. Обком поставил правильно вопросы партизанского движения, надо только хорошо, по-большевистски, выполнить его решения от августа 1919 года. Партизанские командиры должны помнить, что надвигается зима и необходимо теперь же выделить людей для строительства зимних баз в тайге, подготовив место для хранения продовольствия. Мы, Дядя Володя, скоро победим, но для победы еще нужны будут жертвы... Посылаю вам для отрядов письмо обкома. Сергей».

Военно-революционный штаб под руководством Лазо сумел наладить в это время работу нелегальных ячеек в колчаковских частях, устанавливал тесную связь с революционно настроенными солдатскими массами. Благодаря этой работе во всех частях колчаковской армии, за исключением гардемаринов, казаков и личной охраны Розанова, имелись представители Военно-революционного штаба и комитета партии. Одновременно усиленно шло создание вооруженных дружин из грузчиков, дальзаводцев, портовых рабочих и др.

Партизаны не прекращали борьбы с белогвардейцами и японцами. Лазо непрерывно поддерживал связь со всеми отрядами, инструктировал их, давал советы. Командиры отряда в свою очередь подробно информировали Лазо о том, какие боевые операции ими проведены и сколько при этом было потерь у противника и у партизан.

Лазо бывал очень доволен, когда получал эти письма. Он любил точный учет своих сил и сил противника. На основе этих донесений Сергей делал анализ обстановки и строил план дальнейшей работы военного отдела.

Наступил 1920 год. Областной комитет большевиков

призвал трудящихся начать однодневную забастовку протеста против интервенции и контрреволюции.

3 января жизнь во Владивостоке замерла. Военный порт, Дальневосточный завод, Эгершельд[1] — все мастерские и предприятия опустели. Торговый порт, где жизнь всегда шумела, как в пчельнике, тоже затих. Не открылись в этот день ни магазины, ни кино, ни театры, ни учреждения. Электрическая станция не работала. Вечером город и крепость были окутаны тьмой.

Встревоженные контрразведчики и шпики метались по всему городу, разыскивая организаторов забастовки. Японо-белогвардейские ищейки напрягли все силы, чтобы найти Лазо и других членов областного комитета.

Сергей в это время жил нелегально в Рабочей слободке под видом грузчика. Партийная организация законспирировала его хорошо. Сергей имел паспорт и соответствующую своей «профессии» производственную одежду: на его ногах были смазные сапоги, носил он простые черные брюки из «чертовой кожи», ватную куртку и шапку-ушанку. Все это, как и полагалось грузчику, таскавшему на спине муку, было вываляно в мучной пыли. Кроме паспорта Лазо имел в кармане соответствующее удостоверение, выданное ему администрацией первореченской мельницы как недавно поступившему на работу грузчику. Все эти документы были искусно изготовлены на подлинных бланках нашим подпольным техническим отделом.

В день забастовки Лазо возвратился к себе домой поздно. По обыкновению, он зажег коптилку, с которой никогда не расставался, и сел за чтение какой-то книги по высшей математике.

Вдруг кто-то начал стучать в дверь.

— Кого это черти несут так поздно? Я уже сплю! — нарочито грубо крикнул Лазо.

— Открой!

Лазо понял, что сейчас начнется обыск. Недовольно ворча, он открыл дверь. В комнату вошли пять шпиков.

— Кто здесь проживает? — спросил охранник, оглядывая убогую комнатушку.

Лазо назвал себя. Посетители быстро и ловко перерыли всю его каморку, но ничего подозрительного, кроме потрепанного томика по высшей математике, не нашли.

— Откуда это у тебя? — спросил один из охранников, вертя томик в руке.

---

[1] Портовый район Владивостока.

— Нашел на мельнице. Думал, хорошая книга, почитаю от скуки, оказалось — барахло,— ответил Лазо, зевая.

Охранник презрительно поглядел на Лазо и сказал:

— Дурак! Тебе надо «Бову-королевича» читать. Я возьму эту книгу.

— Бери,— согласился Лазо,— только оторви мне бумаги на курево. Там много написано, с тебя хватит.

Охранник вырвал для него две чистые странички в конце книги и направился к двери. За ним вышли и все его спутники...

Подготовка к восстанию была в разгаре. Забастовка показала, что рабочие готовы к выступлению. Областной комитет партии решал вопрос, под какими лозунгами проводить восстание.

Было решено: ввиду наличия интервентов и опасности войны, которую японские империалисты могли навязать Красной Армии, Советскую власть во Владивостоке пока не провозглашать, а передать власть временно земской управе.

В военный штаб на имя Лазо почти ежедневно поступали сообщения из Спасска, из Сучана, из Никольска-Уссурийского и других мест, что к захвату власти все подготовлено. Колчаковские гарнизоны в Казанке, Шкотове и в Охотске были полностью распропагандированы. Под руководством уполномоченных военного отдела солдаты арестовали контрреволюционных офицеров, кое-кого из них уничтожили, захватили пулеметы, винтовки, патроны и ушли в партизанские отряды. Лазо решил реорганизовать эти отряды; они наименовали себя 1-м Советским полком.

26 января Лазо получил сообщение, что партизанские отряды под руководством товарища Андреева [1] после небольшой перестрелки с белогвардейцами заняли Никольск-Уссурийский. Гарнизон колчаковских войск, находившийся под влиянием подпольной большевистской организации, немедленно признал Андреева командующим районом. Японские войска вынуждены были сохранить «нейтралитет».

В двадцати пяти верстах от Владивостока, на станции Океанская, 26 января восставший гарнизон переименовал себя в 3-й партизанский полк и ушел в тайгу к партизанам. 28 января в самом Владивостоке с парохода «Печенга» на глазах у всех рота 35-го полка вместе с командным соста-

---

[1] Сожжен японцами заживо в 1920 году.

вом, забрав оружие и обмундирование, прошла прямо на 55-ю высоту и присоединилась к 1-й Амурской революционной батарее. 29 января воинские части, стоявшие на Русском острове, арестовав командный состав и вооружив разоруженных Розановым егерей, объявили, что они признают только власть земства.

Японские интервенты расставляли патрули, располагали их ближе к порту, к рабочим кварталам и к вокзалу. 29 января в Эгершельде высадился японский десант и поместился в казармах.

В этот же день колчаковские офицеры, юнкера и гардемарины, захватив запас продовольствия и обмундирования, спешно погрузились на пароходы.

Объединенный оперативный революционный штаб под руководством Лазо работал день и ночь. По предложению областного комитета партии Центральное бюро профсоюзов объявило забастовку, которая началась в ночь на 31 января 1920 года.

На следующее утро улицы Владивостока были залиты шумными толпами рабочих и солдат. С крепостных высот спустились революционные отряды и двинулись по Светланской улице к центру города. К ним примкнули рабочие отряды. По дороге они занимали правительственные учреждения и предприятия.

В это же время под охраной японских офицеров спешно покидал Владивосток преданный агент японских империалистов и палач рабочих и крестьян генерал Розанов со своими приспешниками.

К одиннадцати часам утра Владивосток полностью был занят революционными войсками. На вокзал прибыл из Сучанской долины бронепоезд 1-го Советского полка. Его восторженно встретили владивостокские рабочие.

Распевая революционные песни, колонны партизан, солдат и рабочих двинулись с красными знаменами к вокзальной площади. Здесь была наскоро сооружена из багажных ящиков трибуна.

Быстрой походкой подошел к трибуне Сергей. Он был одет по-военному, в серую солдатскую шинель. Толпа, увидев вождя партизан, шумно его приветствовала. Тысячи бойцов и рабочих радостно кричали:

— Да здравствуют большевики!

Лазо начал взволнованно говорить о борьбе с интервентами и белогвардейцами, о великой большевистской партии, которая неуклонно ведет народ к победе над темными силами контрреволюции. Он вспомнил о пройден-

ном этапе борьбы, о героях бойцах, с которыми вместе делил трудности походной жизни.

— Мы сбросили сегодня власть — самую кровожадную, самую ненавистную для трудящихся. Генерал Розанов еще вчера вместе с японцами готовил для расправы с восставшими офицерский корпус. Но эта авантюра провалилась, и вы видите, что сегодня, в момент восстания, в крепости с десятитысячным гарнизоном для защиты предателя не нашлось ни одной воинской части. Лакей интервентов вынужден был бежать от неизбежной расправы к своим хозяевам — японцам. Перед восстанием Розанов готовил тайное соглашение с японцами о закабалении всего края. Теперь власть этого палача сброшена! Но в крае остаются войска господ интервентов. Японцы готовят захват Дальнего Востока. Вот почему мы, коммунисты, говорим: «Революционная армия должна быть готова к борьбе в любой час!»

Повстанцы устроили Лазо бурную овацию. Они принесли торжественную клятву драться за соединение Дальнего Востока с Советской Россией.

Лазо спустился с трибуны. Его подхватили десятки крепких рук. Они высоко подбрасывали его. Тысячи людей кричали:

— Да здравствует Лазо!

Колонны демонстрантов во главе с Лазо торжественно двинулись с вокзала по Суйфунской и Светланской улицам. А в это время навстречу шла другая колонна, шли партизаны, только что прибывшие на бронепоезде из Сучанской долины. Они обросли в тайге бородами и казались суровыми, но на их обветренных, загорелых лицах глаза сверкали радостным огнем. Эти герои были одеты пестро, по-таежному: одни из них шли в полушубках, другие — в мохнатых козьих куртках, шли и в ватных телогрейках, с винтовкой за плечами, опоясанные патронташем или связкою самодельных бомб.

Тысячи рабочих семей вышли встречать героев партизан, вынесших на своих плечах огромную тяжесть борьбы с интервентами и белогвардейцами. Партизаны шли под несмолкаемый радостный гул. Вот они остановились, встретившись с демонстрацией. Могучее «ура» раздалось с обеих сторон. И наконец все запели гимн, который так давно во Владивостоке никто не слыхал:

Это есть наш последний и решительный бой.

В этот день правительство земской управы выпустило обращение ко всему населению, в котором оно обязыва-

лось освободить политических заключенных (они во многих местах уже были освобождены восставшими), ликвидировать остатки колчаковской власти, восстановить политические и гражданские свободы, установить общественный контроль над торговлей и промышленностью, организовать снабжение населения продовольствием, проводить нормировку заработной платы путем организации тарифных комиссий совместно с профсоюзами, немедленно восстановить земельные комитеты и принять меры к ликвидации интервенции.

По решению Дальневосточного областного комитета партии Лазо начал проводить большую работу по реорганизации партизанских и бывших колчаковских частей в регулярную революционную армию, он направил во все части политических комиссаров, подобрал преданный революции командный состав, организовал в армии политмассовую работу.

Через несколько дней после освобождения нами Владивостока мы получили сообщение от амурских партизан, что они прогнали из Благовещенска японцев. Так в тяжелой борьбе с интервентами и белогвардейцами мы кусок за куском отвоевывали нашу Родину.

А. СЕНКЕВИЧ

Сергей[1]

Медленно тянулось время в таежном партизанском лазарете. Связь с внешним миром отсутствовала. Обитатели лазарета проводили время в передаче эпизодов партизанской жизни, в гаданиях о происходящем, в мечтаниях о будущем.

В один из знойных августовских дней с громадным мешком за плечами, винтовкой через плечо, опираясь на длинную палку, к нашему зимовью подходил Сергей.

Но откуда такая ужасная перемена? Тяжелая походка, обрюзгшее лицо, распухшие ноги, язвы на теле...

В таком виде Лазо прошел 60 верст, перевалив таежной тропой через Сихотэ-Алинь. Радушно встречаем дорогого гостя. Произвожу анализ мочи. Нахожу белки. Острый нефрит.

При отходе партизанских частей в тайгу Сергей не забыл о раненых. Прекрасный таежник, Лазо сам взялся провести раненых мимо расположения японских войск таежной тропой из Анучинского района в Чугуевский. Путь был долог. Питались, конечно, без соли, без крошки хлеба, приходилось спать под дождем. Дорогой заболел, некоторое время пролежал у сердобольного крестьянина. Потом еще не окончательно окрепший Лазо решает идти к своему доктору. Необходимо скорее выздороветь. Дума его рвется в город для новой, живой, кипучей работы.

Приход Лазо внес свежую струю в жизнь таежников. Сам больной, он помогал в уходе за ранеными. В минуту уныния ободрял падавших духом.

Часто среди угрюмой таежной тишины раздавался его голос о великих задачах русской революции, о терниях революции.

Обитатели лазарета жили надеждой на скорый приход советских войск, говорили о близком осуществлении заветной мечты — осуществлении Советовластия на Дальнем Востоке. Лазо охлаждал пыл увлекающихся мечтателей. Он предвидел неизбежность длительной, тяжелой и, главное, многовидной борьбы.

[1] Воспоминания о С. Лазо впервые опубликованы в сборнике «Неравнодушные строчки». Чита, 1921, с. 25—27.

Выздоравливавшие раненые выписывались и уходили, кто в город, кто в зимовья партизан. Ни один из нас не мог указать тропу и дорогу, дающую возможность обойти врага, как это делал Лазо.

— Не забудь, товарищ, идя по тропе к деревне, пройти вниз по ручью до старой китайской фанзы, там будет кладка; дальнейший путь советую продолжать ночью...

Он знал, что эти мелочи имеют громадное значение в жизни таежника-партизана. А Лазо с гордостью называл себя опытным таежником. В его громадном мешке, который он, оборванный, в лаптях, таскал за плечами, находилось все необходимое таежнику: палатка, топорик, кастрюлька, веревочки, немного крупы, сухарей...

Время шло: в рядах колчаковцев началось разложение. Разлагавшиеся части начальство постаралось убрать из районов расположения партизан. Вышли и мы из тайги.

Лазо узнает, что в одной деревушке учительствует его жена. С ней же и родившаяся в его отсутствие дочь. Подходим к деревне. Но осторожность, отличительная черта Лазо, и здесь проявилась. Как ни рвалась его душа поскорее увидеть жену и дочурку, из опасения обнаружить себя и семью даже в деревне, где крестьяне были своими людьми, Лазо провел два дня в тайге, вблизи деревни, пока ему не удалось устроить «конспиративного» свидания.

Дальше — город. Работа по организации переворота. Лазо — нерв движения. Он же — бельмо на глазу у хитрого соседа. События 4—5 апреля. Лазо арестовывают: его держит в плену вместе с другими членами Военного совета японское командование. Жена идет навестить Лазо, ей заявляют, что Лазо в камере нет.

— Где Лазо? — раздается из тысячи партизанских и рабочих уст.

— Он любил жизнь сопок,— с циничной наглостью отвечает японский офицер на русском языке.— Лазо ушел в сопки.

Да, Лазо вырвали из наших рядов. Его взяли грубые, кровавые руки хищников.

Но память о Лазо долго будет жить среди сопок и падей Забайкалья и Приморья...

И. МЕЛЕХИН

Отряд цемухинцев

В апреле 1919 года в селе Фроловка Сучанского района на съезде представителей партизанских отрядов был создан объединенный орган: «Военно-революционный штаб партизанских отрядов Ольгинского уезда». Вся власть на отвоеванной у белых территории принадлежала штабу. Объединить разрозненные действия партизанских отрядов единым руководством, укрепить дисциплину, расширить очаги партизанской борьбы и выгнать белогвардейцев из Ольгинского уезда — таковы были задачи штаба.

Некоторые отряды не желали подчиняться директивам штаба. Особенно отличался недисциплинированностью отряд Цемухинской долины под командой Шевченко. Боевой, бесстрашный командир отряда Гаврила Шевченко претендовал на роль командующего всеми отрядами, не любил кому бы то ни было подчиняться, стремился всегда к полной самостоятельности и действовал часто вопреки указаниям штаба. Настроение командира передавалось и бойцам, поэтому дисциплина в отряде была плохая. К отряду липли всякие анархиствующие элементы.

В мае до Цемухинского отряда дошел слух, что Владивостокский партийный комитет направляет в Ольгинский уезд руководителем партизанского движения Лазо.

О Лазо мы слышали много героических рассказов. Некоторые товарищи в нашем отряде прекрасно знали Лазо по Забайкальскому фронту. Они рассказывали, что это замечательный боевой командир, прекрасный тактик и обаятельный человек. Весть о назначении Лазо быстро облетела партизанские отряды. Его прихода все ждали с огромным нетерпением.

Как-то в конце мая мы сидели за полевой картой в штабе, в деревне Новороссия. В комнате были командир отряда Шевченко и я, в то время начальник штаба, и др. Вдруг входят двое товарищей. Один из них высокий, стройный, с военной выправкой, совсем еще молодой. Кто еще не знал Лазо — все подумали: это, верно, он и есть! В самом деле, он сейчас же сам себя и представил:

— Здравствуйте, товарищи! Моя фамилия Лазо. А это — товарищ Губельман. Мы из областного комитета партии.

Лазо тепло поздоровался, пожав всем нам руку. Мы очень приветливо ответили. Когда они оба уселись на поданные им табуретки, Лазо внимательно посмотрел на карту, разложенную на столе, и сказал:

— Да у вас пятиверстка! Замечательно! Редкая карта в настоящих условиях. Хорошо бы всем отрядам иметь такие карты.

Он стал расспрашивать о расположении противника, следя за пометками на карте. Разобравшись в нашей военной обстановке, Лазо сказал нам, что в Южное Приморье стягиваются крупные силы белых для ликвидации партизанского движения, Сучанскую ветку американцы и японцы усиливают новыми воинскими частями, шкотовский гарнизон генерал Волков укрепляет пополнениями. Ясно: белогвардейцы совместно с интервентами вскоре поведут большое наступление. Надо быть готовыми.

Наш командир отряда Шевченко, закрутив ус, вставил реплику:

— Пусть идут, мы не особенно испугались и паникерами не были.

Он искоса посмотрел на Лазо.

— Это хорошо, что вы не испугались! Но необходимо укрепить отряды и сделать их более боеспособными, выбросить неустойчивые элементы.

— Я знаю своих ребят — не подведут! Нечего попустому слова тратить! — запальчиво возразил Шевченко.

Все переглянулись. Лазо уловил какое-то скрытое недовольство, но не показал виду и, еще более оживившись, продолжал беседу о воспитании бойцов и о подборе крепкого, надежного командного состава.

В комнату вошла хозяйка — предложила поесть и выпить чаю. Все обрадовались возможности замять неловкость, вызванную поведением Шевченко. За чаем беседа продолжалась. Лазо расспрашивал о жизни отряда, о настроении бойцов, о связи с населением.

— Ну, а как у вас с дисциплиной в отряде, товарищи? — неожиданно спросил Лазо и посмотрел сначала на командира, а потом на меня.

Мне пришлось сознаться:

— Дисциплина у нас хромает даже у командиров. Мы часто действуем на свой риск, не считаясь с общей обстановкой,— выступаем самостоятельно...

— Хорошо бы сегодня же собрать комсостав и поговорить с бойцами,— выразил желание Лазо.

На совещании командиров он доложил, что областной комитет партии и революционный штаб партизанских отрядов назначили его командующим, и попросил рассказать, как построены отряды, достаточно ли оружия, какова боеспособность их, каков состав командиров и что нужно было бы изменить в организации частей.

Беседа затянулась. Лазо интересовался всеми мелочами боевой жизни. В заключение рассказал о международной обстановке и о борьбе Красной Армии на колчаковском и других фронтах. Он нам говорил:

— Наши успехи зависят от результатов борьбы на основных фронтах Советской России. Организовывать здесь свою республику, защищать только свою деревню — нельзя. Мы должны рассматривать себя как часть общего фронта борьбы. Наша задача здесь — разрушать полотно железной дороги, разваливать тыл врага, мешать интервентам посылать оружие и снаряжение на колчаковский фронт, заставить белогвардейцев оттянуть свои силы с фронта в тыл. Разрушая тыл врага, мы поможем Красной Армии одержать победу!

Простые, но полные боевой силы слова глубоко западали в сердца командиров.

После совещания Лазо приказал построить партизанский отряд и перед всем строем произнес горячую речь, призывая к борьбе с контрреволюцией. Он подчеркнул, что люди, которым непосильна эта борьба, должны немедленно оставить отряд. Чтобы победить, требуется железная дисциплина! Но желающих выйти из строя не оказалось.

Лазо проделал большую работу по укреплению отряда. По его указаниям отряд был реорганизован, произведена более правильная разбивка на роты, взводы; прибывшие рабочие из Владивостока были влиты в те подразделения, где особенно чувствовались нездоровые крестьянские настроения. Приход Лазо всех как-то подтянул, и Шевченко, который так неприязненно встретил Лазо, подчинялся всем его распоряжениям и указаниям. Отряд зажил новой жизнью.

Простотой, скромностью, товарищеским отношением, четкими боевыми указаниями и чудесными пламенными речами Лазо быстро завоевал общее уважение.

Лазо никогда не давал необдуманных заданий и не отменял их. Его распоряжения в любой трудной обстановке были хорошо продуманы, обстановка изучена.

В мае, после нескольких дней пребывания Лазо в от-

ряде Цемухинской долины, белогвардейцы при поддержке японских войск повели из Шкотова наступление на деревню Новороссию.

Мы с Лазо сидели за топографической картой, обсуждая план военных действий. Вдруг прибегает с заставы села связист и докладывает, что к селу подходят белогвардейцы и японцы. Не успел он сказать, как по селу был открыт ружейный и пулеметный огонь. Поднялась паника. Партизаны бросились удирать в разные стороны. Командиры взводов, растерянные, бежали к штабу. Была попытка без всякой команды отойти по направлению к деревне Новая Москва. Лазо спокойно взял свою полевую сумку и сказал мне:

— Товарищ Мелехин, я буду командовать отрядом [1].

Мы быстро вышли на улицу. Лазо крикнул:

— Командиры взводов, немедленно собрать бойцов, принять боевой порядок!

Партизаны быстро вернулись, выстроились повзводно. Лазо, рассыпав отряд в цепь, впереди бойцов бросился к концу села — навстречу противнику.

Завязалась ожесточенная перестрелка. Разведка белых, обстрелявшая село, была быстро опрокинута, но за разведкой выступали большие силы противника, несомненно лучше вооруженные и численно превосходящие нас. Соотношение сил было очень неравное. Лазо дал четкий приказ, как надо отступать и куда. Отряд организованно, без потерь, отошел. Мы заняли удобную позицию на склоне горы, покрытой лесом, верстах в трех от деревни Новая Москва. Но противник, видимо опасаясь засады, дальше не наступал, и через некоторое время, оставив Новороссию, вернулся в Шкотово.

Лазо пробыл в отряде дней десять. За это время мне пришлось ближе познакомиться с ним в обыденной нашей партизанской жизни. Лазо внешне, особенно одеждой, не отличался от обычного партизана. С людьми он был очень приветлив.

Я всегда поражался, как мало он спал. Бывало, люди уже спят, в штабе, кроме дежурного, никого нет, горит маленькая керосиновая лампочка, а Лазо или сидит над топографической картой, или что-то пишет. Однажды я проснулся часа в четыре утра, вижу — он все еще пишет.

— Товарищ Лазо, пора спать, надо беречь свои силы!

— Я сейчас лягу, вот только допишу воззвание.

---

[1] Командир отряда Шевченко был в это время на заставе села.

Но, видимо, он так и не ложился — к утру воззвание к партизанам было отпечатано уже на машинке.

Лазо ложился спать обычно на лавке, положив под голову свою полевую сумку. Но сон у него был необычный, как будто и во сне он находился в полной боевой готовности. Стоило его разбудить в любое время, он моментально вскочит на ноги, проведет ладонью правой руки по лицу и отвечает на заданный вопрос, как будто он и не спал, а думал именно об этом вопросе. Всех нас поражала его организованность, уменье дать указания командирам в любой обстановке.

От нас Лазо поехал наводить порядок в других отрядах.

Вскоре наш отряд получил от Лазо приказ — вместе с другими отрядами направиться в район полотна железной дороги, идущего от Владивостока до Никольска-Уссурийского, и действовать в тылу противника: разрушать полотно железной дороги в районе Раздольная — Кипарисово с таким расчетом, чтобы, парализовав белых и интервентов, мешать отправке оружия в помощь колчаковской армии.

Приказ Лазо диктовал зайти в тыл противнику и направиться через каменноугольные Зыбунные рудники, где рабочие подготовились выступить против белых и перейти в наш отряд, но не могли этого сделать, так как рудники были оцеплены белогвардейцами.

По маршруту селений Новороссия, Многоудобное, Кролевец, Кневичи и Зыбунные рудники отряд двинулся выполнять оперативное задание Лазо.

Трудность была в том, что к конечному пункту отряд должен был прибыть не замеченным населением, дабы противник не мог разгадать наших планов.

На рассвете мы вышли за Новороссию и через отроги гор тропами перевалили в Майхинскую долину, между селами Майхе и Многоудобное. И снова тайгой, через цепь невысоких гор, покрытых лесом, достигли хутора близ села Кролевец, которое, оказалось, было занято канадцами (около четырехсот штыков).

Через шпионов-кулаков наше местопребывание было обнаружено. Канадцы повели наступление на хутор.

Хутор был расположен у подножия горы. Дорога к нему шла зигзагами по полям и лугам, а севернее хутора, в полутора верстах, поднимался невысокий хребет, покрытый лесом, который подходил к селу Кролевец и огибал его с трех сторон. Мы двинулись цепочкой по самому хреб-

ту в тыл противнику и расположились на хребте около села. Наше передвижение не было замечено.

Наступал вечер. Солнце огненным шаром лениво клонилось к закату и уходило за синевшие вдали вершины гор. В бинокль мы увидели, что канадцы походным порядком возвращаются в Кролевец. Через час примерно они пришли в село и расположились у подножия горы, раскинув палатки. Весь лагерь с горы, на которой мы находились, виден был как на ладони. Противник выставил у подножия горы посты. Люди наши, затаив дыхание, следили за происходящим в лагере противника. Канадцы находились от нас в пятистах шагах, не подозревая, что на горе, у подножия которой они расположились, находятся партизаны. Мы решили напасть на рассвете, рассчитывая, что после перехода канадцы будут крепко спать.

Партизаны всю ночь не спали. Хотелось проучить непрошеных гостей, чтобы им впредь неповадно было охотиться за партизанами.

Брезжил рассвет. Над селом стоял туман. Лагерь канадцев спал, только часовые время от времени шагали взад и вперед. Мы спустились ближе к подножию горы.

Наступал решительный момент. Затаив дыхание, бойцы тихонько, цепляясь за ветки деревьев, спустились на указанный им рубеж и ждали приказа. Палатки канадцев отстояли теперь от нас в ста пятидесяти шагах. Была подана команда «приготовиться», затем команда «огонь», и частая залповая ружейная стрельба прервала тишину ночи. Эхо перекатывалось волной, отдавалось далеко в горах.

Канадцы в панике бросились бежать. Слышна была команда офицеров принять боевой порядок, но солдаты в беспорядке отступали по направлению к селу и лишь минут через десять открыли беспорядочную ружейную стрельбу. Канадцы бежали по селу — это было их спасение, так как у нас было распоряжение Лазо в селах боя не устраивать во избежание гибели мирного населения.

Наша рота с тыла ударила по противнику; это заставило его пробираться вперед с боем. Заработали пулеметы канадцев и ружья-автоматы — ветки кустов, точно подстриженные, падали на наших бойцов. Канадцы пробили себе путь и отступили на Кневичи. Зло брало партизан — нечем было преследовать: у каждого оставалось не более пяти — десяти патронов.

В число наших трофеев попали палатки канадцев, несколько винтовок, две тысячи патронов, шесть кольтов,

ранцы, много шоколада, сигарет, консервов и обмундирования. Канадцы побросали даже свои шляпы и лайковые перчатки. После этого боя они уехали во Владивосток и больше уже не появлялись в этом районе.

Мы двинулись дальше. По пути в наш отряд вливались новые силы. В Кневичах к нам прибыла рота владивостокских рабочих с полным вооружением и снаряжением. Вскоре рабочие Зыбунных копей смогли обезоружить посты белых и присоединиться к нам. Отряд, получив такое подкрепление, через горы перевалил в район станции Кипарисово и отсюда начал успешно выполнять приказ Лазо.

На перегоне Кипарисово — Раздольная мы взорвали мост, на расстоянии версты спилили телеграфные столбы и пустили под откос поезд с вооружением и снаряжением, предназначенный для Колчака.

Захватив много винтовок и боеприпасов, мы хорошо вооружились.

После этого отряд цемухинцев двинулся тайгой и напал на винокуренный завод Пьянкова в семи-восьми верстах от Никольска-Уссурийского. Японская рота, охранявшая завод, была застигнута врасплох. Японцы выскакивали из казарм, пытаясь принять боевой порядок, но меткий партизанский огонь снимал одного за другим. Тогда японцы из окон казармы повели бешеный ружейный и пулеметный огонь. Было решено поджечь резервуары со спиртом, находящиеся рядом с казармой. Несколько отважных смельчаков бросились выполнять рискованное поручение. Быстро открыли резервуарные краны, зажгли паклю, и спирт воспламенился. Огненные языки охватили казарму.

В июне Лазо разработал генеральный план наступления на гарнизоны белых и интервентских войск, расположенных на Сучанской ветке. Надо было взорвать мосты, разрушить подъемники на перевалах Сучанской ветки, чтобы отрезать угольный район Сучана от Владивостока. Разрушить тыл Колчака, ускорить его падение, разбить интервентов было основной целью наступления. План был дерзновенный и смелый. Партизанам, наполовину вооруженным охотничьими берданками, предстояло столкнуться с врагом, вооруженным до зубов, численно их превосходящим. Но на стороне партизан было иное превосходство — преданность революционному делу, знание каждого кустика, каждой тропы в тайге и страстное желание победить.

Каждый отряд получил особое задание. В двадцатых числах июня отряды повели одновременное наступление на все пункты расположения противника. Почти все отряды выполнили план блестяще. Интервенты, видимо, совершенно не ожидали нашего наступления.

На всех участках партизаны здорово потрепали интервентов. И вполне естественно, что русская белогвардейщина совместно с интервентами начала лихорадочно готовиться к общему наступлению, чтобы ликвидировать партизанское движение в Приморье.

Из Владивостока и Никольска-Уссурийского были брошены крупные силы русских белогвардейцев и интервентов в Ольгинский уезд.

В бухтах Тетюхе и Чен-ю-вай высадились японские отряды. На станцию Кангауз Сучанской железнодорожной ветки из Владивостока прибыли большие эшелоны японских и американских войск и сразу же повели наступление на Владимиро-Александровку, Унаши, Перятино и другие села Сучанского района.

Всего, по имеющимся у нас сведениям, в Ольгинский уезд было брошено контрреволюционных войск вместе с интервентами около десяти тысяч штыков. У нас же было около трех тысяч во всех отрядах. Кроме того, мы еще не успели создать продовольственной базы в тайге на случай общего наступления контрреволюции.

Партизанским отрядам с боем пришлось отступить в тайгу.

Отступление было чрезвычайно трудным. Июльское солнце пекло невыносимо, отряд шел почти ощупью, без охотничьих троп. Партизаны выбивались из сил, взбираясь на крутые склоны гор. Многие шли босиком, с окровавленными ногами; продовольственные запасы подходили к концу, одолевала мучительная жажда. Всем хотелось пить. Но воду можно было достать только у подножия гор или же в расселинах, где иногда встречались горные родники.

Белые при поддержке интервентов заняли последние предтаежные деревни. Продовольственные ресурсы партизан иссякли, патроны были на исходе. Для партизанского движения наступили тяжелые дни. Неустойчивые элементы стали уходить.

В середине июля отряды стянулись в деревню Молчановку, где было созвано совещание командиров совместно с исполкомом Ольгинского уезда для обсуждения создавшего положения.

На совещании с речью выступил Лазо. Он сказал, что революция требует огромного напряжения, она не дается самотеком. Временные наши затруднения не есть поражение. Кто поддается панике в такой ответственный момент, тот недостоин носить высокое звание защитника октябрьских завоеваний и быть среди партизан.

Лазо предложил разбиться на более мелкие отряды и вести тактику внезапных налетов на белогвардейские гарнизоны и по-прежнему разрушать железнодорожные магистрали, чтобы парализовать отправку войск и боеприпасов на колчаковский фронт.

После совещания произошла реорганизация отрядов. Я со своим отрядом должен был перейти в Иманский район. Задача была не из легких. Трудность заключалась главным образом в переходе через высокие горы Сихотэ-Алинь, сплошь поросшие непроходимым лесом. Заходить в населенные пункты было очень рискованно — там можно было натолкнуться на белых и интервентов.

В конце июля отряд двинулся в поход.

В тайге, на тропе, идущей близ реки, мы заметили догоравший костер и свежепомятую траву. Сделав небольшую передышку, отряд осторожно двинулся дальше. Путь на этом участке был очень труден: то и дело он преграждался огромными вековыми деревьями, поваленными ветром. Вдруг мы услышали на скале свист. Отряд остановился, насторожась. В кустарнике что-то сильно затрещало, показались руки, разводящие ветки в стороны, потом голова в защитной фуражке, и вот перед нами во весь рост предстал Лазо.

Вид у него был изнуренный, болезненный, лицо покрылось какими-то пятнами, и только глаза его блестели по-прежнему. Обрадованные неожиданной встречей, партизаны окружили Лазо. Он рассказал нам, что при переходе из Ольгинского уезда в Никольск-Уссурийский заболел и задержался неподалеку здесь, на хуторе у крестьянина.

— Пусть бойцы отдохнут, а мы присядем вот здесь на лужайке и потолкуем о вашем переходе,— обратился ко мне Лазо.

Он сел на землю, вынул из полевой сумки карту и начал знакомить меня и командиров взводов с расположением сил противника.

— Анучино занято японцами. В этом районе вам необходимо двигаться с большой осторожностью. Более безопасный путь — через Муравьевку, Чугуевку, Новомихайловку, Уборку, Саратовку и Самарку, а дальше перева-

лите через горы и выходите к хутору Ариадное Иманского уезда. При движении по населенным пунктам надо разъяснять крестьянам цели нашей борьбы, выявлять среди крестьянской бедноты сочувствующих нам и из них создавать ячейки для связи с отрядами...

Долго еще Лазо вел беседу о наших дальнейших планах борьбы с контрреволюцией. Несмотря на свою болезнь, Лазо так ярко и страстно говорил, что мы слушали его с затаенным дыханием. Время шло незаметно. Жаль было расставаться с этим прекрасным человеком и любимым командиром.

Попрощавшись с Лазо, отряд двинулся дальше на север по указанному им маршруту.

Н. ИЛЬЮХОВ

Командующий «невидимым» фронтом

Вскоре после свержения власти Колчака, в самом начале февраля 1920 года, меня вызвали на заседание Военного совета. Мы с Сергеем Лазо не встречались с конца лета 1919 года, когда он по вызову обкома партии прибыл во Владивосток. Встреча наша была шумной и радостной. Лазо, одетый в новое английское обмундирование, выглядел по-праздничному. Несколько минут успели поговорить. Он расспрашивал меня о состоянии полка, которым я командовал, о настроении людей и о наших нуждах. В конце беседы я спросил его:

— Когда же японцы собираются уходить от нас?

Лазо улыбнулся, в стопке бумаг нашел какой-то приказ за его подписью, пальцем указал на свою фамилию и ответил:

— Генерал Оой заявил, что, пока приказы Военного совета подписывает Лазо, японцы не уйдут с русской территории.

Заявление свое генерал Оой сделал Роману Цейтлину после каких-то официальных переговоров с нашим дипломатом. Разумеется, генерал Оой сказал это, как он выразился, «не для протокола».

Разговор наш с Лазо слушали все члены Военного совета.

— Значит, генерал Оой предлагает нам сместить тебя с поста председателя? — с улыбкой спросил Алексей Луцкий.

Помнится, Всеволод Сибирцев мрачноватым тоном обобщил этот разговор словами:

— Коротыш знает, где раки зимуют.

«Коротышом» за малый, даже для японцев, рост называли генерала Ооя.

Интервенты понимали, что во главе вооруженных сил революции на нашей далекой окраине стоит полководец нового, советского типа, что он прежде всего коммунист. На полях сражений в Забайкалье в 1918 году он образцово сочетал в своей деятельности оперативное искусство с талантом организатора и воспитателя масс в коммунистическом духе. В Приморье в 1919 году, когда Лазо вышел

из подполья и занял пост командующего партизанскими отрядами, он снискал у партизан и у широких масс трудящихся уважение и безраздельную любовь.

Исключительно плодотворной, полной героизма была его работа по созданию в армии врага революционного «невидимого» фронта против самого же врага. В данном случае речь идет о работе среди насильно мобилизованных солдат вражеской армии, о переходе их на сторону революции.

Партизаны Приморья пытались проникнуть в стан врага. В июле 1919 года в гарнизоне Никольска-Уссурийского готовилось восстание солдат во главе с прапорщиком Чемеркиным. Но провокатор выдал участников готовившегося восстания, и они почти все погибли. Спасся лишь поручик Копылов, который под именем Андреева позже прославился как один из храбрых партизанских командиров. В августе того же года в 34-м полку на Сучане, где также была создана подпольная солдатская организация, охватившая чуть ли не половину состава полка, его командиру, полковнику Фролову, удалось предупредить восстание. Вожаков заговора Непомнящего и Макшимаса и связных с партизанами — крестьянок Харитину Дунаеву и ее дочь Клашу — расстреляли.

Были в эту пору и другие попытки организовать взрыв в частях колчаковской армии. Все эти попытки носили локальный характер, и почти всегда они заканчивались кровавой трагедией.

Положение изменилось со второй половины лета 1919 года. К этому времени Красная Армия надломила хребет колчаковской армии, Урал остался далеко за спиной нашего фронта. В связи с победами Красной Армии и ростом партизанского движения противоречия между солдатами и офицерами белой армии стали настолько глубоки, что большевистская работа в войсках противника сулила несомненный и скорый успех. И вот тогда Дальневосточный обком партии вызвал Лазо во Владивосток.

Лазо в то время заканчивал лечение в партизанском госпитале, находившемся на восточных склонах Сихотэ-Алиня вблизи Анучина. Таежными тропами, через кручи величавых гор и ущелий Сихотэ-Алиня шел Лазо. В верховьях Сучанской долины, там, где он начинал партизанскую борьбу, сделал остановку. Здесь дислоцировался Сучанский партизанский отряд. Состоялась наша встреча, взволновавшая не только партизан и их командиров, но и самого Лазо. Около двух суток пробыл он у нас. Часто

втроем — Лазо, Титов и я — уединялись и там, в тени кустарников Сергей рассказывал нам о создавшейся обстановке на Дальнем Востоке. Оказалось, что теперь во главе Дальневосточного обкома партии стал Петр Кушнарев, бежавший из концлагеря. По его инициативе обком вызывал Сергея во Владивосток, где намечались большие перемены. Там теперь был взят курс на решительное усиление работы в армии Колчака в расчете в ближайшее время завоевать подавляющие массы солдат армии противника на сторону революции. Сергей свои настроения выразил одной фразой: «В армии Колчака должен быть создан фронт против Колчака»...

Работа коммунистов, направленная на создание «невидимого» фронта, шла с исключительным успехом и проводилась в условиях строжайшей конспирации.

Крупные гарнизоны противника в Приморье располагались главным образом во Владивостоке и Никольске-Уссурийском. На Русском острове существовала школа, организованная при содействии английского генерала Нокса, готовившая офицерские кадры для колчаковской армии. В ней имелись два батальона офицерских и батальон унтерофицерских классов, слушателей примерно две тысячи человек. Кроме того, в городах Приморья находились подразделения инженерных частей и отдельный батальон егерей. По нашим расчетам, в этих городах общая численность войск противника определялась в десять тысяч штыков и сабель. Моральное состояние этих войск было подорвано неудачами Колчака в Сибири и изнурительными, как правило, неудачными боями с партизанами. Солдаты не верили в победу Колчака. Офицеры были на распутье.

17 ноября 1919 года во Владивостоке началось восстание генерала Гайды. Оно было подавлено войсками, верными колчаковскому генералу Розанову. Однако всем было ясно, что победа Розанова обусловлена не силой, а лишь тем, что ни Гайда, ни его друзья из эсеровского бюро военных организаций не оказались на высоте поставленных ими задач. Все они боялись делать ставку на восстание рабочих и солдат колчаковских частей. Они рассчитывали на чехов. Начав восстание, Гайда принял тактику обороны вокзала, где сосредоточились главные силы повстанцев. Оборона неизбежно привела к поражению. Словом, это восстание явилось наглядным примером того, как нельзя готовить восстание. Лазо изучил его опыт и сделал из этого нужные выводы: свержение колчаковской власти в городах,

где есть войска интервентов, возможно при условии завоевания солдатских масс.

И этим занялся Лазо. Обком партии выделил в его распоряжение самых опытных агитаторов и организаторов, которые составили кадры командиров «невидимого» фронта. Формируя этот фронт, он проявил себя как прекрасный подпольщик, специалист по работе в армии противника, обнаружил организаторский талант и умение готовить восстание.

В короткий срок заботами Лазо была создана сложнейшая система подпольных явок, где происходили встречи агитаторов и солдат, были отработаны применительно к условиям каждой воинской части формы и методы организации сил, подготовлены оперативные планы на день восстания.

Создавая «невидимый» фронт, Лазо и сам оставался невидимым, выполняя роль партийного агитатора, пропагандиста и организатора масс. Нам, в партизанский стан, он почти ежедневно писал письма, в которых информировал о ходе событий в Приморье, давал практические советы о том, как следует вести работу в армии врага, что надо делать, чтобы «не провалиться», и как дело довести до конца. Он писал, что в создавшихся условиях крушения колчаковщины «мы ведем линию на то, чтобы интервентов нейтрализовать».

Из переписки с Сергеем мы знали, как день за днем складывается «невидимый» фронт, как он укрепляется и события приближаются к развязке. К началу декабря Лазо сообщал, что «батальон егерей полностью наш», что «инженерная рота на Первой Речке — завоевана вся», что во всех частях гарнизона Владивостока созданы крупные организации и что там тоже все приближается к концу. Эти письма подбадривали нас с Титовым. Мы старались директивы Сергея о работе в армии противника после провала военной организации в 34-м Сибирском стрелковом полку проводить строго. Восстановили связи с солдатами, и к началу декабря этот полк был готов к восстанию.

4 декабря 1919 года ночью полк с четырьмя пулеметами и обозами перешел на сторону партизан. На Сучане был создан 1-й Дальневосточный советский полк. Мы об этом тут же донесли Сергею. Он ответил нам длинным письмом, в котором выражал радость по поводу таких событий. Письмо заканчивалось фразой: «Мы тоже скоро начнем!»

У Лазо особую заботу вызывала школа, располагавшаяся на Русском острове. Все помнили, что именно она по-

давила в ноябре восстание Гайды. Впрочем, после этого восстания там произошли существенные перемены. Благодаря заботам обкома партии и Лазо в школе была создана довольно крупная подпольная организация, во главе которой стали Яков Раевский (Маромчин), Подеревянский, Н. Мельников, братья Кулагины, Борис Рубцов и др. С этой организацией Лазо был связан через левого эсера Абрамова, входившего в Объединенный оперативный штаб. Особенность работы в школе состояла в том, что здесь не было надежды на переход на нашу сторону офицерского состава. Исключение составлял лишь капитан Нельсон-Гирс, который поддерживал связь с подпольной организацией. Начальник школы полковник Пешков отличался непримиримой реакционностью.

К исходу декабря многие подразделения воинских частей Владивостока и Никольска-Уссурийского находились под влиянием большевиков. В связи с этим остро стал вопрос о нашей тактике, о том, под какими лозунгами должен совершиться переворот, какова будет власть после переворота.

После острых, но непродолжительных дискуссий коммунисты уже к началу января 1920 года пришли к единодушному заключению о том, что в условиях жесточайшего оккупационного режима восстание не может проходить под советскими лозунгами. Лазо об этом предупредил все воинские части. Но этого было мало. «Земские лозунги» сами по себе тоже не могли гарантировать победу восстания. Все помнили печальный опыт восстания Гайды, когда японцы расстреливали повстанцев несмотря на то, что на их знаменах красовались требования Сибирского учредительного собрания.

Анализ хода событий показал, что восстание может победить только в том случае, если в результате него произойдет решительное изменение в расстановке классовых сил, при котором враг полностью окажется изолированным от масс, останется без солдат и потому некому будет стрелять по повстанцам. Если вокруг партии коммунистов объединятся широкие массы, ни одна партия не посмеет претендовать на роль гегемона в этом восстании. Только в этом случае свержение колчаковской власти могло произойти «без выстрела». Вместе с тем в результате такого «бескровного» переворота интервенты будут лишены возможности вмешаться в ход событий и вынуждены занять позицию нейтралитета.

24 января 1920 года началось восстание в егерском ба-

тальоне во Владивостоке. Солдаты создали комитет, но генералу Розанову удалось разоружить батальон.

В ночь на 26 января 1920 года образовался Объединенный оперативный штаб военно-революционных организаций, председателем которого был назначен Лазо. Этот штаб возглавил подготовку вооруженного восстания.

В день образования Объединенного оперативного штаба Лазо обратился к консулам всех держав, принимавших участие в интервенции, со специальным посланием, в котором он требовал невмешательства в ход событий в Приморье и предупреждал консулов о том, что власть Колчака в ближайшие дни будет свергнута.

День 26 января принес важные вести. Гарнизон Никольска-Уссурийского целиком перешел на сторону партизан, в город вошел отряд А. Ф. Андреева. В тот же день Спасск занял партизанский отряд И. Певзнера, а Иман капитулировал перед партизанами отряда И. Мелехина. На подступах к Шкотову позиции занял с бронепоездом 1-й Дальневосточный советский полк. Сучанские копи обложили партизаны 2-го Горно-Сучанского и 2-го Ольгинского батальонов партизан. Более того, события в этот день развернулись там, где, по мысли генерала Розанова, власть была незыблема. Речь идет о школе на Русском острове.

25 января начальник школы полковник Пешков получил приказ приступить к отправке школы через Корею и Китай в Забайкалье к атаману Семенову. Вскоре в школе узнали об эвакуации. Во всех подразделениях началось волнение. Третий унтер-офицерский батальон, где была наиболее сильной организация революционных подпольщиков, решил действовать. Он блокировал офицерское собрание, где полковник Пешков проводил совещание, и арестовал около шестидесяти человек во главе с начальником школы. После этого восставшие направились в остальные два батальона, которые перешли на их сторону. К ним присоединился и батальон егерей, который был выслан Розановым из Владивостока на Русский остров.

К исходу 26 января Русский остров оказался, таким образом, на стороне революции. Ночью того же дня один из руководителей восстания, Подеревянский, с группой солдат отправился в город, чтобы связаться с Лазо и рассказать о событиях на острове. За ночь по льду они прошли около 16 километров и к утру были в городе. Там с помощью Абрамова связались с Лазо. Весть с Русского острова была радостной. Генерал Розанов приказал командиру

ледокола взломать лед между Русским островом и Владивостоком и тем самым лишить гарнизон острова возможности оказать помощь оперативному штабу. Лазо выслал на ледокол своего представителя Румянцева, который должен был не допустить выхода ледокола в море. Эта задача была успешно решена: команда ледокола перешла на сторону революции, приказ генерала Розанова сорван.

К 27 января все главные населенные пункты Приморья оказались в руках партизан и перешедших на их сторону бывших колчаковских войск. В самом Владивостоке не осталось ни одной воинской части, готовой защищать старый режим.

Потеряв всякую надежду сохранить власть, генерал Розанов решил пустить в ход последнюю карту. Он собрал всех офицеров гарнизона в штабе и обратился к ним с тревожной речью. Он говорил, что солдаты оказались «изменниками родины» и на них теперь опереться нельзя, что есть единственная сила, на которую может рассчитывать «родина», это офицеры. Из числа собравшихся был создан ударный офицерский отряд, командиром которого назначили полковника Зеневича.

Но и этой затее генерала Розанова суждено было провалиться. Полковник Зеневич, выслушав приказ генерала, вышел из штаба и направился в Приморское областное земство, где по его просьбе ему дали связь с Лазо. Оказавшись перед лицом командующего «невидимым» фронтом, полковник принял стойку «смирно» и отрапортовал, что он, полковник Зеневич, и его офицерский отряд поступают в распоряжение оперативного штаба и его командующего. Школа, а за ней и офицеры гарнизона Владивостока перешли на сторону народа.

В ночь на 31 января Центральное бюро профессиональных союзов по решению обкома партии призвало рабочих Владивостока начать всеобщую стачку. В ту же ночь Лазо направил консулам второй меморандум, текст которого был выработан им совместно с председателем обкома партии Кушнаревым. В меморандуме говорилось, что революционные войска немедленно приступают к занятию крепости и города Владивостока и его окрестностей. Консулы молчали. В японском гарнизоне не было заметно каких-либо передвижений. Американские войска тоже не проявляли признаков беспокойства. Только «международная полиция» патрулировала по главным улицам города.

Утром 31 января по приказу Лазо я, как командир 1-го Дальневосточного советского полка, получил приказ

двинуть главные и лучшие свои силы с артиллерией и пулеметами в сторону Владивостока. Бронепоезд был направлен к станции Угольная, через станцию Шкотово он прошел благополучно. Японцы его не задержали. Кстати, этот бронепоезд, действовавший у Колчака под названием «Единение России», теперь под командой прежнего своего командира, капитана Погребняка, именовался «Освободитель» и должен был взаимодействовать с бронепоездом № 3, находившимся на станции Никольск-Уссурийский. На Угольной бронепоезд принял роту полка под командой Овсянникова и направился в сторону станции Океанская. Вслед за бронепоездом пешим порядком шла теперь рота партизанского полка, которая имела задачу занять станцию Угольная, а затем выдвинуть свой караул в сторону Кипарисовских тоннелей и занять их.

Ранним утром бронепоезд «Освободитель» с ротой партизан на его платформах занял станцию Первая Речка. Над его вагонами развевались красные знамена.

В это же время, руководствуясь приказами оперативного штаба, воинские части Владивостока занимали государственные здания, телеграф и почту. Все проходило так, как будто в обычной гарнизонной службе сменялись караулы: ни выстрела, ни тревожных команд. Никто не мог подумать, что свергается колчаковская власть.

А генерал Розанов в это знаменательное утро 31 января с адъютантом и парой денщиков воровски пробирались глухими улицами к пристани, где стояли катера.

В одиннадцать часов утра все было закончено. Власть Колчака в Приморье пала.

Заслуга коммунистов Приморья и их военного руководителя Сергея Лазо состояла в том, что они применили гибкую тактику в организации антиколчаковского восстания, сумели привлечь солдат противника на сторону революции, поднять на борьбу с колчаковщиной. Более того, многие офицеры последовали примеру солдат. Рухнула опора интервентов, которые были вынуждены заявить о своем нейтралитете при свержении колчаковской власти.

Никто из нас, тем более Лазо, не поддавался тогда иллюзиям. С нейтралитетом интервентов связывалась победа восстания. Но совсем не исключалось их вмешательство. Оперативный штаб предусматривал эту возможность. В приказах, которые мы тогда получали от Лазо, говорилось, что при непосредственной угрозе со стороны противника, при его попытке разоружить восставшие части, предлагалось оказывать решительное сопротивление, а в

случае провала восстания после боя оставить города. Части, перешедшие на сторону народа, вместе с партизанами предполагалось использовать для борьбы против интервентов и белогвардейцев. Эта мысль в преобразованном виде легла после 31 января 1920 года в основу планов Лазо, предложенных им Военному совету. В связи с этим в предвидении возможного выступления японцев Военный совет решил начать подготовку к партизанской войне. С этой целью были созданы два конспиративных центра, названные им партизанскими штабами. Один из них дислоцировался в Никольске-Уссурийском, его возглавил Андреев, другой находился в Шкотове, и руководство им было поручено мне.

Набросок этого оперативного плана Лазо сделал в феврале 1920 года, когда он с М. И. Губельманом ездил по гарнизонам Приморья. После возвращения из поездки меня и Андреева вызвали на заседание Военного совета, который принял решение о подготовке к партизанской войне на случай выступления японцев. Таким образом, бескровный переворот вовсе не исключал нашу подготовку к активному вооруженному сопротивлению. У Лазо в этот период было два плана. Один из них дополнял другой.

М. САХЬЯНОВА

Полководец и политический деятель

Сергей Лазо. При этом имени передо мной возникает чудесный образ молодого коммуниста, полного кипучей революционной энергии.

Лазо прожил короткую, но яркую и плодотворную жизнь. Его борьба за победу Октябрьской социалистической революции и в защиту Советской власти от интервентов и белогвардейцев завоевала сердца рабочих и крестьян Сибири и Дальнего Востока. Его имя стало легендарным еще при жизни. Как по крутому склону высокой горы, поднимался Сергей Лазо от этапа к этапу борьбы за Советскую власть, он рос и развивался вместе с развитием революции. Начав свой революционный путь в феврале 1917 года в пролетарском Красноярске, он закончил его в 1920 году в далеком Владивостоке, отдав жизнь борьбе за изгнание интервентов и белогвардейцев.

Мы, иркутяне, тесно связанные с красноярскими большевиками, слышали от них о Лазо как о преданном и активном борце за Советскую власть. Впервые я увидела и услышала Лазо в Иркутске в октябре 1917 года на I Общесибирском съезде Советов, где он выступал как делегат Красноярского Совета. Содержательное и эмоциональное выступление Лазо обратило на себя внимание делегатов съезда.

Второй раз он приехал в Иркутск в декабре 1917 года во главе одного из отрядов Красноярского Совета в помощь иркутянам в дни ожесточенной вооруженной борьбы иркутских рабочих и солдат с антисоветским юнкерским мятежом. В этих боях, длившихся восемь дней, Лазо показал себя храбрым и умелым командиром. Это было его первым боевым крещением.

После подавления юнкерского мятежа Лазо был назначен комендантом Иркутска и начальником гарнизона. Как боевой командир и организатор революционного порядка в городе, он завоевал симпатию и любовь рабочих и солдат Иркутска, всегда деятельный и общительный, приобрел много друзей среди партийного и советского актива города. Хотя Лазо в этот период не состоял в рядах нашей партии, ни мы, коммунисты, ни он сам не замечали этого, так

как по всем вопросам революции он был с нами. Помню, Лазо заходил к нам в Иркутский комитет партии, чтобы поговорить, посоветоваться с тем или другим товарищем или поговорить по телефону по вопросам своей работы. Нас привлекала его простота и непосредственность общения с людьми, забота об укреплении только родившейся Советской власти.

Лазо, популярный и любимый краспоярцами и иркутянами, завоевал симпатии и доверие делегатов II Всесибирского съезда Советов, проходившего в Иркутске в феврале 1918 года. На этом съезде он был избран членом Центросибири и назначен командующим Забайкальским фронтом против ставленника интервентов атамана Семенова. Доверие, оказанное ему съездом, Лазо оправдал полностью.

В конце августа 1918 года под напором превосходящих сил интервентов и белогвардейцев пала Советская власть в Забайкалье. Сергей Лазо отступал из Забайкалья, отбиваясь от врагов, прикрывая отход войск на Амур. В пути он распускал бойцов и командиров, оставляя им оружие и рассредоточивая их по территории Восточного Забайкалья и Амурской области. Позже районы, где осели бойцы и командиры Забайкальского фронта, стали районами наиболее широкого и организованного партизанского движения.

После длительного скитания по тайге Лазо с женой Ольгой нелегально добрались до Владивостока. Как только они установили связь с нашей подпольной организацией в январе 1919 года, мы с А. Н. Сафоновой, секретарем партийного комитета, пошли к ним в Голубиную падь, где они жили в маленькой комнатушке. Лазо встретил нас радостно, как старых товарищей по Иркутску. Он познакомил нас со своей женой, Ольгой Андреевной Грабенко, членом партии с 1914 года, студенткой Томского университета, участницей боев в Забайкалье в рядах Аргунского казачьего полка. Перед нами стояла красивая пара молодых боевых товарищей. Мы заметили, как Сергей бережно относился к Ольге, ожидавшей ребенка. При нас он принес воды, дрова, затопил плиту и поставил чайник. Они угостили нас, чем были богаты,— хлебом, соленой кетой и чаем. Не раз я была позже свидетелем того, как тревожится и заботится Сергей об Ольге и маленькой дочке Аде.

Ольга Андреевна, красивая украинка со светлыми волосами, строгими античными чертами лица и мягким взглядом серо-голубых глаз, сразу нам понравилась. Мы

с Александрой Николаевной радовались, что Сергей и Ольга после тяжелых испытаний в боях и скитаниях сохранили здоровье и боевой дух. Они нас закидали вопросами об условиях партийной работы во Владивостоке, о настроениях масс. Сам же Лазо с горечью рассказал нам о вынужденном отступлении, некоторых ошибках нашего военного командования на Байкале. В частности, он сожалел, что не были взорваны тоннели па Кругобайкальской железной дороге — это на длительное время прервало бы коммуникации интервентов между Дальним Востоком и сибирской контрреволюцией и затормозило бы снабжение их фронта против Советской России живой силой и военными материалами. Лазо переживал трудности и ошибки прошлой работы, но думал уже о предстоящем. Он интересовался политической обстановкой в Приморье, обрадовался, когда узнал, что во Владивостоке и Приморской области ведут нелегальную работу многие иркутские и забайкальские коммунисты, которых он хорошо знал.

Приезд талантливого политического и военного деятеля, накопившего ценный опыт вооруженной борьбы, имел большое значение для подпольной большевистской организации. Вскоре его избрали в состав Владивостокского партийного комитета, который был преобразован затем в Дальневосточный областной комитет РКП(б). В какой-то момент обстоятельства сложились так, что Лазо должен был покинуть Владивосток: его уже разыскивала белогвардейская контрразведка. ДВК РКП(б) вынужден был отправить его на таежную базу, где укрывались видные коммунисты Приморья: М. И. Губельман, Ф. В. Шумятский, Г. Ф. Раев, В. П. Владивостоков, Давыдов и др. Лазо там оказался с коммунистами, прекрасно знавшими политические, экономические и природные условия Приморского края. Любознательный и пытливый, Лазо многое узнал от товарищей о жизни и борьбе рабочих и крестьян края. В суровых условиях тайги и сопок Лузинского ущелья он приобрел много полезных навыков, пригодившихся ему позже в партизанских походах.

Быстро развивавшееся партизанское движение все настойчивее требовало авторитетного и квалифицированного партийного руководства.

В этот период в ДВК РКП(б) и в рядах партийной организации Владивостока широко обсуждался вопрос об усилении партийного руководства партизанским движением. Громадное большинство организаций высказалось за развертывание партизанского движения в крае, считая,

что оно окажет помощь борющейся Красной Армии, отвлечет значительные силы Колчака и интервентов от фронта, а разрушение коммуникаций врага помешает снабжению белогвардейского фронта.

Когда Колчак объявил мобилизацию, ДВК РКП(б) выдвинул лозунг «Ни одного солдата Колчаку» и призвал рабочих и крестьян ответить дружным отказом идти во вражескую армию. Начиная с марта 1919 года партийная организация стала направлять в партизанские отряды в тайгу коммунистов и рабочую молодежь. Туда же шло вооружение, боеприпасы, продовольствие, обмундирование и медикаменты, которые с трудом удавалось добывать у интервентов и белогвардейцев.

В конце апреля 1919 года во Владивостоке была созвана нелегальная Дальневосточная областная партийная конференция РКП(б). Она вынесла решение об усилении партийного руководства растущим партизанским движением в крае. В мае 1919 года Сергей Лазо с группой партийного актива был направлен в партизанские районы Приморья.

Сергея Лазо знали многие командиры и активисты партизанских отрядов по прошлой совместной борьбе в Иркутске и в Забайкалье — М. В. Титов, М. Д. Иванов, А. А. Ширямов, И. М. Певзнер, Ф. И. Петров-Тетерин, К. И. Жук-Макарова, И. Лунев и др. Поэтому его встретили там с большой радостью. Хороший организатор масс, Лазо быстро вошел в партизанскую среду и завоевал авторитет. Избранный командующим партизанскими отрядами Приморья, он в короткий срок создал дисциплинированную партизанскую армию. Вместе с командирами отрядов разработал план разгрома японских и американских гарнизонов, охранявших Сучанскую ветку Уссурийской железной дороги. Внезапным и одновременным ударом партизанских отрядов была разгромлена охрана железнодорожной ветки, разрушены пути и станционные сооружения. Сучанская ветка была выведена из строя. В результате на долгий период прекратилось снабжение сучанским углем Уссурийской железной дороги, Владивостока, задержалась отправка колчаковских солдат на уральский фронт.

Одновременно с партизанами Южного Приморья партизанские отряды Никольска-Уссурийского, Спасского, Иманского районов наносили удары по линии Уссурийской железной дороги и Свиягинской ветке.

Летом 1919 года интервенты и колчаковцы бросили против партизан Приморья крупные вооруженные силы.

Партизанские отряды вынуждены были временно отступить и рассеяться по тайге и сопкам глубинных районов области. Лазо, у которого во время скитаний обострилась болезнь почек, попал в таежный госпиталь, откуда смог выйти лишь осенью.

Широкая партизанская война была поддержана мощным забастовочным движением рабочих Владивостока, Никольска-Уссурийского, железнодорожников Уссурийской, а затем Китайско-Восточной железных дорог. Борьба рабочих и крестьян под руководством большевиков нанесла чувствительный удар по тылу интервентов и Колчака. Она была высоко оценена Дальневосточным областным комитетом РКП(б).

Лазо удалось вернуться во Владивосток только в ноябре 1919 года.

В один из ноябрьских вечеров я встречала Лазо на станции Океанская, как было условлено. Нашла его на бульваре около станции, где он прогуливался. Пошли пешком в сторону Владивостока, зная, что в пути нас возьмут на поезд первореченские железнодорожники. Долго шли вдоль железнодорожных линий, рассказывая друг другу о партизанских и городских делах. Оказалось, что Лазо знает о директивах обкома партии по подготовке вооруженного восстания. Он был воодушевлен стремительным наступлением Красной Армии в Сибири и горел желанием быстрее включиться в работу по решению главной задачи, поставленной обкомом партии.

Стояла теплая, светлая лунная ночь. Где-то в районе Седанки появился товарный поезд, затормозил, и знакомый голос окликнул меня. Это Иван Иванович Ершов, чудесный коммунист-железнодорожник. Мы взобрались на паровоз и вскоре сошли на Первой Речке. Я привела Лазо к рабочему железнодорожных мастерских Михаилу Ивановичу Шуликову, который жил с семьей в бараках. Лазо пробыл несколько дней у них. Под опекой его жены Евгении Георгиевны привел себя в порядок и отдохнул, а потом перешел на другую, более безопасную квартиру.

Лазо возглавил военный отдел обкома. С его приездом работа обкома стала активнее и по-настоящему боевой. В конце 1919 года политическая обстановка в крае изо дня в день накалялась и все явственнее чувствовалось приближение революционного взрыва.

В этот период Красная Армия быстро продвигалась на восток, освобождая города и села Сибири, окружая и уничтожая колчаковские войска. В помощь Красной Армии все

шире разгоралась партизанская война. Разлагалась и разваливалась колчаковская армия. Многие ее части, укомплектованные насильно мобилизованными рабочими и крестьянами, переходили на сторону Красной Армии.

Тот же процесс проходил и на Дальнем Востоке. Дальневосточный областной комитет партии должен был оценить складывающуюся обстановку, выработать тактику борьбы, создать военную организацию для руководства вооруженной борьбой и восстанием. Всеми этими вопросами и занялся Лазо с И. Г. Кушнаревым и другими работниками обкома.

В этой работе Лазо проявил свои творческие способности, высокое чувство ответственности и необыкновенную энергию. Два коротких месяца до январского восстания он работал с предельным напряжением сил, не зная отдыха, зачастую уделяя сну 3—4 часа в сутки; любил коллективно обсуждать с членами обкома неясные и сложные вопросы партийной работы, умел четко анализировать обстановку и обобщать полученные данные.

Свою деятельность в городе Лазо начал с изучения характера и итогов ноябрьского восстания во Владивостоке. По этому вопросу была опубликована его статья в газете «Коммунист», издававшейся Дальневосточным обкомом РКП(б) в декабре 1919 года — январе 1920 года. Во всех четырех вышедших номерах газеты были помещены статьи Лазо по вопросам тактики партийной организации. Ознакомившись с работой военного отдела обкома и его связями с боевыми дружинами, военно-морскими частями и партизанскими отрядами, продумав вопросы партийного руководства предстоящим вооруженным восстанием, он внес предложение в обком партии о создании Военно-революционного штаба коммунистов. Дальневосточный комитет принял его предложение и создал областной Военревштаб в составе девяти человек. Штаб начал свою деятельность с первых чисел января 1920 года.

В состав Военревштаба кроме С. Лазо, И. Г. Кушнарева и Г. Ф. Раева вошли такие опытные работники военного отдела обкома, как Ф. В. Шумятский, В. П. Шишкин, И. И. Ершов, и др. В своей деятельности Военревштаб опирался на широкую сеть партийных ячеек предприятий, порта, учреждений и колчаковских частей гарнизона Владивостока и на партизанские отряды Приморья. Сергей Лазо был одним из авторов информации о деятельности Дальневосточного областного комитета партии в ЦК РКП(б) и Совнарком.

На Дальнем Востоке накалялась обстановка, повсеместно нарастало повстанческое движение под лозунгом восстановления Советской власти. В белогвардейских воинских частях шло быстрое разложение: многие из них уходили в партизанские отряды, в других началось организованное сопротивление командованию.

Обком, учитывая создавшуюся обстановку во Владивостоке, решил провести восстание под флагом установления власти Областной земской управы. Эта тактика могла удовлетворить интервентов, искавших после краха Колчака пути выхода из создавшегося положения. Для руководства восстанием был создан Объединенный оперативный штаб (ООШ), который возглавил Сергей Лазо. В подготовке и проведении восстания он опирался на партийные организации Приморья и на Военно-революционный штаб обкома партии. Из документов видно, как талантливо и искусно он провел политическую и военно-техническую подготовку и осуществление вооруженного восстания 31 января 1920 года...

После свержения колчаковской власти в Приморье Сергей Лазо стал фактическим руководителем Приморского военного совета. С огромной энергией и увлечением занялся он созданием регулярной революционной армии из рабочих, партизанских отрядов и бывших колчаковских частей, перешедших на сторону партизан.

Новая армия строилась по типу Красной Армии. Военный совет и некоторые воинские части предполагалось перевести в Хабаровск. Но эти планы осуществить не удалось. Помешало вероломное нападение японских оккупантов 4—5 апреля на партизан и революционные войска в городах Приморья. Японские интервенты жестоко расправились с Сергеем Лазо и его соратниками, членами Военного совета Всеволодом Михайловичем Сибирцевым и Алексеем Николаевичем Луцким.

Враги Октябрьской революции — интервенты и белогвардейцы,— не раз испытавшие удары Лазо, посвятившего три года беспрерывной вооруженной и политической борьбе в Сибири и на Дальнем Востоке за власть Советов, смертельно ненавидели его и лелеяли мечту об его уничтожении.

В моей памяти навсегда остался вдохновенный образ Сергея Лазо, простого и хорошего товарища, человека разносторонне одаренного, поражавшего нас гармонией духовной и физической красоты, не жалевшего своей жизни ради победы Советской власти и коммунизма.

Т. ГОЛОВНИНА

Любовь к жизни

Молодости свойственны задор и бесстрашие. Поэтому, несмотря на то, что по улицам Владивостока шныряли агенты белой контрразведки и город был наводнен интервентами, группа партийных подпольщиков решила собраться и встретить новый, 1920 год.

На Первой Речке в небольшом домике, где жила семья рабочего Временных вагоносборочных мастерских Николая Меркулова, собрались те, кто уцелел от арестов и кому удалось бежать из мест заключения. Для обеспечения безопасности выставили наружный караул, и товарищи по очереди дежурили, наблюдая, не появилась ли на улице подозрительная фигура. Я в то время числилась в военно-окружном суде «беглым арестантом», и рабочий Красный Крест после моего побега из-под конвоя вручил мне паспорт на имя Амалии-Мальвине Нератнис.

Соблюдая правила конспирации и оглядываясь, не прицепился ли за мной «хвост», вхожу в квартиру Меркулова. Раздаются радостные восклицания собравшихся, многих из них за время пребывания в партизанском отряде и тюремного заключения я не видела более года.

Вот они, милые лица боевых друзей!

Посреди комнаты, стоя на одном колене с гитарой в руках, закинув серебряную голову, напевает дядя Федя (Федор Васильевич Шумятский). Окружив его, стоят товарищи с веселыми, оживленными лицами и подпевают гитаристу: «Мы — кузнецы, и дух наш молод...»

Среди знакомых вижу одного неизвестного. Он выше среднего роста, плечистый, волосы закинуты назад, темные выразительные глаза, брови, как крылья птицы, раскинулись слегка кверху, отчего создается немного удивленное выражение лица, о котором впоследствии писатель Фадеев выразится так: оно «было удивительно интеллектуальной красоты».

«Кто это?» — спрашиваю я. «Это Сергей Лазо»,— отвечают мне. Так вон он, легендарный командующий Забайкальским фронтом, гроза белогвардейцев, а здесь, в кругу друзей, не только скромен, но как-то даже застенчив.

Мы, молодежь, сели в уголке на полу в маленькой передней, и Зоя Секретарева начала рассказывать нам, как

хоронили Костю Суханова, председателя Владивостокского Совета, предательски убитого белочехами 18 ноября 1918 года. Сергей подошел к нам, наклонился и стал слушать, потом вступил в разговор, и тут мы заметили, что он слегка приятно картавит.

Поздно разошлись в ту новогоднюю ночь. С тех пор Сергей и подружился с нашей молодежной группой, куда входили: Зоя Секретарева (Зоя Большая), Зоя Станкова (Зоя Маленькая), Таня Цивилева, Настя Нешитова, Оля Левич, Миша Вишлин (Костя Серов), Всеволод и Игорь Сибирцевы, Саша Фадеев, я и др.

Мы часто встречались на собраниях, заседаниях и в товарищеской обстановке. Помню, как однажды я присутствовала на заседании военного отдела областного подпольного комитета, который возглавлял Сергей Лазо: отчитывалась в выполнении задания по организации «цепочки» для связи военного отдела с сельскими подпольными организациями. В «цепочку» включались учителя сельских школ. Приморское учительство в своем большинстве было революционно настроено и сыграло большую роль в партизанском движении. Информация партийному подпольному комитету о настроении в деревнях и о том, что делалось в крае, когда началось партизанское движение, возлагалась на коммунистов, работавших инструкторами Союза приамурских кооперативов. Эта группа состояла из Игоря Сибирцева, Александра Першакова, Ивана Харитонова, Ольги (Изольды) Филипповской, Тамары Головиной и других. Выезжая в командировки, они присматривались и изучали политическое настроение крестьян.

Лазо был эрудированным человеком, и поэтому к его высказываниям на собраниях внимательно прислушивались.

Виделись мы и на квартире у кого-нибудь из наших ребят. По улице Буссе в небольшом домике в рабочей семье снимали комнату Миша Вишлин и Саня Бердников. Они работали грузчиками в порту. У них любили собираться наши товарищи. Однажды здесь затеяли вечеринку — это было 7 января 1920 года, на нее пригласили Сергея Лазо. В шумной компании было весело. Пели песни, сыпались рассказы, делились впечатлениями о событиях пережитых дней, а утомившись, уселись на полу, и Сергей начал рассказывать нам молдавские сказки. В такие часы его лицо становилось улыбчивым и светилось такой мягкостью и приветливостью, что мы, как зачарованные, слушали дивные народные сказания его родного края.

Однажды мы шли с ним по Светланской улице (ныне Ленинской) мимо зданий морских флигелей, в одном из которых жила его жена Ольга с маленькой дочкой Адой. Разговор был о подозрительных перегруппировках японских частей и об укреплениях, которые они возводили в самом городе. И вдруг Сергей как-то внутренне расцвел и с особой нежностью воскликнул: «Знаете, Тамара, какая у меня хорошая дочка растет!» Этот контраст в темах и тоне так поразил меня, что запомнился на всю жизнь. Возникает в воображении картина: большое заснеженное поле, и вдруг с краю обнаруживаешь веселый журчащий ручеек, выбегающий из-под холодного снежного покрова. Так и Сергей умел преображаться, переходя от собранного, серьезного и даже порой сурового тона к задушевному, теплому, дружескому. В эту пору я несколько раз заходила к Ольге и видела маленькую Аду, которая была очень похожа на отца.

Особенно большое удовольствие доставляли Сергею поездки за город. Выбрав свободный денек, мы нашей дружной компанией выезжали в живописные места. При свете горячего солнца краски могучих зеленых крон богатого по разнообразию леса, волны бирюзового моря, оставляющие белоснежное кружево на желтом песке берега, становились особенно яркими. И Сергей, глядя на эту красоту, говорил: «Как природа снимает озабоченность и превращаешься в шаловливого юнца». Он играл с нами в пятнашки, пел песни, шутил и заразительно смеялся.

Но были и другие встречи. По конспиративным соображениям Лазо не жил вместе с семьей, а занимал комнату в нижнем этаже деревянного двухэтажного дома на Мальцевской. Несколько раз мы приходили к Сергею и вслух по очереди читали материалы VIII съезда РКП(б). Чтение заканчивалось чаепитием и разговорами на общие темы.

Хорошо помню последние встречи с Лазо накануне трагической гибели трех молодых прекрасных революционных борцов. Был весенний день 4 апреля 1920 года. Я пришла в редакцию газеты «Красное знамя», располагавшуюся в то время в казарме Сибирского флотского экипажа, в районе Мальцевской. Там я встретила Зою Секретареву — она была секретарем редакции. Зоя сообщила, что провожает сегодня товарищей, отъезжающих в Хабаровск, куда перебазируется Военный совет. Мы пошли в гостиницу «Золотой Рог» и по пути встретили Сергея Ла-

зо — неподалеку от его квартиры. Он сказал, что должен переговорить по телефону с Романом Цейтлиным — членом смешанной комиссии по переговорам с японцами. Мы вошли в комнату к Сергею, откуда он вел разговор с Романом Цейтлиным. Цейтлин сообщил, что переговоры прошли успешно и что японцы подписали соглашение, где наряду с другими пунктами был пункт о сохранении нейтралитета японским командованием. Сергей извинился перед Зоей, что не успел переписать свою речь, произнесенную 3 апреля 1920 года в Народном доме на заседании Владивостокского Совета. Эту речь впоследствии он передал Зое, когда уже был арестован японцами. Зое мы обязаны сохранением этого текста, который находится в Хабаровском госархиве и был напечатан в газете «Красное знамя» 27 апреля 1920 года. Тогда же Сергей передал мне и Зое свои фотокарточки с надписью на обратной стороне: «В память о встрече 7-го января 1920 года. С. Лазо».

Несмотря на успокаивающие сообщения о подписании соглашения с японцами, на душе было тревожно. Казалось, что японское командование затевает какую-то каверзу. Озабоченным был и Сергей. Подходя к «Золотому Рогу», он указал на балкон второго этажа каменного здания напротив гостиницы и воскликнул: «Вот вам еще новая укрепленная точка. Зачем тут лежат мешки с песком, а между ними виднеется дуло пулемета? Отсюда можно вести огонь и по гостинице, где живут наши военные товарищи, и по зданию Земской управы».

Когды мы вошли в номер товарища Туманова (Костарева), там уже были Всеволод Сибирцев, Борис Мельников, Зоя Станкова, Ольга Левич и др. Сам Костарев был в командировке, и хозяйничала его жена, Ольга Левич. На этот раз все были сдержанны, говорили главным образом о текущих событиях и о предстоящем отъезде. Довольно поздно вечером вошел военный и, обратившись к Сергею Лазо, доложил: «Товарищ Лазо, японцы занимают вокзал».

Лазо, Сибирцев, Мельников отправились на двух извозчиках по Светланской улице на Полтавскую (ныне улица Лазо). Я подсела к ним — спешила домой. У здания следственной комиссии (Полтавская, № 3) товарищи вышли, а я поднялась и на углу Нагорной (ныне улица Суханова) встретила доктора Фортунатова — председателя следственной комиссии. Он спросил меня: «Что делается на улицах?» А на улицах слышалась стрельба: японцы занимали намеченные ими объекты.

Дома я переоделась в теплое платье и верхними улицами пошла на Мальцевскую, решив предупредить на квартире Лазо о возможном обыске. Хозяином квартиры было доверенное лицо, которого знал партийный комитет. Мы начали «чистить» комнату Сергея. Вынесли карабин, пишущую машинку, деловые бумаги — все, что не должно было попасть в руки «ищеек». Все это зарыли в уголь, хранившийся в сарае около дома. Уже начало светать, когда я возвращалась домой и на верхних улицах показались японские солдаты. Днем я узнала об аресте Сергея Лазо, Всеволода Сибирцева, Алексея Луцкого, Бориса Мельникова — все они были членами Военного совета. Мельникову (тогда Алексею Брагину) удалось уйти. Японцы, занимая вокзал, почту, телеграф, ворвались в здание следственной комиссии и там схватили наших товарищей.

Вероломное выступление японцев в ночь на 5 апреля в целом ряде населенных пунктов края после того, как они подписали соглашение о нейтралитете, вызвало массовое возмущение и негодование трудящихся.

Арестованных в первые дни с разрешения японского командования могли посещать родственники. Приходили Мария Владимировна Сибирцева — мать Всеволода, жена Сергея Лазо Ольга, жена А. Луцкого. Ходили и мы, друзья, под видом родственников. В последний раз я виделась с Сергеем и Всеволодом 7 апреля 1920 года. Они вышли на площадку внутренней лестницы на втором этаже из угловой комнаты. Мы проговорили минут десять и после окрика часового о том, что свидание закончилось, стали прощаться. При рукопожатии Сергей оставил у меня в ладони короткое письмо на мое имя. В письме описывалось, как их арестовали, и заканчивалось оно уверенностью в окончательной победе. Оптимистическое настроение Сергея и здесь не покинуло его. Не думал он о своей близкой гибели. Все в нем дышало стремлением продолжать борьбу, и виделась ему большая светлая жизнь. Ради этой радостной жизни погибли Сергей Лазо, Всеволод Сибирцев и Алексей Луцкий.

Память о них осталась навеки.

З. СЕКРЕТАРЕВА

Незабываемое

Апрель 1919 года. Медленно, потемну пробирались товарищи на Дальневосточную подпольную партийную конференцию, которая устраивалась в казарме, на 6-й версте, где жили подпольщики дядя Ваня (Ершов) и дядя Митя (Майоров).

Как разоренный улей, гудели собравшиеся до открытия конференции. Толпились, никто не садился. То там, то тут появлялся Сергей Лазо. Виден он был отовсюду: выше всех на голову. К тому времени его уже ввели в состав Дальневосточного подпольного обкома, и он довольно быстро освоился со своим новым положением. Настроение у него было приподнятое.

Выступая по основному вопросу повестки — текущий момент и задачи партии,— Лазо показал свои ораторские и интеллектуальные возможности. Его доклад — под стать хорошей лекции видного профессора — захватил всех присутствующих и содержанием, и формой, и тоном изложения. А главное — в нем чувствовались четкость и твердость позиции самого автора доклада.

Таким я помню Сергея, и таким вошел он в нашу тесную, дружную компанию молодых большевиков. Объединяли нас тогда и возраст, и молодой задиристый характер, и избыток энергии, и неодолимое влечение к активной борьбе с белоинтервентами. Выработалась у нас тогда привычка — до разрешения вопросов голосованием в партийных верхах горячо обсуждать их и, пока позволяла партдисциплина, бороться за свои мнения.

Конец лета 1919 года был трудным. Под натиском объединенных белоинтервенционистских сил партизанские отряды частично перебазировались на север, частично распускались. Партизанскую столицу Анучино заняли японцы.

Я вместе с ревкомовцами пробиралась на восток в Улахинскую долину. Где-то на перевале между Гордеевкой и Цветковкой наша тропа пересекалась с тропой, которая вилась вдоль по хребту с юга на север. Вот на этом глухом таежном перекрестке мы встретились с Сергеем Лазо. Оказывается, он спешил с Сучана в Анучино на связь с облрев-

комом, но опоздал и вынужден был, не дойдя, свернуть на эту тропу. В лесу он подобрал небольшую группу заблудившихся ходячих раненых партизан и теперь вел их в таежный партизанский лазарет, затерявшийся в отрогах этого хребта. Сергей изменился внешне до неузнаваемости. Серо-зеленоватое отекшее лицо, заросшее мягкой неухоженной бородой, отечные руки и ноги. Небольшой вещевой мешок с партизанским добром, казалось, непосильным грузом тянул его к земле. Он был серьезно болен.

Остановились. Накоротке поделились пережитым, обменялись новостями и, конечно, заглянули в будущее.

Неправ был философ, утверждавший, что только в здоровом теле может быть здоровый дух. Перед нами был совсем больной, до предела уставший, но не согнувшийся, не упавший духом Сергей Лазо, окрыленный решением ревкома продолжать борьбу путем мелких трудноуловимых подрывных отрядов, засылаемых в тылы врага и действующих на линиях железных дорог.

Мы, голодные и уставшие, получили от Лазо хорошую зарядку. Так, не присев, и разошлись. Наша группа двинулась на восток, в Чугуевку, а Сергей повел своих подшефных на север, где в таежной глухомани находился лазарет.

У меня сохранилась подаренная Сергеем его последняя небольшая фотокарточка с автографом: «Зое С. на память о вечере 7-го января 1920 г. Владивосток, Сергей Лазо».

Лазо возглавлял тогда образованный при обкоме Военно-революционный штаб, который подготовил вооруженное восстание против белогвардейцев.

Уже пожинались первые плоды напряженной работы — быстрыми темпами шло разложение колчаковских войск. Солдаты целыми частями переходили на сторону повстанцев.

Успешно шла организация боевых пятков, десятков из владивостокских рабочих. Организация боевых единиц из портовых грузчиков лежала на плечах Медведя (Вишлина — К. П. Серова), по району мельницы — на моих.

Жил тогда Медведь с Сашей Бердниковым в домишке рабочего военного порта Богданова по дыбом поднимавшейся в гору каменистой, похожей на широкую тропу улице Буссе. Занимали они маленькую комнатушку с окном на откос сопки, за которой начиналась рабочая слободка. Лучших условий для конспиративных явок самых ответственных подпольщиков придумать было трудно.

В этот вечер я увлеклась наведением порядка в холостяцкой комнатушке грузчиков — вешала на окно только что постиранные, ветхие занавесочки — и не заметила, как бесшумно открылась дверь и совсем неожиданно в комнате оказался Сергей Лазо.

Зашел он к Медведю, чтобы узнать, какое настроение у портовых грузчиков, и передать новые поручения. Еще не закончился деловой разговор, как на пороге появилась Тамара Головнина, а вслед за ней шумная Настя Нешитова. Не помню, по какому делу они пришли.

Закончив разговор с Медведем, Сергей задержался. Завязался оживленный разговор о том о сем.

С мебелью было трудновато: небольшой дощатый непокрытый стол, железная солдатская койка с плоским соломенным матрацем на досках. Удивительно, как умудрялись два грузчика, разместившись на ней валетом, отдохнуть за ночь после тяжелого рабочего дня. Стояла еще тумбочка неизвестного назначения. Вот и весь комфорт.

Недолго думая, мы разместились прямо на полу, усевшись рядом у самой стены.

Сергей вспомнил свою солнечную Молдавию и рассказал с артистическим мастерством несколько молдавских сказок, которые он слышал в детстве от своей старой няни.

Как далеки мы были тогда от дневной суматошной жизни и всяких, даже самых важных и неотложных дел. Красным светом наполнилась комнатушка, когда беспокойная Настя, легко забравшись на тумбочку, укутала висевшую под потолком лампочку своей кумачовой косынкой. Розовели на окнах постиранные занавесочки.

И стало как-то особенно уютно и хорошо не только в комнате, но и на душе.

Немного спустя к нам присоединился дядя Федя (Шумятский). Этот пожилой большевик, бывший политкаторжанин, сумел сохранить молодую душу и всегда тянулся к нам. У него был приятный голос, и он любил петь старинные русские протяжные песни.

— На улице вьюжит, а у вас тут так уютно и хорошо, давайте споем что-нибудь,— предложил дядя Федя, затянув свою любимую песню про дуб зеленый, что одиноко стоял, как рекрут на часах. Мы присоединились. Потом раскатисто «Ревела буря, гром гремел... Но Ермака уже не стало...».

Вот так и сложилась обычная в нашем быту незапрограммированная вечеринка без вина и угощений.

Я чувствовала себя легко, бездумно. Такое чувство расслабленности и полного отдыха, мне кажется, испытывали и Сергей и все остальные товарищи...

1920 год, февраль — март. После разгрома остатков колчаковщины Лазо числился заместителем, а фактически был председателем Приморского военного совета. Я работала членом редколлегии газеты Военсовета «Военный набат» (позже просто «Набат»). Редакция и типография помещались в здании штаба крепости, где Лазо по своим делам бывал ежедневно и частенько наведывался в редакцию то сдать какой-нибудь материал, то просто узнать, как идут наши дела и не нужна ли нам какая-нибудь его помощь.

Однажды, когда номер уже был сверстан, направляясь домой, я у входа наткнулась на Сергея. Он собирался в открытой машине поехать по окружающим Владивосток высотам и пригласил меня.

Весна входила в свои права: оживала зелень, и море отливало голубизной. С вершин сопок открывалась чудеснейшая панорама полуострова, с приютившимся между двумя заливами Владивостоком. Объезд высот начался с Гнилого угла. Побывали на 55-й высоте, где совсем недавно базировались готовые к выступлению и перешедшие на нашу сторону колчаковские части. Осматривали бывшие крепостные форты, разрушенные интервентами. Заваленные подземные ходы, заржавелые и искореженные железные решетки, потрескавшиеся цементные площадки, заросшие высоким бурьяном подходы и полное безлюдье этих мест подействовали на меня удручающе.

Я была здесь в 1913 году и тут же принялась рассказывать Сергею, как выглядели высоты в тот период форсированного укрепления Владивостокской крепости.

Я остановилась: Сергей меня не слушал. Он что-то быстро записывал в блокнот и набрасывал какие-то геометрические фигуры. Он уже был в плену планов, погруженный в заботы о будущем крепости.

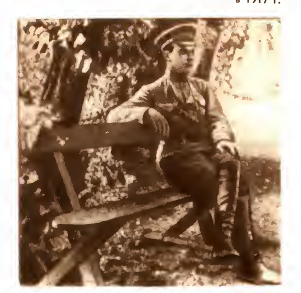
Когда мы оказались в верховьях Первой Речки и перед нами открылась горная седловина с приютившимся на ней старым, заброшенным солдатским кладбищем, меня снова одолели воспоминания.

Я обратила внимание Сергея на выделяющиеся белизной кресты на могилах К. Суханова и Д. Мельникова и рассказала о похоронах этих героически погибших большевиков.

Сергей Лазо
после окончания
Кишиневской гимназии
в 1912 г.

С. Г. Лазо
в 1917 г.

Список книг,
которые изучал Лазо
в период подполья
в 1918 и 1919 гг.
Автограф

Дом на окраине
Владивостока,
в котором скрывался
С. Г. Лазо

Писатель
А. А. Фадеев
в 1919 г.

Партизаны
с захваченными
у японских
интервентов
танками.
1920 г.

Выступление С. Г. Лазо
на митинге 31 января 1920 г.

Дом, в котором находился
штаб партизан Приморья

Выслушав меня, Сергей попросил шофера подъехать поближе.

Оставшись в машине, я наблюдала за высокой фигурой шагающего к могилам Сергея. Потом видела его стоящим с обнаженной, опущенной головой.

Поездка закончилась в молчании. А мысли, зародившиеся на высотах, Лазо хорошо изложил несколько дней спустя в своей последней речи на открытии Владивостокского Совета.

Утром 3 апреля 1920 года высоко над Владивостоком на здании Народного дома взвился большой красный флаг.

Несмотря на серенький туманный денек, лица спешивших на работу людей озарялись радостной улыбкой. Сегодня вечером в Народном доме будет первое заседание только что избранного Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Сколько пережито за полтора года черной реакции! Сколько пролито крови! Но все это уже позади. Снова красное знамя Советов победно реет над городом.

Радостно и тревожно. В бухте Золотой Рог стоят японские военные суда. Орудийные стволы крейсеров «Ивами» и «Осака» направлены на мирный город.

По инициативе японского командования была создана русско-японская согласительная комиссия. С нашей стороны ее возглавляет Роман Цейтлин. Дипломатические переговоры близятся как будто к благоприятному для нас концу. Японцы уже согласны не вмешиваться в наши внутренние дела.

«Но почему же они открыто возводят уличные укрепления, расставляют на балконах пулеметы?» — недоумевают владивостокцы. Снова долгожданная и с таким трудом добытая Советская власть под угрозой. Это омрачает радость победы.

Вечер. Зал Народного дома переполнен. Впереди — депутаты, все свободные места и проходы до отказа забиты гостями. Первое заседание Совета — открытое.

Я — сотрудница газеты «Красное знамя» и депутат — сижу в первом ряду и пишу для газеты отчет об этом знаменательном заседании Совета.

Вот предоставляется слово представителю Военного совета. На сцену поднимается высокий, стройный товарищ в простой солдатской шинели без погон, с револьвером на простом солдатском ремне.

— Сергей Лазо! — разнесся по залу дружный возглас.

И сразу же в зале воцаряется тишина.

С затаенным дыханием собравшиеся слушали спокойную, содержательную речь. Простые, но твердые, волевые слова, произносимые свойственным Лазо приятным, задушевным голосом, глубоко западали в душу.

— Советы и интервенция,— просто, убедительно объясняет он,— несовместимы... Нужно быть готовыми к борьбе. Сплочение всех сил и суровая дисциплина — вот залог нашей победы... Много было жертв. Преждевременно погиб Костя Суханов. Он испил свою чашу, но к этому должны быть готовы и мы...

Я торопливо записывала захватывающую речь, но не успевала за оратором. Я не заметила, как Сергей спустился со сцены и сел рядом на свободный стул. Потом заинтересовался, что я пишу.

— Ну, если мое выступление, брось строчить, то, что сказал, я могу написать дословно — память у меня хорошая. Когда тебе эта речь будет нужна? — возбужденно спросил меня Сергей.

Слово у Сергея Лазо с делом никогда не расходилось, и я продолжила свой отчет, не закончив запись его речи.

Весна 1920 года. Политическая обстановка этого беспокойного периода требовала перестановки большевистских кадров. Одних отправляли из Владивостока, других оставляли, переводили с одного участка работы на другой. Так было нужно в интересах партии, значит, так и должно быть. Дисциплина была крепкой и суровой.

Редела наша дружная компания молодых, очень повзрослевших за год большевиков. Игоря Сибирцева закрепили в Спасске, туда же перебазировался Саша Фадеев с певзнеровским партизанским отрядом. Николай Туманов (Костарев) после областного съезда трудящихся должен был обосноваться где-то в районе Имана. Мишу Фельдмана послали на запад на связь с центром. Других товарищей — кого куда.

Владивосток разгружался. Интенсивно шла отправка за Амур ценных грузов, военного снаряжения и некоторых воинских частей. По указанию центра туда же должен был перебраться Военный совет. Уже был установлен день отъезда Сергея Лазо, Всеволода Сибирцева, Бориса Мельникова, Зои Станковой. Становилось грустно, и мы решили напоследок встретиться вечером у Оли Левич в «Золотом Роге», где она с Тумановым занимала номер.

День 4 апреля 1920 года прошел в обычных заботах. Роман Цейтлин уточнял последние пункты русско-японского соглашения. Военсовет собирался к отъезду, а Сер-

гей, кроме того, готовился к выступлению на Приморском областном чрезвычайном съезде трудящихся в Никольске-Уссурийском. Речь шла о власти, народ требовал Советов, а Сергею нужно было сдержать этот революционный пыл, убедить в необходимости признания земской власти.

Сгущались сумерки, когда я с Тамарой Головниной по дороге из редакции, помещавшейся в казарме Сибирского флотского экипажа, встретилась с Сергеем Лазо. Он предложил сначала зайти на минутку к нему на квартиру (жил он где-то немного выше Мальцевского базара), и мы согласились.

Первым делом он позвонил Цейтлину и спросил, как идут дела в русско-японской согласительной комиссии. Ответа мы не слышали, но широкая улыбка осветила красивое лицо Сергея, и он воскликнул:

— Замечательно! Вот теперь можно спокойно провожаться. Соглашение обеими сторонами подписано.

Затем он достал две свои фотокарточки и подарил нам с одинаковыми надписями в память о вечере 7 января, о котором я уже рассказала выше.

Перед уходом Сергей пошарил в карманах шинели, достал хорошо знакомый мне паспорт на имя Ивана Михайловича Козленко, прапорщика 35-го полка, и снова на всякий случай сунул его во внутренний карман.

Потом повинился, сказав, что, готовясь к выступлению на съезде трудящихся, не успел восстановить свою речь во Владивостокском Совете, но сделает это сегодня же.

У Оли Левич мы застали Всеволода Сибирцева, Зою Станкову, Бориса Мельникова, Настю Нешитову и еще кого-то (не могу вспомнить).

Шума, обычного при наших встречах, на этот раз не было. Не шутилось, не смеялось. Разговор не вязался. Как на вокзальном перроне в томительные минуты перед отходом поезда. Мне было тоскливо. Угнетало какое-то непонятное чувство беспокойства. Хотелось разобраться в своем необычном душевном состоянии, и я рано засобиралась домой. Мысленно унеслась в Никольск-Уссурийский, где на съезде был Медведь — я за него беспокоилась.

Не успела я закончить беседу со своим дневником о непонятном своем душевном беспокойстве, как эта, оказавшаяся коварной тишина разорвалась близкой ураганной стрельбой.

Я выскочила на улицу, японцы осаждали Сибирский флотский экипаж. Стрельба доносилась из центра города,

слышались отдельные залпы, вероятно с вокзала. Город был в огне.

Подписавшие несколько часов назад мирное соглашение, японцы коварно нарушили его и, пустив в ход всю свою военную силу и технику, стали громить мирный город.

Пал Совет, и снова рекой полилась кровь.

5 апреля первые лучи солнца осветили высоко поднятый на Тигровой горе огромный белый с кроваво-красным круглым пятном посередине императорский японский флаг. Позже японские флаги были вывешены на всех русских административных, финансовых и хозяйственных учреждениях. Пылала объятая дымом корейская слободка. На улицах валялись неубранные трупы.

Озверелые японские солдаты среди белого дня открыто убивали мирных жителей. Особенно они гонялись за рабочими, которых распознавали по коротким рабочим стеганкам, и корейцами.

День ушел на сбор сведений. К вечеру картина была уже ясна — известно, кто убит, кто ранен, кто арестован и где содержится, кто остался в городе, кто успел уйти, как связываться с партийным руководством и что надо делать. Налаживалась полуподпольная работа.

6 апреля я и Зоя Станкова решили навестить арестованных. Купили по букету ярко-красных душистых гвоздик и отправились на Полтавскую, 3, где до японского выступления помещалась следственная комиссия, а теперь содержались наши товарищи, арестованные в ночь на 5 апреля.

Пропусков у нас не было и, следовательно, официально встретиться с арестованными не могли. Мы пошли на хитрость. Свободно вошли во двор и по черному ходу попали на кухню, где на редкость добродушный японец-повар варил в котлах для заключенных какую-то баланду.

Внезапное появление молоденьких русских девушек с букетами цветов его заинтересовало.

Жестами и мимикой вперемешку с исковерканными на японский лад словами мы объяснили ему, что там, наверху (на втором этаже), сидят наши женихи. Мы трогательно прижимали букеты к своему сердцу и просили его помочь нам увидеть своих возлюбленных.

Эту сцену наблюдал другой японец-часовой у лестницы наверх. Когда расчувствовавшийся повар подмигнул ему, часовой пропустил нас на площадку второго этажа.

Из двери выглянул какой-то незнакомый матрос. Я попросила позвать Всеволода Сибирцева — моего старого близкого друга, Зоя Станкова — Бориса Мельникова.

Вслед за Всеволодом и Борисом на площадке неожиданно появился Сергей.

Мой букет пришлось разделить. Одну половину получил Всеволод, вторую — Сергей. Вместе с его крепким рукопожатием я почувствовала в руке какой-то комок.

— Это тебе,— сказал Сергей, здороваясь.

Встреча эта для наших друзей была совершенно неожиданной и прошла радостно. Болтали о всяких пустяках, шутили, смеялись. И расставались легко, как будто до завтра. Но ведь это была наша последняя встреча с Всеволодом Сибирцевым и Сергеем Лазо. До сих пор перед глазами стоят яркие образы двух жизнерадостных, сильных духом людей.

Выбравшись из здания следственной комиссии, сгорая от любопытства, мы где-то на задворках чужого дома развернули полученный от Лазо комочек и прочитали собственноручно записанную им последнюю речь.

Да, Сергей сдержал свое слово. Но сколько надо было иметь самообладания, чтобы не растеряться, помнить о незавершенных делах и, попав в жестокие лапы интервентов, не забыть про свое обещание.

27 апреля, когда члены Военного совета уже бесследно исчезли, последняя речь Лазо появилась на страницах газеты «Красное знамя».

Теперь, после японского вероломного выступления, последняя, поистине пророческая речь Сергея звучала поособому. Она мобилизовала широкие массы, звала их на новые тяжелые и упорные бои за власть Советов до полной победы.

З. СТАНКОВА

Перед гибелью

В начале февраля 1920 года во Владивостоке было созвано первое в легальных условиях партийное собрание, вернее, собрание партактива города Владивостока. Проходило оно в Народном доме, в этом излюбленном месте собраний коммунистов Владивостока. Здесь был и Лазо.

Решался вопрос об организации Военного совета. Ни у кого не было сомнения в том, что возглавить Военный совет Приморья должен, конечно, Сергей, и когда стали намечать кандидатуру, то Сергей был включен в список как безусловный кандидат. Все считали, что Лазо как руководитель Военного совета оправдает доверие партии.

Кроме Сергея в Военный совет были введены В. Сибирцев и А. Луцкий.

Сергей с головой ушел в порученную ему работу. Вскоре он отправился в Приморье — район расположения войск, так как там его присутствие было необходимым.

Встретилась я с Сергеем при следующих обстоятельствах. Мне нужно было из Никольска-Уссурийского проехать во Владивосток. Средства сообщения в то время были чрезвычайно скверные, попасть в поезд было почти невозможно. Помню, я проторчала на вокзале в Никольске несколько часов и не могла попасть ни в один из мимо проходящих поездов. Вдруг я слышу, кто-то окликает меня по имени. Это был Губельман, который вместе с Лазо возвращался после объезда воинских частей Приморья. Они забрали меня в свой вагон, с тем чтобы отвезти во Владивосток. В купе Сергея было свободное место, и меня туда устроили.

Лазо с воодушевлением рассказывал о партизанах, о том, какие замечательные есть среди них люди:

— С такими людьми мы сможем совершить чудеса! Человек только что от сохи, не подготовлен, но всем своим нутром понял, что наше дело правое, и настолько в это дело верит, что никакие силы его не могут сломить!

Он назвал целый ряд таких партизан. Речь шла не о больших людях, не о руководителях, которых мы все знали, а о командирах небольших отрядов и об отдельных бойцах-самородках, которые пошли и будут идти за дело революции до конца.

О людях Сергей рассказывал хорошо, с большой мягкостью. В то же время в отношении этих же людей он мог быть непоколебимым и проявить настойчивость, когда этого требовал партийный долг.

Во Владивостоке Сергей очень близко подружился с молодыми товарищами из владивостокской партийной организации. Мы не раз собирались в его квартире. Сергей рисовал перед нами будущее Дальневосточного края, намечал пути, по которым пойдет его развитие. Затем переходил к вопросам военной работы и объяснял нам, какие стоят задачи перед нами по укреплению Дальнего Востока, делился своими соображениями по вопросу о политике интервентов на Дальнем Востоке. Иногда начинал вспоминать боевые эпизоды, рассказывал о Центросибири, о замечательных людях Сибири — Аде Лебедевой и Вейнбауме — и об их трагической гибели.

Сергей был человеком очень жизнерадостным, любил рассказывать веселые истории, а иногда и сказки.

Вечером после работы он часто забегал к кому-нибудь из нас. А иногда мы заранее договаривались о встрече, чтобы поздно вечером отдохнуть всем вместе. В таких случаях Сергей всегда бывал веселым и остроумным.

Я помню одну из товарищеских встреч. Сергей был занят и пришел с большим опозданием, усталый. Но вскоре его усталость исчезла. Он включился в общий хор и дружно поддерживал распеваемую нами песню.

При всей своей занятости он несколько раз предлагал:

— Давайте вылезем в лес! Что мы все торчим в городе?

Сергей очень любил природу. Уговаривал организовать поездку в землянку, в тайгу, где он скрывался. В конце марта эта поездка состоялась. Сергей хотел, чтобы мы все приняли в ней участие. Помню, я не поехала, так он с вокзала послал за мной.

Часто поздно вечером или ночью он любил побродить по берегу моря, на молу. Любил также выбраться в горы, которыми окружен Владивосток.

Все это время, вплоть до апреля, Сергей был очень занят военной и партийной работой. Он всегда интересовался, чем живет партийная организация, вплоть до мелочей. Я тогда работала во Владивостокском партийном комитете. Почти каждый день, возвращаясь из Военного совета, он обязательно забегал в партийный комитет, чтобы поговорить с товарищами и поделиться соображениями о военных делах.

Незадолго до начала выступления японцев, 4 апреля 1920 года, мы собрались все вместе в помещении гостиницы «Золотой Рог» на Алеутской улице. Вечером — это было часов около одиннадцати — в комнату к нам постучали. Когда дверь открылась, вошел какой-то военный с окровавленным лицом и сообщил Сергею, что вокзал занят японцами, что они арестовывают военных, а сопротивляющихся избивают. Лазо и Сибирцев тотчас же уехали.

Через несколько минут, а может быть, через полчаса после их отъезда гостиница, в которой мы остались, стала обстреливаться из пулеметов с противоположного угла из аптеки, где находились японцы. Мы в этот вечер уже не смогли выбраться из гостиницы, так как пулеметный огонь не прекращался почти до утра. Слышен был не только треск пулемета — на улицах рвались гранаты. Мы просидели до утра в подвальном помещении гостиницы и оттуда выбрались с каким-то американским офицером, надеясь под прикрытием американского мундира избежать неприятных встреч с японцами.

С американцем мы пробрались в клуб американского союза христианских молодых людей. Вышли оттуда мы через день и узнали, что товарищей на свободе нет, в том числе нет и Сергея. Где они — никто не знал. 5-го к вечеру нам удалось установить, что они арестованы и находятся в помещении следственной комиссии на Полтавской улице. На другой день утром мне удалось попасть к нему на свидание.

7 апреля я вместе с матерью Сибирцева, Марией Владимировной, отправилась опять туда же, на Полтавскую. Но на этот раз посещение наше не имело успеха. Не встретив у входной двери часового, мы преспокойнейшим образом направились по коридору к лестнице. Но у лестницы столкнулись с японцем, который не только не разрешил нам пройти дальше, но начал толкать нас прикладом винтовки в спины. Так Марии Владимировне и не удалось это последнее свидание с сыном.

Несколько слов о Марии Владимировне. Очень образованная и умная женщина, она воспитала прекрасных сыновей. Всеволод и Игорь очень уважали свою мать. Уважали ее и все мы. Она по-матерински любила приятелей сыновей. Мы относились к ней как к хорошему товарищу. Если нужно было что-нибудь спрятать, передать явку какую-нибудь, то обращались к Марии Владимировне.

Когда арестовали Всеволода Сибирцева первый раз в 1918 году (потом он бежал), она удивительно стойко переносила его арест. Мария Владимировна наметила план, как организовать побег Всеволода и как потом спрятать его. Когда Всеволод был арестован второй раз, она так же стойко переносила и этот арест. Мария Владимировна пережила много горя, но не пала духом и вступила в партию вскоре после гибели сыновей. Кроме Всеволода на Дальнем Востоке погиб и второй ее сын, Игорь. Погиб под Хабаровском в декабре 1921 года.

Мария Владимировна выполняла очень многие поручения партийной организации, в частности поручения военного характера. Это была замечательная женщина. После этого мы уже не встречались с Сергеем. Живым его японцы не выпустили. Свидание 6 апреля на Полтавской улице было моей последней с ним встречей.

С. ЧЕРЕМНЫХ

Лазо, каким я его помню

В моем представлении Лазо — прежде всего большевистский агитатор, крупный политический деятель, стратег.

Впервые я увидел его во Владивостоке на заседании подпольного Дальневосточного областного комитета РКП(б) в конце ноября 1919 года. Он пришел в коротком сильно потертом полушубке, подпоясанный ремнем. Видно, давно не брился. Когда снял поношенную шапку, взлохмаченные волосы упали на лоб. По виду — грузчик. Впрочем, Лазо, находясь на нелегальном положении, и хотел казаться им.

Присутствовали тогда на заседании И. Г. Кушнарев, М. М. Сахьянова, А. О. Владимирский, Ф. В. Шумятский и я. Вижу, отношение моих товарищей к пришедшему уважительное. Зовут Сергеем. А кто он — никто не сказал. Я спрашивать не стал. В большевистском подполье это было не принято.

С этого дня Лазо стал участвовать во всех заседаниях комитета, как член комитета. Он быстро вникал в суть каждого вопроса, свои мысли излагал свободно, просто и ясно.

Сергей был ненамного старше меня по возрасту, но намного выше по своим знаниям, способностям, политическому опыту.

Позднее я слушал — и не один раз — доклады Лазо в большой аудитории. Он говорил, не заглядывая в бумажки, последовательно, логично, обстоятельно.

Мне приходилось встречаться с Лазо не только на заседаниях и собраниях. Помню молодежную вечеринку в начале января 1920 года. Это было еще в пору большевистского подполья. Собралось человек 15—20. Ни вина, ни закуски, ни чая — никакого угощения. Пели революционные песни, но не слишком громко.

Разговаривали все одновременно, кто с соседом, а кто с соседкой. Но когда слышался голос Сергея, общий гомон моментально стихал и все обращали взгляды в его сторону. Велика сила человеческого слова, когда оно сверкает юмором, когда выражает сокровенную мысль, которую дарит людям уважаемый всеми человек.

С приездом Лазо во Владивосток он был назначен заведующим военным отделом Дальневосточного подпольного комитета партии. Позднее этот отдел был преобразован в Областной военно-революционный штаб, ставший органом мобилизации и формирования боевых сил для вооруженного восстания. Работа главным образом велась среди солдат колчаковских гарнизонов. Повсюду в воинских частях выявлялись активные сторонники Советской власти, из них создавались нелегальные группы, а также тайные солдатские комитеты (ротные, батальонные, полковые). Ближайшими помощниками Лазо в этом деле были опытные подпольщики, члены Военно-революционного штаба В. П. Шишкин (Володя) и Э. Ф. Крастин (Адольф).

Работа эта требовала преданности революционному делу, самоотверженности, мужества, а также осторожности, сноровки, изобретательности, широкого политического кругозора. Все это было у Лазо и его помощников.

Обстановка для подготовки восстания складывалась благоприятно. После потери Омска колчаковщину охватил политический кризис, острый, необратимый. В этих условиях подпольная деятельность Лазо развивалась исключительно успешно.

Несмотря на большую загруженность работой в Военно-революционном штабе, Лазо писал статьи для подпольной газеты «Коммунист».

В декабре 1919 — январе 1920 года, когда подготовка восстания шла полным ходом, возник вопрос: под каким лозунгом следует свергать колчаковскую власть? Недавнее восстание Гайды, подавленное интервентами, наводило на грустные размышления.

В связи с этим во Владивостоке в декабре 1919 года была созвана городская подпольная партконференция. Она открылась поздно вечером в бане на Первой Речке. Делегаты (20—25 человек) разместились на еще не просохших лавках. Сидели в полумраке: горела только одна свеча на перевернутой вверх дном шайке.

С докладами выступали И. Г. Кушнарев и С. Г. Лазо. Кушнарев доказывал необходимость поддержки «розового переворота», т. е. передачи власти Приморской земской управе.

Лазо был против. Он считал, что судьба русского Дальнего Востока решится в столкновении двух могучих сил: Красной Армии и японских интервентов. Если японцы не уйдут отсюда добровольно, то они будут сброшены в море силой. Задача здесь была и есть — помощь Красной Армии, надо вести борьбу под советским знаменем.

Кушнарев возражал ему. Выступив против колчаковщины, говорил он, восстановить Советскую власть мы не сможем из-за присутствия во Владивостоке войск интервентов. Только после их ухода станет возможным воссоединение Дальнего Востока с Советской Россией, то есть советизация Дальнего Востока. Поэтому органом власти после ликвидации колчаковщины нужно объявить Приморскую областную земскую управу и постараться сделать ее орудием в дальнейшей борьбе.

Трудно было участникам подпольной партконференции прийти к единодушному решению. Одни разделяли взгляды Кушнарева (к таким принадлежал и я), другие возмущались. Как же можно передавать власть земству, ведь там эсеры? Кому это будет на руку?

Кушнарев был авторитетным руководителем большевистского подполья и говорил убедительно. Но и Лазо был прекрасным оратором, и его речь, как всегда, производила на слушателей большое впечатление. Голоса разделились почти поровну.

Однако эти разногласия нисколько не мешали единству действий. Подпольная организация продолжала вести пропаганду, разоблачая замыслы японских интервентов, и готовилась к вооруженному восстанию. А когда подошла пора этого восстания, Дальневосточный подпольный комитет партии вынес единогласное решение: выступить за ликвидацию колчаковской власти, а новой властью объявить Приморскую областную земскую управу. И сам Лазо писал наставления воинским частям: посылайте своих делегатов в Приморскую земскую управу, что на углу Алеутской и Морской, найдите там председателя Медведева и вручите ему заявление от вас, что вы больше не признаете атамана Семенова и генерала Розанова, а требуете установления власти Приморской земской управы. Солдаты-повстанцы выносили подобные резолюции, но руководил ими теперь уже Военно-революционный штаб.

Восстание против белогвардейской власти во Владивостоке произошло 31 января 1920 года. По своей высокой организованности оно напоминало военный парад. Наместник Колчака в Приморье генерал Розанов не нашел сил для отпора повстанцам и бежал из России на пароходе «Орел» вместе с частью офицеров, гардемаринов и юнкеров. В этих условиях и японские интервенты не смогли вмешаться в события.

Когда все свершилось, то внутренняя пружина переворота стала явной, и все увидели, что армия и подавля-

ющая масса населения находятся под влиянием большевиков, что переворот с лозунгом передачи власти земской управе фактически не розовый, а красный, не эсеровский, а большевистский.

Во время переворота Лазо держал в своих руках все руководство армией восстания. Его талант военного организатора сыграл тут огромную роль.

Сразу же после победы восстания во Владивостоке и во всем Южном Приморье Лазо направил крупный отряд для освобождения Хабаровска и сам выехал туда же.

16 февраля революционные войска Приморья освободили город Хабаровск. Победа революционных сил в Приморье облегчила освобождение от белогвардейцев Амурской области (в результате переворота 5 февраля в Благовещенске). В конце февраля партизаны с бою взяли город Николаевск-на-Амуре. Белогвардейская власть была сокрушена на всей огромной территории Дальнего Востока от Забайкалья до берегов Тихого океана.

В. И. Ленин, выступая с докладом на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 г., уже в это время высоко оценил победу революционных сил на Дальнем Востоке, поставив ее в ряд с крупными победами Красной Армии над Юденичем и Деникиным.

В феврале — марте 1920 года Лазо был руководителем всех вооруженных сил Приморья, при том очень популярным. В это время он преобразовывал отряды повстанцев и партизан в Народно-революционную армию Дальнего Востока, используя принципы формирования Красной Армии, поскольку они были известны. Во все воинские части назначались политические уполномоченные (комиссары) из коммунистов.

В середине марта в Никольске-Уссурийском была созвана Дальневосточная краевая конференция РКП(б). Главным в повестке дня был вопрос о тактике дальнейшей политической борьбы. С большим докладом по этому вопросу выступил Лазо. Он предложил приступить к незамедлительной советизации всего Дальневосточного края. Его слушали со вниманием.

Председателя Дальневосточного комитета партии Кушнарева на конференции не было. Он находился в Иркутске, куда выехал для установления связи с партийным центром и получения директив. Но на конференции выступил только что прибывший сюда уполномоченный Сибревкома В. Д. Виленский. Он обрисовал политическое и экономическое положение Советской России, сравнил ее

с великаном, который победил всех врагов, но сам истекает кровью от тяжелейших ран. Виленский зачитал телеграмму В. И. Ленина реввоенсовету 5-й армии, запрещавшую движение Красной Армии за Байкал. В этой же телеграмме Ленин предлагал «...бешено изругать противников буферного государства... погрозить им партийным судом...» [1].

Конечно, всем участникам конференции стало ясно, что стремления к незамедлительному установлению Советской власти на Дальнем Востоке расходятся с директивами Центра. Однако делегаты воспринимали политическую обстановку в розовом тумане. Казалось, все за Советскую власть и японские солдаты вот-вот поедут домой.

Предложения Лазо были приняты почти единогласно. В Москву сообщили, что дальневосточники-коммунисты считают необходимым скорейшее объединение всего Дальнего Востока под властью единого советского органа, однако будут выполнять директивы Центра.

Через несколько дней после окончания конференции вернулся Кушнарев с партийными директивами о создании буферного государства на территории Забайкалья и Дальнего Востока. Он сообщил также о создании Дальневосточного бюро РКП(б), которому и поручалось руководить всей политической деятельностью коммунистов на территории Забайкалья и Дальнего Востока. Дальневосточное бюро было сформировано из двух групп: А. М. Краснощекова, Н. К. Гончарова, А. А. Ширямова (для Забайкалья) и И. Г. Кушнарева, П. М. Никифорова, С. Г. Лазо (для Приморья). Это бюро (приморская группа) единогласно отменило решение краевой партконференции о немедленной советизации Дальнего Востока. Лазо понял допущенную ошибку и быстро стал ее исправлять. Писатель А. А. Фадеев рассказывал впоследствии, с какой тщательностью Лазо анализировал эту ошибку и как обстоятельно он разъяснял ее своим друзьям.

В ночь на 5 апреля японские войска начали разгром всех гарнизонов революционных войск в Приморье. Они захватили членов Военного совета Приморья С. Г. Лазо, В. М. Сибирцева, А. Н. Луцкого, а затем выдали их белогвардейской банде есаула Бочкарева.

Смерть Лазо и его товарищей потрясла всех. Она же сплотила трудящихся Дальнего Востока для развертывания революционной борьбы против интервентов.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 137.

Из воспоминаний о Сергее Лазо[1]

12 марта (1920 г.) (свержение самодержавия) была демонстрация у вокзала... Демонстрация проходила чинно, вея знаменами. Председатель смешанного правительства — земской управы и выборных представителей — председательствовал на митинге. Это был, кажется, эсер Медведев.

В речах прорывались боль и гнев на интервентов, но боль, притупленная близостью их вооруженных сил, гнев, сдержанный близостью шнырявших в толпе японских контрразведчиков.

Во время митинга я попросил слово для чтения стихов. Медведев не очень охотно разрешил мне читать. Он был против всякого «возбуждения». И, согласившись на стихи, он оттягивал мою очередь, давая место бесконечным кооперативно-эсеровским излияниям. Я стоял у подножия трибуны и после каждого оратора дергал председателя за рукав, требуя себе слова. Рядом со мной стоял молодой человек, чрезвычайно красивый, рослый и осанистый, с любопытством и удивлением наблюдавший за мной. Видя безуспешность моих попыток, он наклонился ко мне и спросил вполголоса:

— В чем дело, товарищ? Что вы хотите говорить?

Я ответил, что хочу «говорить» стихи о партизанах, и назвал себя. Тогда он мягко, но властно продел свою руку мне под локоть и, проговорив: «Тогда идемте сюда», повлек меня за собой. Я, как-то сразу почувствовав к нему доверие и симпатию, пошел, не сопротивляясь.

За вокзальной площадью была другая, так сказать, неофициальная площадка портового поселка Эгершельда. Человек шел туда. Когда мы приблизились к ней, там шел митинг союза грузчиков. Крепкие скулы, широченные плечи, цепь своей охраны,— грузчики пользовались заслуженным уважением по крепости своего темперамента даже у белых контрразведчиков.

---

[1] Воспоминания о С. Лазо опубликованы в Собрании сочинений Н. Асеева. М., 1964, т. 5, с. 133, 134 и 97—98.

Человек, приведший меня, быстро прошел за цепь, быстро перемолвился с председателем и, подвинув меня за плечи к ящичной трибуне, сказал:

— Читайте здесь...

Когда я, счастливый и возбужденный, слез с ящика, на него взошел приведший меня сюда молодой товарищ. Он заговорил сильным, звучным голосом, отдававшимся далеко во всех ушах площади, и в глазах, устремленных к небу, я заметил восторг и непревзойдимое волнение. Он говорил коротко и сильно. Это была не речь, а скорее ряд лозунгов, сжатых в общепонимаемый шифр, взбадривающих и освещающих, увлекательных и неожиданных в этом городе, задушенном тяжестью интервенции.

Когда он кончил, на его голове оказался шлем с пятиконечной звездой. Его быстро окружили подготовленные, очевидно, ряды грузчиков, и он исчез за ними.

— Кто это был? — спросил я у близстоящих.

— Как кто? — ответили мне.— Да он же вас привел. Разве вы не с ним были? Это Лазо, красный командарм...

Так вот каков Лазо, двадцатишестилетний командарм, тонкий, ловкий и легкий, как девушка, внимательный и наблюдательный, громкий оратор и смелый боец, навсегда врубивший в сердца пяти тысяч грузчиков и мое свой быстрый, свежий, молниеносный облик.

* * *

Лазо. Я видел его один лишь раз на митинге, где говорили скучные речи эсеры, бывшие тогда «временным» правительством... Рядом в порту плотной стеной стояли грузчики, и там среди них взметнулась алая звезда над юношеским лицом. Лазо только что прибыл в город и выступил на митинге неожиданно. Гибкий, высокий, с румяно-загорелыми щеками, ясными глазами, он был над толпой, как пар от свистка,— звонкий, тревожно-радостный. Лазо был... надежда всем прибитым к земле, втоптанным в нее тупой походкой плывших по улицам японских патрулей. Лазо — командующий нашими войсками. Не беда, что войска эти — в рваных кацавейках, подвязанные веревочками партизаны — маленькими отрядами изредка показывались на мостовой...

Сергей Лазо[1]

В январе 1919 года, в период колчаковщины, мне поручили проводить большевика Дельвига с квартиры в рабочей слободке, где он скрывался, на Первую Речку, где жил железнодорожный рабочий-большевик по кличке Дядя Митя.

Дельвиг был работником Центросибири и расположения Владивостока не знал. Я был тогда очень молодым членом партии, работавшим главным образом по всяким техническим поручениям. Провожал я Дельвига уже поздно вечером. Было холодно.

У Дяди Мити мы застали довольно много народу. Это был пленум Дальневосточного краевого комитета большевиков.

Я обратил внимание на одно совершенно примечательное лицо. Представьте себе молодого человека, лет двадцати трех, ростом выше всех на голову, с лицом поразительной интеллектуальной красоты. Овальное смуглое лицо, крылатые брови, волосы черные, густые, глаза темные, поблескивающие, черная вьющаяся бородка и необыкновенно умное лицо. А в движениях какая-то угловатость, характерная для людей застенчивых. Все были оживлены, давно не виделись друг с другом, а он чувствовал себя, как мне сначала показалось, неловко среди всего этого оживления. Но это впечатление рассеялось, когда он заговорил; голос у него был очень решительный, громкий, он чуть картавил — приятной такой картавостью.

Я обратил внимание на него не только потому, что у него была такая незаурядная внешность, а и потому, что многие из присутствующих относились к нему по-особенному: нежно и уважительно.

К великому моему огорчению, мне как молодому члену партии нельзя было остаться на этом ответственном заседании. И уйти я не мог: я должен был после заседания отвести Дельвига обратно. Все стали шутить надо мной. Игорь Сибирцев, двоюродный брат мой, предложил мне

[1] Воспоминания о С. Лазо опубликованы в Собрании сочинений А. Фадеева. М., 1960, т. 3, с. 127—133.

выйти на улицу и ждать там «на свежем воздухе». Тут одна добрая душа сказала:

— А что, если мы уложим его на постель дяди Мити и заставим в порядке партийной дисциплины спать?

Это предложение всем очень понравилось. Уложили меня спать. Разумеется, никто не думал, что я усну на самом деле. Я лег лицом к стене, конечно, не уснул ни на одну минуту и прослушал все заседание.

Здесь я услышал доклад по текущему моменту, который меня поразил. Я много слышал до этого всяких докладов. Но этот доклад поразил меня своей необычайной логикой. Докладчик говорил точно, сжато. У меня было такое представление, будто он читает.

Я лежал лицом к стене, не мог видеть жестов, слышал только его твердый приятный картавый голос. И сейчас, закрыв глаза и сосредоточившись, я могу вновь услышать этот голос.

Примерно часа в три или четыре ночи меня «разбудили». Я отвел Дельвига обратно, а потом вернулся к себе на квартиру, где жил вместе с Игорем Сибирцевым. Он меня хотел проверить и все острил: проспал, мол, такое заседание! Я упорно утверждал, что я действительно спал. Тогда он достал из кармана несколько листков бумаги и сказал:

— Посмотри, какие тезисы!

Я взглянул. Эти листочки были исписаны очень ровным, четким, почти каллиграфическим почерком, химическим карандашом. Я начал читать и понял, что это тезисы того доклада, который я слышал. Они были так написаны, что любой человек мог и без автора разобрать каждое слово. Я еще не знал, чей доклад слышал и чьи эти тезисы. Я не удержался и спросил, кто их написал. И тут я впервые услышал о Сергее Лазо.

— Какая логика,— сказал я брату,— как точно все сформулировано!

Он мне ответил:

— Это же изумительный человек: прекрасный математик, блестящий шахматист. И это, очевидно, у него сказывается во всем. Это один из крупнейших наших работников в Забайкалье. Он был командующим Забайкальским фронтом и проявил себя как исключительно талантливый полководец в борьбе с атаманом Семеновым...

Более близко я познакомился с Лазо уже во время партизанского движения на Сучане.

Был конец мая или начало июня того же 1919 года.

Почти весь Ольгинский уезд был очищен от белых. Я только что вернулся из агитационного похода на север, под Ольгу и Тетюхе, в село Фроловку, где был штаб партизанских отрядов, и застал здесь большую группу работников владивостокского подполья. Среди них был и Лазо.

Сергей Лазо был прислан комитетом как главнокомандующий. Впервые за все время партизанского движения революционный штаб назначил главнокомандующего. До сих пор все командиры выбирались. Главнокомандующего, по существу, не было. Были председатель революционного штаба, начальник штаба и командиры отрядов, такие же выборные, как и ротные, и взводные командиры.

Когда прошел слух, что приехал какой-то неизвестный человек, которого назначают главнокомандующим, наиболее отсталые из партизан, в том числе и некоторые командиры отрядов, заволновались, зашумели. Прямо с седла я попал на большой партизанский митинг, который проходил перед зданием революционного штаба во Фроловке. Митинг был такой, какой сейчас трудно себе представить. Все было как будто по правилам: и председатель, и секретарь,— но вокруг них ревело и бушевало море. Страсти разгорелись до того, что люди угрожали друг другу винтовками, шашками. На протяжении двух-трех часов шла борьба между организованным началом и этой стихией.

Здесь я познакомился с некоторыми удивительными качествами Лазо. Мало сказать, что ему присущи были исключительное хладнокровие и спокойствие, поражало то, что, будучи главным «виновником» всего этого переполоха, он совершенно не заботился о том, как все это может обернуться лично для него. Чувствовалось, что он совершенно не беспокоится о своей судьбе. Как я убедился потом, это качество было присуще ему и в боевой обстановке.

Ему свойственна была глубочайшая убежденность в том, что он говорит, убежденность такого рода, которая действует магически. Кроме того, он обладал незаурядным ораторским дарованием, умел находить простые слова, доходящие до сознания трудящихся людей. Несмотря на невероятное обострение отношений, он умел заставить массу слушать себя. Иногда отдельные партизанские вожаки начинали понимать, что он старается подчинить их себе, взять их в руки, и снова поднимали крик, но он стоял спокойно, ждал, пока они накричатся, и не уходил с трибуны. Когда они переставали кричать, он продолжал свою речь.

Митинг закончился нашей победой. Впервые широкие массы партизан узнали, кто такой Лазо.

После этого он с группой товарищей выехал в наиболее беспокойные партизанские районы. Там ему пришлось еще выдержать большую борьбу. Никакой вооруженной силы за ним не было, он действовал только авторитетом партии и своим личным обаянием. Были даже попытки его арестовать, но так как это происходило в боевой обстановке, он храбростью своей и умелым руководством в бою завоевал доверие партизан. Когда он вернулся в Фроловку, он был уже человеком признанным, авторитетным в массах, его слушались, как старшего товарища.

Не помню, в июне или в июле созвали мы повстанческий съезд трудящихся Ольгинского уезда. Это был очень интересный съезд. Во-первых, он был многонациональным: в Ольгинском уезде жили русские, украинцы, корейцы, китайцы, латыши, эстонцы, финны, молдаване и многие туземные народности. Во-вторых, на этом съезде стояли такие сложные вопросы, как земельный и как регулирование цен на хлеб, рыбу, мясо. Выхода на городской рынок не было, цены складывались неблагоприятно для той части населения, которая не занималась хлебопашеством.

Особенно сложно стоял вопрос о ценах на рыбу и на хлеб. Значительная часть населения Ольгинского уезда — рыбаки, но большая часть — хлебопашцы. Естественно, хлебопашцы могли обойтись без рыбы. А рыбаки не могли обойтись без хлеба. Поэтому цены на хлеб были очень высоки, а на рыбу — ничтожные. Этот вопрос на съезде приобрел огромное значение. Грозил раскол между двумя большими группами населения.

На этот съезд прибыл представитель правых эсеров. Известно, что, когда Колчак немножко прижал эсеров, они стали делать попытки заигрывать с партизанским движением.

Особенностью этого съезда было и то, что он происходил в условиях, когда против нас действовали уже не только колчаковцы, а и интервенты. Съезд происходил в деревне Сергеевке, а в двадцати километрах от нее, в деревне Казанке, уже шли бои с американцами, и вот-вот ожидался японский десант.

Здесь я узнал Сергея Лазо как страстного политического бойца и умного, практического политика. В несколько минут Лазо превратил представителя эсеров в ничто — в предмет всеобщего презрения, во всеобщее посмешище.

Но насколько тактичен был он, когда встал вопрос о ценах на хлеб и на рыбу! Крестьяне так уперлись, что долгое время мы ничего не могли с ними поделать. Нужно было подтянуть цены на рыбу и снизить на хлеб, и никак это нам не удавалось. Лазо агитировал спокойно, неутомимо.

Настолько разгорелись страсти, что я, будучи человеком молодым и горячим, выступил и сказал, что, упорствуя в этом жизненном для рыбаков вопросе, хлеборобы ведут себя не как трудящиеся люди, а как кулаки. Можете себе представить, как это было глупо и нетактично! Поднялось такое возмущение, что пришлось объявить перерыв.

Во время перерыва Лазо подошел ко мне, посмотрел на меня довольно выразительно своими умными глазами, ничего не сказал, только головой покачал. Я готов был уйти под землю.

В конце концов мы провели те цены, какие наметили.

На этом съезде Сергей Лазо был всем народом утвержден как главнокомандующий партизанскими силами Приморья.

Расскажу, как выглядел Лазо в боевой обстановке. Он был очень высок, ноги у него были длинные. Когда он ехал на лошади, стремена едва не касались земли, а он возвышался над крупом лошади как каланча. Внешне он напоминал Дон Кихота. Но это совершенно не соответствовало внутреннему его облику. В бою Лазо всегда умел найти неожиданные, смелые, стремительные ходы, но в то же время был расчетлив, распорядителен и абсолютно бесстрашен.

Мне много приходилось видеть смелых командиров. Я видел людей азартных, отчаянных, которые бросаются в бой первыми, полные страсти и боевого темперамента. Я видел просто хладнокровных, спокойно-храбрых людей. Но по поведению даже этих людей всегда можно видеть, что они находятся в бою, что их спокойствие необычно, не такое, как дома, в нормальной обстановке: это — спокойствие мужественного человека, который привык к боям и знает, что он должен быть хладнокровным. Сергей Лазо в бою оставался таким же, как всегда,— со своими приподнятыми бровями, с обычным внимательным и точно несколько удивленным выражением лица, безразличный к тому, что может лично с ним случиться и что о нем могут подумать. Он делал только то, что необходимо было для решения поставленной им боевой задачи.

Я тогда был рядовым бойцом и поэтому не был посвящен в план партизанской кампании, разработанной Сергеем Лазо. Знаю, однако, по личному опыту, что с его приходом мы буквально отрезали Сучанский рудник от города. Против нас были брошены намного превосходящие нас численностью и, конечно, вооружением японские части. Японские силы были так велики, что мы не могли с ними справиться и, отступая с боями, выпуждены были очистить Сучанскую долину.

Я остался в той группе партизан, которая не ушла с Сучана, а сделала попытку закрепиться здесь, в Сучанской тайге. Лазо с другими товарищами ушел в район села Апучина. Вскоре и нас выбили из Сучанской тайги, и мы попали в тот же район, в родное мое село Чугуевку, где сколачивались партизанские силы для новой борьбы. Но Лазо уже там не было. Он тогда сильно болел и был где-то спрятан в тайге.

Встретился я с ним уже после падения колчаковщины, в марте 1920 года, на дальневосточной конференции большевиков в городе Никольске-Уссурийском, куда был послан делегатом от партийной организации Спасско-Иманского военного района. Лазо был председателем Военного совета армии.

В это время в армии создавался институт политических комиссаров, или, как они у нас назывались, политических уполномоченных. Лазо обсуждал с нами, военными делегатами, кого назначить к нам в район политическим уполномоченным. Я при всяком удобном и неудобном случае бубнил, что надо назначить комиссаром Игоря Сибирцева. Это был мой первый партизанский воспитатель и учитель, и я очень любил его, так же как и его старшего брата Всеволода.

Лазо вдруг на меня посмотрел, засмеялся и сказал:

— А что, если мы назначим политическим уполномоченным Булыгу?

Булыга — это была моя партизанская фамилия. Я очень растерялся, замахал руками, стал говорить, что считаю себя слишком молодым для этой должности.

А он все смеялся:

— Нет, мы обязательно назначим Булыгу!

И вдруг завел со мной разговор о том, какое значение теперь, когда мы реформируем партизанские отряды в регулярную армию, имеет правильно поставленная политико-просветительная работа. Он развил передо мной целый план этой работы. Я и не подозревал, что он учит меня,

Когда мы вернулись в свой район, оказалось, что политическим уполномоченным назначен Игорь Сибирцев, а я — его помощником по просветительной части. Сейчас Игоря Сибирцева уже нет в живых: в 1921 году в бою с каппелевцами он был ранен в обе ноги и застрелился, не желая сдаваться в плен.

Последняя моя встреча с Лазо была уже недели за две до японского выступления,— говорю о японском выступлении против наших гарнизонов в ночь с 4 на 5 апреля 1920 года. По каким-то делам я был командирован во Владивосток и встретился с Лазо в частной обстановке; не помню, на чьей квартире собрались друзья по владивостокскому подполью времен колчаковщины. Было очень весело, многие из нас не видели друг друга около года, некоторые успели уже жениться. Была исключительно любовная и дружеская атмосфера. Лазо был центром этого общества, много смеялся, поблескивая своими красивыми, темными, умными глазами. Никто из нас и не думал, как скоро мы лишимся его.

Эта встреча осталась мне особенно памятной потому, что здесь Лазо не только признал, а и разобрал по косточкам неправильность той позиции, которую он одно время занимал в вопросе о создании на Дальнем Востоке так называемого демократического буфера (вначале он был против создания этого буфера, так блестяще себя впоследствии оправдавшего).

Я думаю, не будет преувеличением сказать, что Лазо принадлежал к очень незаурядным людям. Если бы он остался жив, он был бы сейчас очень крупным работником — и политическим и военным.

Какие качества ему это обеспечивали? Он был прежде всего пролетарским революционером, революционером до последней капли крови, и человеком, лично одаренным, всесторонне талантливым. Он обладал исключительным трудолюбием и работоспособностью, любой вопрос изучал всесторонне и до конца. Он был на редкость скромен и лишен ложного самолюбия. Это был человек высокой рыцарской чести и благородства.

Когда произошло японское выступление, наш спасский гарнизон был выбит из города и на несколько месяцев отрезан от Владивостока. Прошло много времени, пока мы услышали, что Лазо, а с ним и Всеволод Сибирцев и Луцкий захвачены японцами. Не хотелось верить, что они убиты. Когда после перемирия я снова попал во Владивосток, еще все газеты выходили с аншлагом: «Где Лазо, Сибирцев, Луцкий?»

Японское командование «официально» заявляло, что ничего не знает об этих людях. Но все мы знали, что это неправда: в первые дни японского плена Сибирцева навещал его отец, а к Лазо приходила его жена. Мы были бессильны сделать что-нибудь. И все-таки никому не хотелось верить, что они погибли.

Я остановился у Сибирцевых на даче, в двадцати шести верстах от Владивостока, на берегу Амурского залива. Очень тяжелое настроение было. Тетку мою, Марию Владимировну, мать Сибирцевых, очень волевую и умную женщину, неотступно глодала мысль о сыне и его товарищах.

Мы с Игорем выйдем в лес, я спрашиваю:

— Ну, как ты думаешь, Игорь?

— Я думаю, их убили,— угрюмо говорил он.

Только год спустя, по свидетельским показаниям и косвенным документам, подтверждающим эти показания, удалось установить, что незабываемый героический друг наш Сергей Лазо и два его верных товарища были сожжены японской военщиной в паровозной топке.

Рассказ о семье Лазо

Я не помню отца. Когда он погиб, мне не было еще и года. Но с раннего детства, как своих родных, я знаю его соратников, участников гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, людей, которых история назвала большевиками. Время моего отца, время гражданской войны и революции жило для меня в его товарищах и в самом близком для меня и для него человеке — в моей маме. С нее и начинается для меня отец.

Ольга Андреевна Лазо не только жена Сергея Лазо, она друг и соратник его в самом высоком, емком смысле этого старинного слова. Ратник — воин, солдат. Быть чьим-то соратником — значит ратовать, бороться за одно и то же дело.

В ее воспоминаниях о нем, очень сдержанных и даже сухих, нет какого-либо подчеркивания своего близкого отношения к Лазо. Это воспоминания не жены, а прежде всего товарища, партийного, военного работника. И написаны они суровым стилем, никакой женской сентиментальности, без намека на интимность.

«Ольга была красивой, очень красивой. Не только мужчины, а даже мы, женщины, влюблены были в нее»,— сказала мне как-то ее старая подруга тех лет.

В 1918 году ей было двадцать. С отрядом Красной гвардии она приехала весной из Томска в Забайкалье и стала политбойцом 1-го Аргунского казачьего полка.

Мама писала воспоминания об отце, когда ей не было еще сорока, память была хорошей и по времени все события еще казались рядом. Читаешь и чувствуешь, как велико в ней сознание своей самостоятельности, которую открыла женщине революция. Сознание, что она равна мужчине. Она — ответственный партийный работник, она — кандидат наук, она — полковник Советской Армии. Она — сама личность, а не отблеск славы.

Ее воспоминания строги и достоверны: факты, только факты. Как боялась она отступиться от фактов в область эмоций, как боялась выдать чувства к близкому человеку! В этих воспоминаниях она оставляет только товарища, со-

ратника. И когда стала матерью, то и материнство свое отодвинула на второй план, подчинила делу.

Я мысленно перебираю события их недолгой «семейной» жизни. Там, на Забайкальском фронте, стали они мужем и женой. Вслед за первыми победами над атаманом и бегством его за границу в конце лета наступили тяжелые времена. Из Иркутска двигались эшелоны белочехов, из Маньчжурии — вновь семеновцы. Враги сжали с двух сторон Забайкалье, отрезали его от центра страны.

28 августа 1918 года на станции Урульга состоялась конференция советских и военных работников Восточной Сибири. Доклад о положении на фронте сделал Сергей Лазо. Конференция постановила: «Борьбу с врагом организованным фронтом ликвидировать», Красную гвардию распустить, перейти на нелегальное положение.

Шесть месяцев, с февраля по август 1918 года, бывший прапорщик Лазо командовал фронтом, но не был еще членом большевистской партии. И вот когда прекращается открытая борьба, впереди жизнь подпольщика, тогда, в эти последние дни августа, в дни отступления отец пишет Забайкальскому комитету РКП(б): «Находясь с начала революции на позиции Интернационала и Советской власти, я некоторое время оставался в партии левых эсеров, но на всех съездах я принимал участие в работе большевистских фракций и подчинялся решениям большевистской партии. Вся моя работа на Забайкальском фронте проходила под руководством партии, под непосредственным руководством Центросибири. Являясь фактически уже давно большевиком-коммунистом, прошу зарегистрировать меня в вашей организации, как члена партии».

В сентябре с разъезда Малый Невер ушла в тайгу группа командиров, руководящих работников и среди них одна женщина — Ольга Андреевна Грабенко.

Так началась нелегкая нелегальная жизнь, требующая конспирации, строгой дисциплины, что гораздо утомительнее и труднее открытой вооруженной борьбы. С наступлением холодов пришлось выйти из тайги. Ее, женщину, послали в разведку — это казалось безопасней, но в первом же населенном пункте ее задержали и с другими арестованными увезли на станцию Рухлово. Ниточка связи с группой, оставшейся в тайге, оборвалась. Так как улик не было, ее через некоторое время освободили. Что они оба пережили за эти дни, пока нашли друг друга, вряд ли надо описывать. Она уже знала, что будет матерью.

С трудом, рискуя жизнью, пробирались они во Влади-

восток: атаман Семенов объявил розыск Лазо, за его поимку предлагались большие деньги.

Во Владивостоке, выйдя с вокзала, она вынуждена была искать комнату. Она налаживает партийные связи, работает, чтобы «кормить семью». Отец мог выходить из дому только ночью.

Ранней весной 1919 года, проводив мужа в тайгу, сама осталась в городе, во вражеском тылу. 31 мая 1919 года у нее родилась я. Отец в это время уже возглавлял партизанскую армию. Чем успешнее действовали партизаны, тем напряженнее становилась обстановка во Владивостоке.

С помощью Посейдона — партийная кличка Марины Михайловны Сахьяновой, которая была секретарем и работником отдела информации подпольного Дальневосточного комитета РКП(б), — мама перебралась со мной на Русский остров: все-таки в стороне от города, не так на виду. От отца приходили редкие записки и одно письмо от 20 июля 1919 года — линованный листок, вырванный из тетради, написано карандашом: «Ольга и Ада, милые мои, мои дорогие!» Он советовал матери уехать в деревню. «...В Ольгинском и Тетюхинском районах, наверное, скоро установится порядок, — писал он, — пароходы ходят раз в две недели, деревни там маленькие и глухие. Осенью я мог бы пробраться к тебе». И она уехала в Сучанский район, в деревню Гордеевку, учительствовать. Там разыскал ее осенью отец, и она смогла даже передать ему мою первую фотографию.

События двигали время вперед. В европейской России шла жестокая борьба. Весной 1918 года Советское правительство переехало из Петрограда в Москву. В 1919 году в Москве был открыт Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова. Выступая перед его слушателями осенью 1919 года, В. И. Ленин говорил: «...Сведения, которые мы получаем из колчаковского тыла, говорят, что у него несомненный развал, а население восстает против него поголовно, даже зажиточные крестьяне». Из колчаковского тыла — это значит оттуда, где под командованием Лазо сражались партизаны и освободили к этому времени уже целые районы в Приморье.

В декабре 1919 года в Владивостоке проходила нелегальная партийная конференция, на которой решено было развернуть подготовку восстания против колчаковской власти в Приморье. По предложению Лазо при областном комитете партии был создан Военно-революционный штаб. Председателем его был утвержден Лазо.

А мать осталась в деревне и была не только учительницей, но и связной партизанского штаба. Когда возникла необходимость срочно передать Военно-революционному штабу информацию о действиях партизанских отрядов, обратились к маме, и она взялась это сделать. Колчаковцы, чувствуя, что приближается конец их власти, ожесточили репрессии. Всех приезжавших из партизанского района во Владивосток обыскивали, мужчин поголовно арестовывали. Впоследствии, рассказывая мне об этом, мама шутила, что я участвовала в революции с пеленок. Все нужные сведения написали не на бумаге, а на кусках белой материи и завернули меня в эти «пеленки»-донесения. Она взяла меня, корзиночку с вещами и села в поезд. Во Владивостоке ее, конечно, задержали. «Все мои вещи были тщательно обысканы, каждая в отдельности,— вспоминала она,— но тебя не развернули». Я не знаю, сколько длилась процедура допроса и обыска, полчаса или больше, но каждая из этих тридцати минут могла стать последней не только для нее, но и для ее дочери...

Эта конспирация чувств была в ней всегда. Так и меня всю жизнь воспитывала без ласкательных и уменьшительных имен, без поцелуев, которые иронически называла «телячьи нежности». И я от младенчества и всю жизнь обращалась к ней не с извечным словом «мама», а звала Ольга, как звали товарищи. И их всех, товарищей ее и отца моего, звала по имени и на «ты» и иногда по старым партийным кличкам. Она и потом через много лет, когда ушла на пенсию, все равно осталась такой же несгибаемой до последнего дня, до последнего своего часа.

Эти дни еще свежи в памяти. Лето 1971 года. Жарко. Палата хирургического отделения, стены выкрашены белой масляной краской, окно открыто. Из больничного парка течет волна свежего лесного воздуха. У высокой постели резиновые трубки, капельницы, кислородный прибор. Дышать сейчас для нее тяжелая работа.

В один из этих последних дней в палату вошел Владимир Александрович Бородавкин, бывший командир 1-го Дальневосточного социалистического отряда, приехавший из Владивостока на Забайкальский фронт в 1918 году. И с того года началась их дружба. Вошел, окинул мгновенным взглядом палату. Взял ее руку, подержал осторожно в своих больших руках с набухшими старческими венами, заглянул в глаза. И вдруг весь собрался, напрягся. «Держись, Ольга! — почти пропел он.— Держись!.. Помнишь, как через Онон переправлялись, теченье сносило, кто

растерялся — тонул. А ты за гриву коня, крепче держись... выплывешь, выберешься на берег... Мы с тобой еще повоюем... нам рано туда... На Дальний Восток еще съездим, 50-летие освобождения праздновать будем... Держись, Ольга! Я командир, я тебе приказываю!..»

А потом шел по больничному коридору, тяжело шаркая ногами, и, наверное, горько думал о том, что старше ее почти на десять лет...

Он ушел, она задышала чаще, как будто и впрямь стремилась преодолеть что-то, «выплыть». Капли пота выступили на лбу, в провалах глаз тревога. О чем эта тревога? Боязнь за свою жизнь? О близких ли тревога?

Но вот разомкнулись губы. Она говорит очень тихим, слабым голосом, но в нем нет интонации жалобы или просьбы. А все то же: приказ, директива.

О чем же ее последние мысли и заботы?

— Ада,— говорит она, как всегда, без ласкательных и уменьшительных суффиксов.— Ада, в шкафу висит мой военный китель.— Пауза, ей тяжело говорить, она отдыхает.— Там, во внутреннем кармане, который заколот булавкой, мой партийный билет...— Снова пауза.— Сразу же сдай под расписку в партком, обещай мне это...

* * *

Какая же профессия была у моего отца? Чем он занимался еще, кроме того, что вместе с другими своими товарищами «делал революцию», я в детстве никогда не задумывалась, наверное, потому, что его не было рядом.

Но вот настал день, который я считаю своим совершеннолетием, день вступления в комсомол. Я пишу свое первое в жизни заявление и автобиографию, в которой нет еще событий, есть только даты. Среди прочих вопросов анкеты есть вопрос о профессии родителей, который поставил меня в тупик. Мне сказали, что мой отец, как и отец Тани Фрунзе,— нас принимали вместе на одном собрании — профессиональный революционер.

Вступление в комсомол — это одна из ступеней лестницы, по которой я подымалась к отцу. Особенно близким стал он мне, когда я прочла его дневники и записные книжки.

«Работа и работа, и с удовлетворением чувствуешь, что любимому делу жертвуешь не только все свои силы, но не побоишься отдать за него жизнь» — эта запись сделана во Владивостоке, в декабре 1919 года.

А в январе 1920 года он пишет:

«В эти напряженные дни подготовки восстания, когда приходилось работать круглые сутки, вырывая случайные свободные часы для сна, в эти дни не чувствовалось усталости...»

Да, революционер, как и художник в широком смысле слова,— это призвание, свойство души. И эту вдохновенную окрыленность я всегда чувствовала в его товарищах и соратниках.

Потребность осмыслить происходящие события с пером в руке проявилась у отца очень рано — это шло от интеллигентских традиций семьи. Он начал вести дневник с 1907 года, когда ему было тринадцать лет. Какие же события взрастили его ум, заставляли задумываться?

В 1905 году после тяжелой и длительной болезни умер отец — Георгий Иванович, умер сорокалетним, и Сергей остался старшим в семье — ему было одиннадцать. Боря моложе, Степа совсем маленький — трехлетний. Это был внутренний стимул взросления.

1905 год для России был годом первой русской революции. Кишинев — один из многих губернских городов России. Какие события происходили в нем?

В 1900—1901 годах появилась в городе подпольная типография, напечатавшая несколько номеров ленинской «Искры». При обыске кроме газет там нашли 17 пудов нелегальной литературы: листовки, воззвания, прокламации. В 1905 году по Бессарабии, как дух возмездия, носился неуловимый Григорий Котовский, и легенды следовали за ним.

Позже отец писал: «В молодой голове... бродила и здоровая революционная мысль, заквашенная впечатлениями 1905 года». Начав вести дневник, он выбрал девизом своей жизни такие слова: «Нужно искать правду всюду, даже там, где менее всего можно ее найти».

Еще в отрочестве отец решил для себя, что не может поступать в жизни иначе, как согласно своим убеждениям, которые одни должны определять его поведение. И эту убежденность он пронес до последнего дня своей жизни.

* * *

Заполняя учетно-регистрационный лист члена владивостокской партийной организации, на четвертый пункт анкеты — «Национальность» — Сергей Лазо ответил: «Русский (предки — румыны, швейцарцы)». Отец родился в Бессарабской губернии, теперешней Молдавской ССР. Румыния рядом, но откуда швейцарцы?

Лазо был потомственным дворянином. В госархиве Молдавии хранится родословная семьи, истоки которой восходят к XV веку, но так далеко я не буду заглядывать. Начну с екатерининских времен. В 1772 году, во время русско-турецкой войны, один из участников военных действий, Иордакия Лазо, был назначен ворником (воеводой) Южной Буковины.

Сын Иордакия — Иван Иордакиевич — обосновался в Бессарабии, в 1824 году у него родился сын, названный также Иваном. И тут я позволю себе отступление к другим событиям кишиневской жизни двадцатых годов прошлого века.

1820 год. В Кишинев приезжает ссыльный Пушкин. В своей книге «Спутники Пушкина» В. Вересаев пишет о кишиневских друзьях поэта. Из всех упомянутых в книге Вересаева я остановлюсь только на Марии Егоровне Эйхфельдт.

По свидетельству современников, Мария Егоровна Эйхфельдт, урожденная Мило, слыла красавицей. Пушкин хаживал к ним и одно время был очень любезен с нею. Писал ей шутливые стихи.

Из архивных документов я узнала, что Мария Егоровна рано овдовела и вторично вышла замуж за выходца из Швейцарии Федора Фэзи (швейцарские французы поселились в Бессарабии в двадцатых годах прошлого века и образовали колонию Шабо близ Аккермана). От этого брака родилась моя прабабка Матильда Федоровна Фэзи.

Могилы прадеда и прабабки я видела на деревенском погосте в селе Пятры. В этом селе в 1865 году родился мой дед Георгий Иванович Лазо и в 1894-м — мой отец. Дом Лазо до сих пор стоит на высоком каменистом берегу реки Реут.

После окончания гимназии в 1912 году отец уехал в Петербург и поступил в Технологический институт.

В Ленинградский областной архив я пришла, чтобы посмотреть его личное дело.

Вот в моих руках зеленая потрепанная папка, на обложке черной тушью чьим-то крупным витиеватым канцелярским почерком выведено: «Технологический институт императора Николая I. Дело о принятии в число студентов института Сергея Лазо».

Раскрываю обложку: вижу знакомый почерк. Прошение на имя директора о принятии в число студентов. Копия аттестата и свидетельство о рождении сделаны также от руки. Выданный администрацией вид на жительство.

Пока я с волнением смотрела пожелтевшие листы, ко мне подошла заведующая хранилищем Анна Макарьевна. «Вы знаете,— обратилась она ко мне,— мы просмотрели списки студентов Петербурга. У нас есть еще один Лазо — студент Петербургского университета».

Я стала расспрашивать ее: в каком году учился однофамилец, как его имя и отчество. «Поступил он в 1885 году,— ответила Анна Макарьевна,— зовут его Георгий Иванович».

Георгий Иванович — так звали моего деда, в 1885 году ему было двадцать лет, и он вполне мог быть студентом. Но, конечно, надо всё проверить по документам, могло оказаться и случайное совпадение.

Еще одна выцветшая папка. «Дело императорского С.-Петербургского университета студента Георгия Ивановича Лазо».

Раскрываю папку, и сомнения отпадают. На первой же странице пожелтевшая, пришитая к делу шнурами фотография: вот оно — вытянутое лицо с черной бородкой и большими выразительными глазами, такими же, как у его сына Сергея. Это лицо я видела на старой семейной фотографии. Свидетельство о рождении: дед и отец оба родились в селе Пятры Оргеевского уезда Бессарабской губернии. Аттестат зрелости — оба они окончили 1-ю мужскую гимназию в Кишиневе.

Вот еще один документ, из которого явствует, что в 1887 году дед бросает учиться и уезжает на родину. В деле лежит прошение о высылке документов.

Почему же оставил университет Георгий Иванович? Просто ли нежелание учиться, или материальные затруднения вынудили его вернуться домой?

Может быть не стоило так подробно останавливаться на личном деле Георгия Ивановича Лазо? Но вот у меня в руках еще одно архивное дело, датированное 1887 годом: «Дело канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа. Об исключении и увольнении из С.-Петербургского университета таких лиц, которые по неблагонадежности направления в политическом и нравственном дурно влияют на товарищей и вносят в университет смуту и брожение».

В общем списке, составленном по алфавиту, есть, например, Курнатовский Виктор Константинович — студент филологического факультета, Лазо Георгий Иванович — студент юридического факультета. Георгий Лазо, как и Виктор Курнатовский, был исключен за активное

участие в протесте студентов против подачи адреса царю. История этого протеста такова: после раскрытия заговора, ставившего своей целью убийство Александра III (которым руководили студенты университета Александр Ульянов и Шевырев), 6 марта 1887 года ректор университета Андриевский собрал профессоров, преподавателей и студентов в актовом зале и в присутствии попечителя округа и его помощника произнес речь, в которой негодовал по поводу готовившегося покушения на Александра III, и пригласил профессоров и студентов поднести царю адрес с уверениями в своих верноподданнических чувствах. Время от времени на протяжении его речи раздавались протестующие свистки одной части студентов и рукоплескания другой. Лазо и Курнатовский были в группе протестующих, за что их и выслали из Петербурга без права поселения в университетских городах.

* * *

В своих записях 1918—1919 годов, вспоминая детство, Сергей Лазо писал, что отец был «добрый, ласковый, часто играл, баловался с нами и любил доставить нам что-либо приятное».

«Добрый и ласковый» — таким остался отец в памяти одиннадцатилетнего мальчика.

Позже, в годы отрочества и юности, его воспитывала мать, Елена Степановна. Он нежно любил ее сыновней любовью и, где бы ни был, в Петербурге, в Москве, в Сибири, всегда писал ей.

В трудные дни интервенции, партизанской борьбы, отрезанный от родной Молдавии, Сергей просил жену, если с ним что-нибудь случится, обязательно написать его матери в Кишинев.

В 1921 году мы с мамой приехали из Владивостока в Москву, и, помня просьбу отца, она написала в Кишинев.

Елена Степановна ответила тут же:

3 декабря 1921 года.

Дорогая Ольга, получила Ваше письмо от 4 ноября, где Вы пишете мне о судьбе Сережи... Горячо целую Вас и мою дорогую любимую внучку Аду. Всей душой скорблю о бедном Сереже. Надеюсь, что он жив, но запрятан в какой-нибудь каземат... По Вашему письму вижу, что это не так... Так как они его захватили в учреждении, а не на поле брани, надеюсь, что не убит, а заточен... Какой ужас, что Сережу арестовали не под его именем. Это, по-моему, хуже всего, что развязало японцам руки.

Так между ними завязалась переписка. Сейчас, вновь перечитывая письма Елены Степановны, я вижу, как тосковала она о сыне, как не могла поверить в его гибель.

Прошел еще год, она все надеется увидеть его живым и в письме от 30 декабря 1922 года пишет:

Как ни убедительны факты, но в глубине души живет надежда; чувствуешь, что она призрачна, а все же изгнать ее не можешь. Часто мыслю его в заточении, страдающим, но все же живым.

И так до конца своей жизни все ждала, не верила смерти.

Я никогда не видела Елену Степановну — она умерла в 1933 году — и могу судить о ней только по ее письмам. Мне кажется, что она была мужественной, умной женщиной, не позволяла горю одолеть себя. В письмах она рассказывает о сыне, его детстве и воспитании.

По части воспитания у меня большой опыт и были твердые принципы,— пишет она.— *Если Сережа вышел таким, так и мой дух был в нем и воспитание свою печать наложило. Правда, в последние гимназические годы у меня с Сережей бывали неприятные столкновения,— я была требовательна — боялась ослабить его волю полной свободой, но за гимназическим порогом он создавал свою жизнь, как хотел. Детство было здоровое и хорошее...*

И через год в другом письме она снова вспоминает, как воспитывала сыновей, растила их.

Не знаю, что Сережа говорил Вам обо мне, о своем детстве. Часто я была строга к ним, как и к себе, требовала работы, исполнения того, что считала долгом, но любила их и вкладывала в них всю душу и время. Если Сергей вышел таким, как Вы его знали, то и моя доля в хорошем была видна.

Я всегда с волнением перечитывала письма Елены Степановны, написанные четким почерком, с буквой «ять» и твердым знаком. И думаю, что, доживи она до дней освобождения Молдавии, товарищи сына, которые прошли рядом с Сергеем Лазо трудные годы революционной борьбы, подполья, могли бы порадовать ее и сказать ей, что она воспитала в сыне твердую волю, принципиальность, работоспособность. И в его жизни и его подвиге есть частица ее — матери: она помогла ему стать таким.

Из дневника

Детство

Уже с самого раннего детства мы долго и много гуляли, потом, сначала тайно, а потом явно мы стали заниматься охотой.

Недра земли казались таинственными и возбуждали любознательность. Я любил смотреть в колодцы и измерять их глубину. Но особенно меня привлекали те места, где земной покров был обнажен. Это были ямы, из которых брали глину для построек, промоины оврагов, оползни и особенно одна соседняя гора с холмом, где можно было найти кусочки раковин, разные камешки и руду железа,— все это с особенной силой возбуждало вопрос о том, что же находится в этих недрах.

Я любил сильные летние грозы и, несмотря на запрещение, старался наблюдать их на открытом воздухе... Я, как сейчас, вижу этот туманный горизонт, освещенный ослепительным сине-зеленым электрическим разрядом, и как бы остановившиеся в воздухе капли дождя. И этот шум сильного дождя, иногда с прищелкиванием града. А этот запах, особый запах воздуха во время дождя. Я так же отчетливо помню последние минуты перед грозой, когда тучи все более и более заволакивают небо. Холодный сырой ветер порывами зашелестит по деревьям, как бы предупреждая о надвигающейся непогоде, затем редкие капли дождя — крупные, они грузно шлепаются о листья и даже подымают пыль на земле,— за каждой следующей все новые и новые — так начинается сплошной дождь. А день после дождя — яркий, солнечный, летний день, когда земля еще грязна, воздух насыщен испарениями, а листва деревьев такая свежая и помолодевшая. Я научился любить природу: слишком ярки были ее краски, полно слита жизнь природы с человеком, чтобы не полюбить ее. Потом я научился понимать другую природу, более суровую и угрюмую (красноярские, ононские горы), и страстно полюбил ее.

В том году, в котором я начал писать дневник, я завел тетрадку для заметок, там были заметки по литературе, как раз о Лермонтове. Начиная эту тетрадку, я задумался над тем, какую мысль поставить «девизом» своей жизни;

хорошо подумав, я написал: «Нужно искать правду всюду, даже там, где менее всего можно ее найти». Вообще в те годы я часто про себя философствовал, и чем больше я думал над тем, что лежит и что должно лежать в основе наших действий, стремлений, и я отвечал, что человеком руководит стремление к счастью. Хотя мне самому было как-то неловко в этом окончательно признаться. Очевидно, в этой пассивности сказывалось влияние той аскетической философии, которой невольно проникаешься при знакомстве с христианством. Впоследствии в жизни и правда и счастье стали пониматься иначе, и сгладилось понемногу противоречие между правдой и неправдой, с одной стороны, и счастьем и трудом и обязанностями — с другой. Человек понял, что он не может не поступать иначе, как согласно своим убеждениям, которые одни должны определять его поведение. И что счастье — это могучий импульс, побуждающий нас жить в борьбе...

...Рассмотреть, как весь этот деревенский быт протекал в сознании глубокой зависимости условий нашей жизни от стихийных сил природы. Эта зависимость выражалась в чувстве сильного гнета, когда природа мешала человеку, и, наоборот, радости, когда она благоприятствовала ему. Отец ходил сумрачный и волновался, когда в засуху иногда много дней подряд небо заволакивалось тучами, вдали были слышны раскаты грома, иногда падали редкие капли, но дождь обходил наше имение. Это сильно волновало отца и мать, и они говорили, что уж таково положение имения, приписывали это влиянию соседних гор и прибавляли при этом, что зато у нас не бывает и большого града.

Я помню, как мать часто рассуждала на тему о зависимости человека от природы. При этом она обычно говорила, что лучше, как в сельском хозяйстве, зависеть от господа бога, чем зависеть от людей. И считала поэтому, что положение сельского хозяина более независимое, чем жизнь служилого люда. Но тем не менее явления природы, когда они были неблагоприятны, действовали угнетающим образом, и все это, вместе взятое, развивало какой-то фатализм.

Мы, дети, чутко перенимали настроение родителей, их волнения и беспокойство передавались и нам. Но ум не мог с этим примириться. Я рано сам дошел до мысли, что не в явлениях природы как таковых лежит корень зла, а в организации труда, который предоставляет каждого сво-

им собственным силам. В одном из дневников того времени я противополагал друг другу, с одной стороны, то угнетение, которое испытывают сельские хозяева, когда их постигает неурожай, и ту неразумную радость, которая овладевает ими при большом сборе. Эти два противоположных явления представлялись мне как действия одной и той же причины: неорганизованности труда, того, что недостаток и избыток распределяются между отдельными хозяйствами случайно и неравномерно, хотя для совокупности многих хозяйств колебания совсем невелики, и что нет связующей силы, которая уравнивала [бы] эти колебания. Я видел некоторых из наших соседей, у которых не было никакого уменья стать выше этих колебаний, осмыслить их хотя бы в рамках собственного хозяйства. Я видел и понимал, как мои родители стремились ослабить эти колебания во времени: сохраняя избыток урожайного года и делая долги в неурожайный год, чтобы покрыть их при более благоприятных обстоятельствах. Но я также понимал, что это только полумера, и мысль, усиленно работая над возможностью создать лучший социальный строй, дошла до своеобразного коммунизма...

Пылкое воображение уже нарисовало светлыми красками картину коммунистической жизни городов и деревень. Этим мыслям я отдавался со страстью и иногда часами раздумывал над мелочами этого лучшего строя. Попутно я связывал возможность его осуществления с великими научными открытиями, авторы которых не продадут их капиталистам, а отдадут безвозмездно народным массам. Такого рода открытия и социальные преобразования казались мне тесно друг с другом связанными. И я совсем не отдавал себе отчета в той борьбе, без которой немыслимо никакое социальное преобразование. И я уже считал себя непременно одним из работников на этом пути.

Другую сторону дела — зависимость от других людей, о которой говорила мать, противополагая ее зависимости от природы,— эту сторону я еще слабо понимал. Я знал, что она существует, но я приписывал все скорее неразумию, чем злой воле людей, в наличии последней как главного фактора я совсем не давал себе отчета. Вот почему и в моих поисках лучшего строя жизни я отводил главную роль научным открытиям и личным качествам. Только значительно позднее я стал отчетливо понимать, в чем дело.

Однако в молодой голове наряду с этим утопическим направлением бродила и здоровая революционная мысль,

заквашенная впечатлениями 1905 года. Так при слабости критического анализа у нас уживаются часто самые несходные, хотя и не противоречивые понятия. В свое время единство будет восстановлено. К этому всему нужно добавить (относится уже к Технологическому институту), что я особенно ценил постановку дела в крупном производстве потому, что там, как мне казалось, внешние силы природы все меньше и меньше вмешиваются в дело и руководящая роль человеческого ума приобретает все больше и больше влияния...

Студенческие годы

Вся жизнь (в первый год студенчества) представляла пеструю смесь пережитков прошлого с мощно вливавшимся потоком впечатлений новой среды. Если тогда я чувствовал какую-то любовь к металлообрабатывающей промышленности, то теперь, оглядываясь на это увлечение, я должен признать, что, в сущности, познакомившись с Т. И.[1], я почувствовал непреодолимое тяготение к новым формам труда: труда дифференцированного, специализированного, занимающего в жизни человека вполне определенное место. Я имею право это сказать еще и потому, что я сейчас отчетливо вспоминаю, как я сам мысленно формулировал свои задачи и стремления: все равно, какой труд, но пусть это будет строго определенная работа с ограниченными заданиями и с определенным рабочим днем. Пусть эта работа руководствуется определенной системой знаний, но, самое главное, пусть вне рабочих часов у меня будет непрерывное общение с людьми, я буду членом и участником могучей интеллектуальной жизни, пусть я не буду один. И мне казалось, что в такой жизни та комната, в которой живет человек, имеет второстепенное значение. Он главным образом в ней спит. Весь день проходит за работой, он в общественной столовой, библиотеке и в каком-то универсальном общественном клубе, где люди свободно общаются друг с другом. И я горячо полюбил те скромные задатки коллективизма, которые я видел в кипучей рабочей жизни Т. И.

Но как далека была жизнь от этого. Специализация сначала меня испугала, и я работал случайно и урывками. Только к концу первого года студенчества я понял необходимость специализации и научился работать. Но даль-

[1] Технологический институт.— *Ред.*

нейшие обстоятельства сломали эти здоровые задатки. Преемственность труда была в корне нарушена. И жизнь еще долгие годы почти не давала возможности провести как следует свободное время, окончить трудовой день духовным общением с людьми.

Да, специализация нужна, необходимо изучить какой-либо отдел знаний до последних мелочей, нас не должна пугать все возрастающая узость специальности. Ибо специализация ставит своей задачей вовсе не образование, а сообщение знаний и навыков, дающих возможность легко работать в определенной области...

Новый большой город, куда я попал, сразу всколыхнул много запросов. Все они настойчиво требовали ответа. Эта жизнь столицы не ослепила меня своим блеском, не оглушила своим шумом, наоборот, спокойно наблюдая ее, я все сильнее проникался сознанием глубокой закономерности тех сложных связей и вопиющих противоречий, которыми полна эта жизнь. Читал ли я книгу гениального человека, я поражался его светлому уму, я чувствовал за этим умом жизнь, обильно залитую светом мыслей, и тем самым я болезненно чувствовал, что у меня этого света нет... Говорил ли я с товарищами-универсантами, я поражался их уменью легко рассуждать о массе новых предметов, в которых я еще очень мало смыслил. Наконец, я был одинок, я знал, что есть другие люди, с сильной мыслью, упорной волей и страстным чувством, но их не было среди моих друзей...

Но жизнь не давала ничего в ответ на все это или давала слишком мало. Отсюда тоска и неудовлетворенность, стремление выбиться к лучшей жизни. Мне смешны были люди, желания которых не шли далее богатства; но разве богатства уж так трудно достигнуть... И я не раз говорил самому себе: не теряй молодые годы, многого не наверстаешь, потом — потом придут заботы, дела, и не вернуть человеку того, что упущено в молодые годы. Мне казалось, что я не только переживаю в молодости всю свою будущую жизнь, не только испытываю все те чувства и переживания, которые мне предстоит узнать в течение всей своей жизни. Нет, я переживаю в зародыше еще нечто большее — все те возможности, которым не удается развиться, все то, чему суждено погибнуть...

В студенческие (да и в гимназические) годы я не раз испытывал стремление пожертвовать избыток денег, который был у меня, а также отдать свои силы служению другим. Но из этих искренних филантропических попыток

мало что выходило. Меня также тяготило сознание того, что у меня есть собственность, но я не знал, как с ней поступить, я чувствовал свою беспомощность, неприспособленность к практической жизни — с одной стороны. А выход был простой: нужно было отказаться от всего, от всех благ, но и от всех зол того строя, в котором я вырос. Нужно было безоговорочно сказать, что там нет ничего моего и, следовательно, мне не с чем рассчитываться. Уже одна мысль о том, что мне нужно сделать что-то с моей собственностью, заключает в себе предвзятую мысль, что это собственность, тогда как на самом деле ее не должно было быть. Такова теоретическая постановка вопроса. Но как поступать на практике? Что должен был делать я, скажем, по окончании гимназии или еще раньше?

Отвечу я на этот вопрос так: я должен был воспользоваться всеми теми преимуществами обеспеченного положения, в котором я находился, для развития своих способностей, которые я должен был отдать делу пролетариата. Но на это можно возразить: не грозит ли при этом опасность отойти от этого дела, незаметно изменить ему. Так как для того, чтобы быть выразителем воли, чувств и мыслей пролетариата, нужно еще глубокое чувство классовой солидарности, нужно в непрерывной борьбе с действительными препятствиями закалить свой характер. Да, эта опасность есть. Но я не думаю, чтобы из-за нее человек должен был бы отказаться от представляющихся ему возможностей развития. Нужно подойти к вещам практически и ясно понять, что для всестороннего развития нужен некоторый досуг и достаток. Поэтому я теперь скажу, что, окончив гимназию, я имел полное право пользоваться средствами из дому, но я должен был ограничить свои потребности необходимым, не ограничивая потребностей развития. Вспоминая то, что я переживал в то время, я помню, что я приблизительно так и решал задачу. В первый лучший год студенческой жизни я был чужд мелочного скопидомства. Я уже понимал, что с расширением вопросов расширяются и потребности человека. Но что одновременно с этим, одновременно со своим развитием человек должен подготовлять себя к самостоятельной работе, к самостоятельному заработку. Я помню, что эта мысль, подготовлявшаяся всем строем питерской жизни, мысль, что я должен стать пролетарием, т. е. работником, который отдает в обмен на необходимые ему блага работу мозга (или мускулов), эта мысль, ярко сверкнув, не угасала потом. И это, по-моему, единственное правильное ре-

шение, т. е., кратко резюмируя, я должен был получить свое высшее образование на средства из дому. Это привилегированное положение тем самым накладывало на меня обязательство расширить свое развитие, и одновременно с этим я должен был подготовлять себя к самостоятельной трудовой жизни. Дальше, когда высшее образование было бы закончено, я не имел бы нравственного права на эту помощь. Но если я безусловно должен был бы отказаться от собственности, которой я владел, то не было бы более разумно дать ей определенное назначение, чем предоставить ее самой себе или, вернее, моим ближним родственникам.

Право частной собственности есть право на известную долю чужого труда. При современном уровне экономических отношений в буржуазном государстве обладание собственностью обеспечивает нас некоторым доходом, даже если мы ничего не делаем. Чем больше прилагаем мы личных трудов и усилий, тем с большим риском, конечно, можем мы рассчитывать и на больший доход. Наивно было бы думать, что в рамках современного буржуазного правопорядка можно лишить данную собственность ее эксплуататорского значения, вернув ее трудящимся — отдать землю крестьянам, фабрику или торговое предприятие рабочим. Нужно дать себе ясный отчет, что такие филантропические меры ничего не принесут. Что значит отдать землю, торговое или промышленное предприятие? В рамках буржуазного правопорядка это значит передать ее в мелкую собственность или общее владение (в лучшем случае с мелкобуржуазной точки зрения) известной группе лиц. Но само собой разумеется, что нигде нет ни идеальных крестьян, ни идеальных пролетариев, и эта единичная мера, по существу, сведется [к тому], что вместо одного собственника их будет несколько десятков. Не к углублению классовых противоречий, не к расширению классового сознания поведет это, [а] к созданию новых кадров мелкой буржуазии, этого исконного и самого опасного врага настоящей пролетарской революции. По существу, такое дробление собственности есть мера, родственная наделению землей по системе хуторского хозяйства по столыпинскому рецепту. Выигрывает ограниченная группа лиц, а в более общем масштабе это лишняя поддержка буржуазного правопорядка. Класс же трудящихся как таковой от этой меры ничего не выигрывает...

В данном случае мы должны руководиться (как и всюду) классовым принципом, который, наиболее глубоко

разлагая действительность на ее основные элементы, даст возможность и глубже их уразуметь. Что же нужно делать с этой точки зрения? Нужно реализовать путем продажи денежную стоимость данной собственности. И вырученные деньги передать организациям, руководящим классовой борьбой масс. Здесь и небольшой капитал, правильно использованный, может принести неоценимые услуги. Мой совет — действовать при этом практично и осторожно. Нужно дать себе вполне ясный отчет, что бесповоротный (а он только и может быть таким) переход на сторону пролетариата означает тем самым не менее бесповоротный разрыв с той средой, которая тебя вырастила и воспитала; она, эта среда, исключая единичных лиц, которые благодаря уму или личным связям сумели сохранить личные отношения, эта среда для тебя безвозвратно умерла, а ты в ее глазах стал преступником. Осторожность нужна также и в практическом проведении денежной реализации, а то ей могут легко помешать. Нужно устранить всякие подозрения. И для этого, конечно, нужно как можно меньше делиться своими взглядами с теми лицами, которые заведомо им не сочувствуют.

Таково, по-моему, наиболее разумное решение вопроса о собственности для человека, решившего перейти в стан пролетариата.

Если ты не хочешь, чтобы тебе была суждена судьба городского обывателя, который чувствует себя неловко вне своей квартиры и привычного места службы; если ты не хочешь превратиться в трусливое животное, готовое поступиться своими мыслями и вступить в сделки с совестью, лишь только ему угрожает опасность и лишения; если ты хочешь быть господином и самого себя и своих поступков — приучай себя к труду и закаливай себя лишениями,—пусть тебя не страшит суровая жизнь, наполненная физическим трудом. Ты должен не только изучить в совершенстве свою специальность, но должен знать какой-либо труд или ремесло. Сочетать последнее с разносторонним развитием вполне нам по силам. В сильном и здоровом теле человек всегда чувствует себя спокойнее и лучше, у него появляется какая-то беззаботность и уверенность в себе. Труд мастерового и рабочего требует или определенных навыков, или физической силы; необходимые навыки даются далеко не сразу. Так, считается, что слесарь учится три года. Печатник столько же. Меньше надо учиться сапожному и портновскому делу. Но я думаю, что для механика по образованию можно научиться

хорошо слесарному делу и в один год. Чтобы иметь хорошие мускулы, их нужно упражнять, и не только гимнастикой и спортом, но настоящим трудом. Вообще я думаю, что для студента-технолога нетрудно незаметно изучить хорошо как слесарное дело, так и уменье управлять машинами. Никто не может сказать заранее, в каких условиях ему придется быть, и нужно быть готовым, чтобы во время всяких передряг не быть застигнутым врасплох. Также полезно уметь хорошо плавать и, главное, хорошо и много ходить пешком. Например, чтобы без подготовки сделать туда и обратно по 30 верст. Привычка к работе и лишениям сделают тебя своим человеком среди трудящихся и обездоленных, рассеянных по всем углам нашей планеты...

Способность отдаться всецело чему-нибудь цельному, большому делу, вложить в него все свои силы. И, наконец, уменье работать, уменье исполнять, когда это нужно, и скучный и неинтересный труд... Поскольку уже знаем, какая зависимость существует между внешним строем и нашим развитием, поскольку мы познали влияние общих условий жизни коллектива, класса на каждый входящий в него индивид, постольку мы не можем не рассматривать себя как часть этого единого целого, и как смешным должно казаться всякое отделение своей судьбы, своей участи от судьбы того коллектива, к которому мы принадлежим...

Однажды в Питере задал себе вопрос: кто же я такой? Кем я хочу и кем я должен быть? С чем я должен при этом считаться? Со своими ли мыслями, выстраданными убеждениями или с чем-либо другим?! Не совершу ли я преступления перед своим дальнейшим развитием, если хоть в малой степени в выборе своей деятельности я буду чувствовать принуждение родной среды. И тут мысль, яркая и сильная, возникла в голове: ты должен отрешиться от всего, стать человеком «без имени, без роду и племени» и решать сам, на основании своих знаний и стремлений, [кем] ты должен быть...

Какое великое счастье, что я вырвался, стал в стороне от той среды, которая меня вырастила. Пусть зависимость от родного дома была внешне сильна, но изнутри она умерла. Достаточно было этой внешней зависимости оборваться, как жизнь сразу пошла по-новому.

Всем существом моим тогда овладевало стремление [к] знанию и стремление к действию, оба они были так нераздельны и в настоятельной степени требовали проведения в жизнь. Ради этих стремлений я готов был пожертвовать и жертвовал и удовольствием и личным счастьем...

Анкета С. Лазо

Учетно-регистрационный лист владивостокской организации партии коммунистов (большевиков)

1. Фамилия, имя, отчество	— Лазо Сергей Георгиевич
2. Семейное положение	— Женат
3. Возраст	— 26 лет
4. Национальность	— Русский (предки — румыны, швейцарцы)
5. Образование	— Студент Петроградского технологического института
6. Какими языками владеете	— Французским свободно. По-немецки читаю. Молдавским (румынским) свободно
7. Род занятий	— Был студентом-технологом, потом офицером, с начала революции — партийным работником
8. В каких профсоюзах состоял и состоит членом и какие в них работы выполняет	— Не состоял из-за отсутствия времени, профессиональным движением интересовался
9. Год вступления в партию	— 1918 год, август. До этого времени был членом красноярской группы эсеров — левых интернационалистов
10. В чем выражалась партийная работа в нелегальное время (где и когда): а) до Февральской революции	— До Февральской революции месяц с лишним работал в нелегальной организации эсеров в Красноярске, начинал работу среди солдат
б) по свержении советской власти	По свержении Советов работал во Владивостоке и среди партизан Приморской области
11. В чем выражалась партийная работа в легальное время (где и когда)	— Главным образом в массовой агитации
12. К каким отраслям партийной работы подготовлен	— К политической работе. К агитационной и организационной работе
13. К какому виду партийной деятельности имеет склонность	— К чисто партийной, политической, руководящей работе. К агитационной и пропагандистской работе (устной и письменной)

14. Какую работу вел и где при Советской власти (по выборам или по найму)	— Член Красноярского исполнительного комитета в 1917 году и председатель солдатской секции Красноярского Совета. Член ЦИК Советов Сибири в 1918 году (до разгрома). Командовал Забайкальским фронтом с конца февраля по конец августа 1918 года
15. Был ли на фронте в Красной Армии (где, когда)	— На фронте (германском) не был. Участник иркутского переворота и Забайкальского фронта
16. Где и когда и на каких должностях работал в общественных организациях	— Не работал
17. Участвовал ли в партизанской борьбе (где и когда)	— Участвовал с 1 июня по конец ноября 1919 года в Ольгинском уезде Приморской области
18. Подвергался ли гонениям (тюрьма, ссылка, лагерь, увольнение)	— Не подвергался
19. В какой работе желает участвовать: государственной, общественной или партийной	— Партийной и государственной
20. Какую и где выполняет работу (по выборам или по найму)	— Товарищ председателя Военного совета, по выборам
21. Адрес	— Последние четыре месяца — г. Владивосток (найти через комитет партии)
22. Участвовал ли на съездах (каких, где и когда)	— Съезд Советов Западной Сибири, Омск, 1 мая 1917 года. Съезд Советов Средней Сибири, Красноярск, 15 сентября 1917 года. Съезд Советов Восточной Сибири, Иркутск, 15 октября 1917 года и 15 февраля 1918 года. Фронтовой съезд Забайкальского фронта, 15 августа 1918 года. Съезд трудящихся Ольгинского уезда, конец июня 1919 года, д. Сергеевка
23. Какую часть дня отдаете партийной работе	— Все свое время
24. Эмигрировал ли в другие страны, куда	— Не эмигрировал

С. ЛАЗО
19 марта 1920 года
г. Никольск-Уссурийский

Речь С. Лазо на открытии Владивостокского Совета 3 апреля 1920 года

Товарищи делегаты Владивостокского Совета! Приветствую вас как представитель Революционного военного совета.

Товарищи! После кровавой борьбы мы снова собрались здесь, во Владивостоке, в этом окне Советской России на берегах Великого океана, в этом центре интервенции на Дальнем Востоке. Собрался Совет, и этот факт громче многих слов говорит нам о мощи Советской России, о силе международной пролетарской революции.

И не слова приветствия, а какие-то другие слова, слова борьбы, слова, разрешающие тяжелое положение, которое создалось у нас, нужно сказать на этом заседании.

Вне нас — штыки иностранных интервентов, а внутри благодаря этому мы не можем проводить полностью Советскую власть. И то, что нас объединяет, то, что дает выход нашим силам, разрешает это запутанное положение,— это борьба.

Все силы, все средства отдадим борьбе. Пусть мы отказываемся от проведения полностью и Советской власти, и советской политики, но зато готовы к борьбе...

Борьба требует от нас строгой, суровой дисциплины, требует сплочения всех сил вокруг наших революционных организаций.

Товарищи, думаю, что выражу то, что чувствуют и думают наши революционные войска, если скажу, что они сплотились вокруг центральных революционных организаций, готовые выступить по их первому призыву.

Ни одна воинская часть не предпримет самостоятельного выступления.

Каждый солдат, каждый матрос до тех пор не уйдет со службы, не оставит своего оружия, пока иностранная интервенция не будет прекращена и мы не воссоединимся с Советской Россией.

Наши войска не хотят войны, слишком много пролито крови, слишком много несчастий сулит новая борьба всему населению. И на войну мы первые не пойдем.

Но если нас вызовут, если на нас нападут, то и мы ответим борьбой.

Наша молодая Красная Армия сильна не своим числом, а тем, что за ней стоят неисчислимые ряды угнетенных народов, эксплуатируемых классов всех стран, которые ведут повсюду ожесточенную борьбу за те же цели — за создание лучшего, справедливого, советского строя.

На этом заседании нужно сказать несколько слов о наших отношениях с японцами.

То, что делают японцы, создает тревожное положение. Ими занят в городе ряд важных пунктов, вывешен флаг на Тигровой горе, и все это без какого-либо повода с нашей стороны. И это в то время, когда в официальных отношениях произошло заметное улучшение.

Я должен вам сообщить, что японцы предложили нам образовать русско-японскую военную комиссию.

Эта комиссия заседала сегодня, и это первое заседание показало, что японцы хотят оформить создавшееся положение и прийти с нами к определенному соглашению по ряду вопросов. Так что наши официальные дипломатические отношения сейчас можно назвать хорошими. Общее же положение продолжает оставаться неопределенным и напряженным.

Товарищи! Сегодняшнее заседание Совета нужно сравнить с его первым заседанием — в марте 1917 года. Какая разница!

Тогда революционная армия и пролетариат праздновали свержение царизма и только едва намечали пути, по которым пойдет революция.

Тогда Совет, наполовину готовый отказаться от Советской власти, еще не был тем боевым органом, каким стал потом, каким он является теперь, когда в результате неумолимой классовой борьбы все признали гегемонию Советов, все поняли, что нет другого выхода, кроме Советской власти. Но еще более должны мы сравнить сегодняшний день с последними днями Владивостокского Совета — в июне 1918 года.

Слишком много сходства. И тогда, как теперь, Совет был окружен превосходными вооруженными силами; вместе с чехами выступали те партии, которые думали произвести революцию наполовину.

И наши товарищи говорили этим партиям, что, свергая Советы, они тем самым роют себе могилу.

Теперь этих партий нет. Вызванная ими контрреволюция погубила их, и теперь они готовы признать Советы. Эти полтора года свели на нет и реакцию, и мы подошли

вплотную к борьбе с иностранным империализмом — против нас стоит японская армия.

Мы на это смотрим открыто и открыто говорим, что не революционная Россия нападет на Японию.

Пусть мы здесь слабы, пусть нас может раздавить один удар японского империализма, пусть этот удар разобьет Совет. Но он не может предотвратить неумолимого хода истории.

И в глаза угрожающему нам японскому империализму мы смотрим открыто; мы смотрим как победители — да, как победители. Когда два года тому назад наши товарищи заключили с немцами унизительный мир, тогда они писали, что на этих переговорах они чувствовали себя как победители. И наши товарищи были правы. И те события, которые разыгрались и разыгрываются в Германии, подтвердили их слова.

И здесь мы знаем: пусть разгромят японцы Владивостокский Совет, но живы будут Советы; с новой, во много раз большей силой подымутся они через некоторое время — и у нас, и в Японии.

Пусть японский империализм разобьет нас здесь, по тем самым он подпишет себе приговор.

Да, между концом июня 1918 года и сегодняшним днем много общего,— только события развернулись в грандиозном масштабе, перспектива стала шире и величественнее.

Мы не знаем, что сулит нам завтрашний день, но мы должны вести свою революционную работу, должны оставаться на своем посту.

На сегодняшнем заседании мы должны вспомнить первого председателя Владивостокского Совета — погибшего товарища Суханова.

Многие здесь знают его твердую волю и светлый ум, знают, что он был вождем владивостокского пролетариата. И, вспоминая его преждевременную гибель, мы не будем прославлять его как героя и жалеть о его преждевременной утрате.

Нет, этого вождям пролетариата не надо. Он исполнил свой долг и стоял на своем посту до конца...

Еще новые и новые жертвы будут вырваны из рядов борющегося пролетариата, но это не задержит его победного шествия. Эти жертвы неизгладимыми письменами запишут в историю этой борьбы.

Товарищи! Ныне положение Совета здесь, во Владивостоке, и положение Советов в России разное.

Там, за Байкалом, ценой нечеловеческих усилий Советы, разрушив старое, победили наконец. Они могут перейти к мирной, созидательной работе.

Мы же здесь победы не одержали... Мы должны помнить, что Советы не только созидатели нового, но они и могильщики старого, умирающего строя. И эта работа могильщиков здесь не закончилась.

Пусть внутренняя реакция обессилена и распылена, но внешняя реакция имеет возможность осуществлять свою политику...

В борьбе за восстановление Советов во Владивостоке и во всем крае пролито много крови, и еще будет пролита кровь, но рано или поздно Советская власть восторжествует здесь.

Волна за волной бьет революционная стихия и подтачивает твердыню капитала. Много башен, много стен рухнуло, а другие уже подточены.

Не будем упывать, не будем смущаться тем, что за той победной волной, которая привела нас сюда, на заседание Владивостокского Совета, что за ней наступят черные дни. Будем смотреть жизни открыто в глаза; нам нечего терять, кроме цепей, и, как ни черны те тучи, которые нависли над нами, не им принадлежит победа, а нам.

Г. РЕЙХБЕРГ,
А. ШУРЫГИН

Послесловие

Сергей Георгиевич Лазо родился 7 марта (23 февраля с. ст.) 1894 года в селе Пятры Оргеевского уезда Бессарабской губернии (ныне Молдавской ССР). Его родители — Георгий Иванович и Елена Степановна — происходили из молдавских дворян. Это были культурные, образованные, демократически настроенные люди. Они воспитывали у детей привычку к чтению, любовь к книгам. В доме имелась большая библиотека, в которой были не только русские издания, но и книги, выписанные из-за границы. Тринадцатилетний Сергей читает русских классиков — Гончарова, Тургенева и заносит свои впечатления о прочитанном в дневник.

До шестнадцати лет Сергей Лазо учился дома. Родители стремились воспитать в детях трудолюбие, честность, закаляли их физически, приучали к труду.

В 1910 году семья переезжает в Кишинев. Сергей успешно сдает экзамены за шесть классов и поступает в 7-й класс 1-й мужской гимназии г. Кишинева. Он увлекается точными науками — математикой, физикой, химией. Сергей Лазо пользуется любовью товарищей, вокруг него группируется кружок гимназистов. Они часто собираются в доме семьи Лазо на Садовой улице, читают Герцена, Добролюбова, Белинского — эти книги оказали, несомненно, влияние на мировоззрение Сергея Лазо.

В 1912 году он оканчивает гимназию и поступает в Петербургский технологический институт, издавна славившийся своими революционными традициями. Здесь в свое время учились соратники В. И. Ленина — Г. М. Кржижановский, Л. Б. Красин, А. А. Ванеев, С. И. Радченко и другие.

Вот запись Сергея Лазо о годах учения: «Я горячо полюбил те скромные задатки коллективизма, которые я видел в кипучей рабочей жизни Технологического института».

А дальше о Петербурге: «Эта жизнь столицы не ослепила меня своим блеском, не оглушила своим шумом, наоборот, спокойно наблюдая ее, я все сильнее проникался сознанием глубокой закономерности тех сложных свя-

зей и вопиющих противоречий, которыми полна эта жизнь» [1].

Не удовлетворенный узко инженерной специализацией, которую давал Технологический институт, С. Г. Лазо в 1914 году уезжает в Москву и поступает на физико-математический факультет Московского университета. Но его интересовали не только математика и точные науки. Поэтому одновременно с занятиями в Московском университете он посещает лекции историко-философского отделения вольного университета им. А. Л. Шанявского. Занимаясь в библиотеке Румянцевского музея, знакомится с книгами известного библиографа, замечательного русского просветителя и общественного деятеля Николая Александровича Рубакина. В одной из книг рубакинской серии была напечатана статья В. И. Ленина «О большевизме» [2].

В 4-м номере легального большевистского журнала «Просвещение» за 1914 год была опубликована рецензия В. И. Ленина на труд Н. А. Рубакина «Среди книг». «Нечего и говорить,— писал Ленин,— что издание подобного типа представляет громадный интерес и что план автора, в общем и целом, вполне верен. В самом деле, дать *разумный* «обзор русских книжных богатств» и «справочное пособие» для самообразования и библиотек нельзя иначе, как в связи с историей идей» [3].

Сергей Лазо очень сожалел, что эта «чудная книга» не попалась ему раньше. В дневнике от 3 марта 1915 года он пишет: «Я не знал, как учиться, как читать, как регулировать свое время».

Познакомившись с книгой Н. А. Рубакина, Лазо составляет план «упорной работы по всестороннему образованию» — и это были не пустые слова. Два года, с 1914 по 1916-й — для него время накопления знаний не только из книг и лекций в университетах, но и в студенческом кружке, время знакомства с такими людьми, как студент-технолог Ф.; «по нашей книжной классификации — это тип интеллигента-марксиста» — так характеризует его С. Лазо в своих записях. В это же время, окончив специальные курсы, Сергей Лазо работает братом милосердия в солдатском госпитале. Видит отрицательное отношение к войне простого народа. Идет процесс возмужания, становления личности Сергея Лазо. «Всем существом моим

[1] *Лазо Сергей.* Дневники и письма. Владивосток, 1959, с. 99.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 279.
[3] Там же, т. 25, с. 111.

тогда овладело стремление к знанию и стремление к действию» [1],— напишет он впоследствии.

Шла первая мировая война. В июне 1916 года С. Лазо был призван в армию, его направили в Московское Алексеевское военное училище. В декабре того же года в чине прапорщика он получает назначение в Красноярск в 15-й стрелковый сибирский запасной полк.

Прошло два месяца службы в полку. Лазо уже освоился с должностью командира взвода, близко сошелся с солдатами, и тут грянула Февральская революция. Солдаты избирают Лазо в Красноярский Совет. Он возглавляет солдатскую секцию Красноярского Совета, преобразованную в августе 1917 года в военную секцию Енисейского губернского Совета. Вскоре его выбирают делегатом на съезд Советов Восточной и Западной Сибири.

В конце мая 1917 года Красноярский Совет избрал двух делегатов на I Всероссийский съезд Советов: Б. З. Шумяцкого и Н. В. Мазурина. Сергей Лазо присутствовал на этом съезде в качестве гостя [2]. Он слышал две исторические речи В. И. Ленина — «Об отношении к Временному правительству» и «О войне». И те положения, которые высказал В. И. Ленин, Лазо воспринял как директивы, как руководство к действию.

С 16 по 23 октября 1917 года в Иркутске проходил I Общесибирский съезд Советов. На съезд приехали представители не только Сибири, но и Дальнего Востока. Съезд проходил под большевистскими лозунгами: «Вся власть Советам!», «Долой правительство Керенского», «Мир на фронте — земля крестьянам». Лазо — активного участника съезда — избирают членом Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири (Центросибири).

«Работа и работа, и с удовлетворением чувствуешь, что любимому делу жертвуешь не только все свои силы, но не побоишься отдать за него жизнь» [3] — так пишет он об этом времени.

После съезда Лазо возвращается в Красноярск и там узнает о победе вооруженного восстания в Петрограде.

Губернский Енисейский Совет образовал военный штаб во главе с Сергеем Лазо, ему поручили арестовать комиссара Временного правительства, захватить почту, телеграф, банк и другие государственные учреждения. В ночь на

[1] *Лазо Сергей*. Дневники и письма, с. 104.

[2] См.: Очерки истории Красноярской партийной организации. Красноярск, 1967, т. 1, с. 255.

[3] *Лазо Сергей*. Дневники и письма, с. 143.

29 октября Лазо успешно выполнил это поручение. Об этом свидетельствует телеграмма комиссара Временного правительства Крутовского, посланная в Петроград: «Большевики заняли солдатами казначейство, банки и все правительственные учреждения. Гарнизон в руках прапорщика Лазо...» [1]

В декабре 1917 года начался контрреволюционный мятеж в Иркутске. Красноярский Совет направил на помощь рабочим Иркутска отряд Красной гвардии под командованием С. Лазо. Десять дней с переменным успехом шли ожесточенные уличные бои. Это был серьезный экзамен для Лазо, он впервые участвовал в боях и проявил личную храбрость и военное умение.

18 декабря мятеж был подавлен, в Иркутске восстановлена Советская власть. Лазо был назначен военным комендантом города и начальником гарнизона.

Отгремели выстрелы на улицах Иркутска, но борьба контрреволюции против власти Советов не прекратилась. В январе 1918 года «Особый маньчжурский отряд» под командованием белогвардейского атамана Семенова перешел государственную границу и стал продвигаться вдоль железной дороги к Чите. Малочисленные слабовооруженные красногвардейские отряды вынуждены были отступать. Тогда из Иркутска в Забайкалье был направлен сводный отряд красногвардейцев и солдат во главе с Лазо.

23 февраля 1918 года II Всесибирский съезд Советов выносит решение назначить С. Лазо «командующим революционными войсками по борьбе с семеновской контрреволюционной авантюрой» и одновременно чрезвычайным комиссаром Центросибири по борьбе с контрреволюцией в Сибири [2]. А через неделю в Центросибири получено донесение от него:

«1 марта, в 6 часов утра, наши отряды заняли Даурию, выжив окончательно семеновцев. Пришлось употребить орудия. У нас раненых нет. У семеновцев есть убитые и раненые... Нашими войсками заняты Харанор, разъезд 81, станция Даурия. Испорченные семеновцами пути восстановлены» [3].

Так первая попытка Семенова овладеть Забайкальем и отрезать Дальний Восток от Советской России провалилась.

5 апреля 1918 года во Владивостоке высадились войска японцев и англичан, а в ночь на 8 апреля атаман Семенов

[1] Красноярский рабочий, 1917, 31 октября.
[2] Власть труда, 1918, 26 февраля и 3 марта.
[3] Власть труда, 1918, 5 марта.

вновь перешел границу и повел наступление вдоль железной дороги в направлении Читы, но был остановлен у станции Оловянная. К этому времени на помощь Советам в Забайкалье прибыли красногвардейские отряды из разных мест Сибири и Дальнего Востока. На станции Адриановка под руководством Лазо проходило переформирование частей. Был создан Военный совет фронта во главе с Лазо, образованы батальоны Красной гвардии и Красной Армии. Тщательная военная и политическая подготовка сыграла важную роль в укреплении дисциплины и боеспособности. В. И. Ленин в «Тезисах о современном политическом положении» писал: «За последние дни, т. е. в первую треть мая 1918 г., политическое положение чрезвычайно обострилось как в силу внешних, так и в силу внутренних причин... усилилось прямое наступление контрреволюционных войск (Семенова и др.) при помощи японцев на Дальнем Востоке...» [1]

8 мая советские войска перешли в контрнаступление в районе Адриановки. К 20 июня семеновцы были отброшены к маньчжурской границе.

В это время в связи с выступлением белогвардейцев в Западной Сибири, поддержанным контрреволюционным мятежом чехословацкого корпуса бывших военнопленных, возник Прибайкальский фронт.

11 июля белочехи заняли Иркутск.

13 июля атаман Семенов вновь перешел в наступление, но 26 июля в результате ряда смелых операций, разработанных командующим Лазо, Семенов вновь вынужден был бежать в Маньчжурию.

29 июля на заседании Читинского Совета была получена телеграмма от Лазо об изгнании с территории Забайкалья банд атамана Семенова.

Тем временем объединенные силы белогвардейцев и интервентов наступали на Читу с двух сторон: со стороны Иркутска и Владивостока. В эти тяжелые для Советской власти дни Сергей Георгиевич Лазо оформляет свое вступление в ряды большевистской партии. В августе 1918 года Забайкальский комитет РКП(б) вручил Сергею Лазо партийный билет и направил его на Прибайкальский фронт. Бронепоезд и небольшой отряд во главе с Лазо сдерживали наступление белогвардейцев.

20 августа советские части оставили Верхнеудинск (Улан-Удэ), 26 августа — Читу.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 322.

28 августа на станции Урульга Забайкальской железной дороги состоялась конференция партийных, советских и военных работников Сибири и Дальнего Востока. Основной доклад о положении на фронте делал Лазо. Конференция приняла решение: ввиду создавшегося положения ликвидировать фронт, открытую вооруженную борьбу прекратить, перейти на нелегальное положение и готовиться к новым формам борьбы с интервентами и белогвардейцами.

В середине декабря Лазо вместе с женой Ольгой Андреевной удалось пробраться во Владивосток. Жили они там на нелегальном положении. Связь с подпольным большевистским комитетом установили довольно быстро.

В январе 1919 года С. Г. Лазо избрали членом Дальневосточного областного комитета РКП(б).

В феврале — марте начались первые антиколчаковские восстания в Сучанском районе, на Тетюхинском руднике и в других районах Южного Приморья.

4 апреля в селе Фроловка на совещании представителей партизанских отрядов Ольгинского уезда был образован Временный военно-революционный штаб Ольгинского уезда.

В середине апреля Дальневосточная подпольная конференция РКП(б) приняла решение об усилении руководства партизанским движением, а в мае Сергей Лазо с группой товарищей был направлен в партизанские районы Приморья. Большевики развернули там широкую политическую работу среди партизан и населения; они информировали их о боевых действиях Красной Армии, призывали к борьбе за Советскую власть.

Сергей Лазо принимал активное участие в политической работе среди партизан и крестьян. Живой и непосредственный, он быстро сходился с людьми. Это помогало ему во время объезда деревень, где располагались партизанские отряды, поднимать народ на борьбу с врагами.

С 27 июня по 3 июля проходил I съезд трудящихся Ольгинского уезда в селе Сергеевка. На съезде Лазо избрали командующим партизанскими отрядами Приморья.

Вначале партизаны добились ощутимых успехов, захватили и вывели из строя Сучанскую железнодорожную ветку, соединявшую Владивосток с Сучанскими угольными копями, лишив тем самым корабли интервентов и железную дорогу топлива. Но летом партизанам под давлением превосходящих сил врага пришлось отойти в тайгу. Этот эпизод впоследствии нашел свое отражение в романе Фадеева «Разгром».

Партизанская борьба в Приморье приняла затем довольно широкий размах. Это вынуждены были признать сами враги. Управляющий Приморской областью сообщал министру внутренних дел колчаковского правительства: «Большевистские выступления во всех уездах развиваются прогрессивно, имеют определенный план, чувствуется тонкая руководящая сила, планомерность сказывается в последовательных ударах по крупным промышленным центрам».

В ноябре 1919 года областной комитет партии отзывает Лазо во Владивосток и поручает ему руководство военным отделом и подготовкой восстания. А когда в декабре создается Военно-революционный штаб, его председателем становится С. Г. Лазо (подпольная кличка Анатолий Гуран).

Штаб провел большую работу по созданию на предприятиях рабочих дружин и революционных групп среди солдат, насильно мобилизованных в армию Колчака. Наряду с подготовкой восстания в Приморье С. Лазо участвовал в составлении информации о деятельности подпольного Дальневосточного областного комитета РКП(б), посланной в ЦК РКП(б) и Совпарком РСФСР, а также в составлении декларации Центрального бюро профсоюзов Владивостока к рабочим всех стран, которая распространялась в зарубежных странах.

«Нами,— сообщал С. Лазо,— составлена и послана подробная информация в Америку тамошним коммунистическим организациям и послу Советского правительства Мартенсу. Сейчас подготовляется ряд материалов для Советской России...» [1]

С. Лазо являлся автором передовых статей нелегальной газеты «Коммунист», многих воззваний и приказов, связанных с подготовкой восстания против колчаковской власти в Приморье.

Во время подготовки восстания Лазо работал напряженно, принимал представителей партизанских отрядов и нелегальных солдатских комитетов. Он инструктировал их, писал приказы, воззвания и листовки. В его записной книжке от 1 января 1920 года есть такие строки: «В эти напряженные дни подготовки восстания, когда приходилось работать круглые сутки, вырывая случайные свободные часы для сна, в эти дни не чувствовалось усталости, работа захватывала...

[1] *Лазо Сергей.* Воспоминания и документы. М., 1938, с. 146.

Я не знаю, как лучше передать ощущение этих минут. Я бы сказал, где найден закон, который говорит, что человек должен спать восемь часов, который отрицает возможность сделать завтра в два раза больше, чем было сделано вчера. Но есть другой закон, много раз подтвержденный жизнью, о том, что в работе и борьбе крепнет и растет человек...»[1]

26 января 1920 года для непосредственного руководства восстанием во Владивостоке был создан Объединенный оперативный штаб во главе с Лазо. Он помещался на конспиративной квартире рабочего П. В. Зюзина в доме № 5 по Селенгинской улице.

План восстания был составлен Лазо с исключительной тщательностью. 26 января перешел на сторону восставших гарнизон станции Океанской возле Владивостока. Партизаны заняли в это время Никольск-Уссурийский, Сучан, Шкотово. Во Владивостоке восстание началось в 3 часа утра 31 января, и уже в середине дня власть колчаковского генерала Розанова в Приморье была ликвидирована без кровопролития, армия перешла на сторону народа, партизаны вошли в город, рабочие, бастовавшие перед восстанием, немедленно приступили к работе.

Подготовка и проведение восстания 31 января 1920 года являются блестящей страницей деятельности Сергея Лазо.

После победы восстания, во избежание конфликта с интервентами, власть была передана Приморской областной земской управе, куда наряду с эсерами и меньшевиками входили и большевики. Руководство армией осталось за коммунистами. Лазо возглавил Военный совет в новом правительстве.

3 марта 1920 года Сиббюро ЦК РКП(б) утвердило С. Г. Лазо членом Дальбюро РКП(б).

С 16 по 19 марта в Никольске-Уссурийском проходит Дальневосточная краевая конференция РКП(б), на которой Лазо был избран членом Дальневосточного краевого комитета. Его доклад на этой конференции «Текущий момент и тактика партии» свидетельствует о том, что круг деятельности Лазо выходил за рамки чисто военных вопросов. Руководя Военным советом, Лазо оставался неутомимым пропагандистом и агитатором. 12 марта на городском митинге трудящихся Владивостока он выступал с речами три раза: на вокзале, перед колонной корейских

[1] *Лазо Сергей.* Дневники и письма, с. 146.

трудящихся и на могиле погибшего в 1918 году К. Суханова, председателя Владивостокского совета.

В пламенных речах Сергея Лазо выражалась твердая уверенность в победе над врагом. Выступая от имени Военного совета, он говорил: «Та армия, которая раньше была страшна рабочим,— теперь не существует. Отныне солдат не страшен рабочему» [1]. В речи, обращенной к корейским трудящимся, С. Лазо призывал их к единству в борьбе против японских интервентов. Победу над ними он связывал с освобождением корейского народа от гнета японского империализма.

На могиле К. Суханова и Д. Мельникова Лазо сказал: «Они боролись за ту идею, которая требует жертв. Мы скажем им, что за эту идею мы будем еще бороться долго и упорно и в этой борьбе мы победим...» [2] Лазо был талантливым агитатором и оратором. «Ему свойственна была,— вспоминал позднее Александр Фадеев,— глубочайшая убежденность в том, что он говорит, убежденность такого рода, которая действует магически. Кроме того, он обладал незаурядным ораторским дарованием, умел находить простые слова, доходящие до сознания трудящихся людей... Он умел заставить массу слушать себя».

В своем последнем выступлении 3 апреля 1920 года Лазо говорил: «В борьбе за восстановление Советов во Владивостоке и во всем крае пролито много крови, и еще будет пролита кровь, но рано или поздно Советская власть восторжествует здесь». Он не ошибся в своем предвидении, хотя в ночь на 5 апреля 1920 года японская военщина предательски выступила по всему Приморью. Большевики С. Лазо, А. Луцкий и В. Сибирцев — были арестованы. И хотя Лазо назвался на допросе прапорщиком Козленко, японцам удалось установить, кто скрывается под этой фамилией. 9 апреля Лазо, Луцкого, Сибирцева увезли в неизвестном направлении. В конце мая, как было установлено позднее, японцы передали Лазо и его товарищей белогвардейцам из бочкаревского отряда. На станции Муравьево-Амурская (ныне станция Лазо) герои-большевики были заживо сожжены в паровозной топке. На запросы о том, где Лазо, интервенты отвечали лицемерно, что «Лазо не был арестован японским командованием, так как оно принципиально не арестовывало идейных политических деятелей».

[1] Газета «Эхо» (Владивосток), 1920, 14 марта.

[2] Там же.

Так погиб двадцатишестилетний выдающийся организатор борьбы за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке.

В поэме «Владимир Ильич Ленин» Маяковский о таких бесстрашных героях революционной борьбы писал:

В паровозных топках
сжигали нас японцы,
Рот заливали свинцом и оловом,
Отрекитесь, ревели,
но из
Горящих глоток
лишь три слова:
— Да здравствует коммунизм!

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

АСЕЕВ Н. Н., русский советский поэт. Участник гражданской войны на Дальнем Востоке.

БОРОДАВКИН В. А., член КПСС с 1909 г. В 1917—1918 гг. один из организаторов Красной гвардии во Владивостоке, командир 1-го Дальневосточного социалистического отряда на Забайкальском фронте. В 1919 г. командир партизанского отряда «Пролетарий», командующий партизанскими отрядами 1-го района Амурской области, член областного партизанского штаба. В 1920—1922 гг. помощник главкома Народно-революционной армии (НРА) по политчасти, товарищ председателя Учредительного собрания Дальневосточной республики (ДВР), председатель комиссии по борьбе с бандитизмом в Амурской области, командир Благовещенского укрепленного района.

ГОЛОВНИНА Т. М., член КПСС с 1918 г. В 1918—1920 гг. активная участница подпольной партийной работы во Владивостоке и партизанского движения в Приморье.

ГУБЕЛЬМАН М. И., член КПСС с 1902 г. В 1917—1918 гг. член Дальневосточного краевого бюро большевиков, член Владивостокского Совета, член Дальневосточного краевого комитета Советов и Дальсовнаркома; в 1919 г. член Дальневосточного областного комитета РКП(б), один из организаторов и руководителей партизанского движения в Приморье. В 1920 г. председатель Приморского обкома РКП(б), с апреля 1921 г. до 18 сентября 1922 г. член Дальбюро ЦК РКП(б), в 1921 г. член Военного совета НРА.

ЖИГАЛИН Я. П., член КПСС с 1920 г., бывший прапорщик, был выборным командиром 2-го Читинского кавалерийского полка, участвовал в установлении Советской власти в Чите и Забайкальской области, начальник штаба Зоргольского отряда в боях на Даурском фронте. В 1919 г. был начальником штаба Западно-Сибирской партизанской армии. В 1920—1921 гг. был комиссаром 2-й Иркутской дивизии Народно-революционной армии ДВР, членом Военного совета объединенного Забайкальско-Амурского фронта, руководившего ликвидацией «читинской пробки».

ИЛЬЮХОВ Н. К., член КПСС с 1920 г., был одним из организаторов партизанского движения в Сучанском районе Приморской области, был командиром партизанского отряда и начальником Сучанского партизанского района. В 1921 г. участвовал в подпольной партийной работе во Владивостоке. В 1922 г. был депутатом Народного собрания ДВР.

ИОГАНСОН О. Н., член КПСС с 1915 г. В 1917—1918 гг. член Иркутского комитета РКП(б) и Иркутского Совета, участвовала в боях на Нижнеудинском и Прибайкальском фронтах. С октября

1918 г. до начала февраля 1920 г. участвовала в подпольной работе Благовещенской подпольной большевистской организации, была членом подпольного комитета.

КЛАРК-АНОСОВА А. А., жена Б. П. Кларка, участника боев на Забайкальском фронте, командира особой сотни, убитого в августе 1918 г.

ЛАЗО А. С., дочь С. Г. Лазо, член КПСС, литературный работник.

ЛАЗО (ГРАБЕНКО) О. А., член КПСС с 1914 г. В 1918 г. политработник Аргунского казачьего полка на Забайкальском фронте. В 1918—1920 гг. участвовала в работе владивостокской подпольной большевистской организации, была связной Дальневосточного комитета РКП(б).

МАТВЕЕВ Н. М., член КПСС с 1918 г., председатель Совнаркома Забайкальской области, после оккупации интервентами Дальнего Востока был арестован и заключен в концлагерь под Хабаровском, где находился до февраля 1920 г. В 1921—1924 гг. был членом Дальбюро ЦК РКП(б), в 1921—1922 гг. председателем правительства ДВР.

МЕЛЕХИН И. Я., член КПСС с 1917 г. На Дальний Восток прибыл в «эшелоне смерти», в 1919 г. бежал из плена и командовал партизанским отрядом в Иманском районе. В 1920—1922 гг. командир Иманского стрелкового батальона, командир коммунистического отряда особого назначения в боях под Волочаевкой и Спасском.

ПОМЕРАНЦЕВА А. В., член КПСС с 1903 г., член Енисейского и Красноярского Советов. Редактор газеты «Красноярский рабочий». После контрреволюционного переворота в Сибири в 1918 г. находилась в заключении.

САХЬЯНОВА М. М., член КПСС с 1916 г. В 1917—1918 гг. член и секретарь Иркутского комитета РКП(б). В 1919—1920 гг. секретарь подпольного Дальневосточного областного комитета РКП(б).

СЕКРЕТАРЕВА З. И., член КПСС с 1917 г. В 1917—1921 гг. активно участвовала в партийной работе в Приморье, была членом Владивостокского и Дальневосточного областного комитетов партии, членом редколлегии газет «Красное знамя», «Рабочий и крестьянин», «Набат», членом Центрального бюро профсоюзов во Владивостоке. В 1921—1922 гг. секретарь Совета Министров ДВР и секретарь Дальневосточной контрольной комиссии РКП(б).

СЕНКЕВИЧ А. А., член КПСС с 1917 г., участвовал в партийной работе во Владивостоке, в 1918—1920 гг. был организатором врачебного дела в партизанских отрядах Приморья и врачом таежного лазарета.

СТАНКОВА З. П., член КПСС с 1917 г. В 1918—1920 гг. член и секретарь Владивостокского комитета РКП(б), в конце июня

1919 г. была арестована и находилась во владивостокской тюрьме до 31 января 1920 г. В 1920—1922 гг. на партийной работе во Владивостоке и Благовещенске.

ФАДЕЕВ А. А. (Булыга), писатель, член КПСС с 1918 г. В 1918—1919 гг. нелегально работал во Владивостоке. В 1919—1920 гг. активный участник партизанского движения в Приморье. В 1920—1921 гг. политработник НРА, врид военкома 8-й бригады 3-й Амурской стрелковой дивизии. Делегат X съезда РКП(б) от парторганизаций НРА.

ЧЕРЕМНЫХ С. Г., член КПСС с 1917 г. В 1918—1919 гг. работал в большевистских подпольных организациях Омска и Новосибирска, в июле 1919 г. приехал во Владивосток. С сентября 1919 г. заворготделом Дальневосточного подпольного комитета РКП(б), с апреля 1920 г. председатель оргбюро, затем секретарь Амурского обкома РКП(б), в 1921—1922 гг. заведовал орготделом Дальбюро ЦК РКП(б).

ЯКИМОВ А. Т., член КПСС с 1917 г. В 1918 г. член Центросибири, с июля 1918 г. редактор газеты «Центросибирь». В 1919 г. на подпольной работе в Троицкосавске, в 1920 г. был заведующим отделом Прибайкальского губкома и редактором газеты «Красное Прибайкалье». В 1921—1922 гг. начальник оргинструкторского отдела Военпура НРА, начальник политотдела партизанских отрядов Приморья. В 1921 г. член Учредительного собрания ДВР.

Содержание

СЕРГЕЙ ЛАЗО

Воспоминания и документы

Издание второе

Заведующий редакцией
А. И. КОТЕЛЕНЕЦ

Редактор
Л. И. СТЕБАКОВА

Младший редактор
Т. А. ХОДАКОВА

Художник
Б. Г. ПОПОВ

Художественный редактор
О. Н. ЗАЙЦЕВА

Технический редактор
Ю. А. МУХИН

ИБ № 5255

Сдано в набор 17.04.85. Подписано в печать 18.07.85. А00148. Формат 84×108 1/32. Бумага книжно-журнальная импортная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,13. Усл. кр.-отт. 11,87. Уч.-изд. л. 11,56. Тираж 400 000 (200 001—400 000) экз. Заказ 1972. Цена 45 коп.

Политиздат. 125811, ГСП. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

С. Лазо принадлежал
к очень незаурядным людям...
Он был прежде всего
пролетарским революционером,
революционером до последней
капли крови...
Это был человек высокой
рыцарской чести
и благородства.

А. ФАДЕЕВ

Издательство
политической
литературы